

МИФЫ О ДРАКОНАХ
ОТ ЗМЕЯ-ИСКУСИТЕЛЯ
И ЛЕРНЕЙСКОЙ ГИДРЫ
ДО СКАНДИНАВСКОГО ФАФНИРА
И МОРСКОГО ЛЕВИАФАНА

СКОТТ ГОРДОН БРЮС

МИО

Мифы от и до

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ
СКОТТ ГОРДОН БРЮС

МИФЫ О ДРАКОНАХ
ОТ ЗМЕЯ-ИСКУСИТЕЛЯ
И ЛЕРНЕЙСКОЙ ГИДРЫ
ДО СКАНДИНАВСКОГО ФАФНИРА
И МОРСКОГО ЛЕВИАФАНА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
НАТАЛИИ ИВАНОВОЙ

Москва
МИФ
2024

УДК 398.44
ББК 82.3(0)
Б89

Оригинальное название:
The Penguin Book of Dragons

Брюс, Скотт Гордон

Б89 Мифы о драконах. От змея-искусителя и лернейской гидры до скандинавского Фафнира и морского Левиафана / авт.-сост. С. Г. Брюс ; пер. с англ. Н. Ивановой. — Москва : МИФ, 2024. — 352 с. : ил. — (Мифы от и до).

ISBN 978-5-00250-009-3

Драконы — самое знаменитое творение человеческой фантазии. Чудовищные змеи греко-римских мифов, средневековые воплощения дьявола, стражи сокровищ в скандинавских сагах — каждая эпоха и культура порождали своих драконов, в которых отражались чаяния и страхи человечества. Век за веком эти существа вызвали трепет и восхищение, вдохновляя бесчисленных писателей, поэтов и художников.

Эта книга — захватывающее иллюстрированное исследование происхождения и роли драконов в мировой культуре: от Античности до книг Толкина и Джорджа Мартина. Вы проделаете большое путешествие через страны и тысячелетия, чтобы увидеть драконов во всем их великолепии.

УДК 398.44
ББК 82.3(0)

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Текст печатается по изданию:
Брюс С. Г. Книга драконов.
Гигантские змеи, стражи сокровищ
и огнедышащие ящеры в легендах
со всего света.
М. : Манн, Иванов и Фербер,
2022. 264 с.

ISBN 978-5-00250-009-3

Introduction, notes, and selection copyright © 2021
S. G. Bruce
All rights reserved including the right of reproduction
in whole or in part in any form.
This edition published by arrangement with Penguin
Classics, an imprint of Penguin Publishing Group,
a division of Penguin Random House LLC
© Перевод на русский язык, издание на русском языке,
оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 7

ЧАСТЬ I

Античные враги: чудовищные змеи
в греко-римской мифологии 13

ЧАСТЬ II

Сатанинские змеи: драконы и святые
в эпоху раннего христианства 41

ЧАСТЬ III

Стражи сокровищ:
змеи в скандинавской литературе 73

ЧАСТЬ IV

Книги о монстрах: знания о драконах
в средневековой Европе 91

ЧАСТЬ V

Драконьи демоны и людоеды:
истории из Византии 123

ЧАСТЬ VI

Драконы и их истребители:
в эпоху позднего Средневековья 149

ЧАСТЬ VII

Продолжатель Антихриста: драконы в литературе
раннего Нового времени 181

ЧАСТЬ VIII

Боги и чудовища:
драконы Востока 203

ЧАСТЬ IX

Здесь живут драконы: обиталища чудовищ
раннего Нового времени 243

ЧАСТЬ X

Укрощенный ужас: ручные одомашненные дракончики
в детской литературе 297

Мои благодарности 342

Об авторе 344

Рекомендуемая литература 345

Библиография 346

Источники иллюстраций 351

Посвящается Гэри Гайгэксу* (1938–2008),
королю жанра фэнтези

Введение

Мы живем в золотой век драконов. Прошрое столетие стало свидетелем резкого роста популярности этих рептилий в литературе и кино, и в наши дни она остается неизменной. Десятилетиями читатели Толкина, Урсулы Ле Гуин, Джорджа Мартина и Джоан Роулинг с замиранием сердца следят за схватками героев с драконами — и сражениями, и хитроумными спорами. Волшебные спецэффекты фильмов вроде «Седьмого путешествия Синдбада» (1958) и «Победителя дракона» (1981) позволили зрителям прикоснуться к чудесам, восхититься и насладиться мощью и величием этих легендарных созданий.

Начиная с 1970-х гг. настольные игры вроде *Dungeons & Dragons* («Подземелья и драконы») приучили начинающих искателей приключений к битвам, полным опасностей, и как минимум два поколения участвовали в захватывающих дух схватках с огнедышащими красными драконами, и с черными драконами, извергающими яд, и с голубыми драконами, мечущими молнии. Современные компьютерные игры, созданные на основе D&D, шагнули еще дальше, и теперь участники игры сами выступают в роли фантастических героев в воображаемом мире, полном великолепных цифровых деталей.

После выхода в 2004 г. игры *World of Warcraft* миллионы геймеров объединились в борьбе с драконами. Они проникают в мрачное логово Ониксии, бьются с драконьей праmaterью стаи черных драконов Азерота или нападают на бессмертного ледяного змея Сапфилона в парящем некрополе Наксрамас.

* Американский разработчик настольных игр, один из авторов игры *Dungeons & Dragons*. Здесь и далее примечания редактора.

В последние десять лет драконы главенствуют во многих франшизах видеоигр: *Dark Souls* (2011), *The Elder Scrolls V: Skyrim* (2011) и *Minecraft* (2011), самой популярной и покупаемой игре в истории. Совсем недавно внимание зрителей всего мира захватил эпический сериал, снятый по книгам Джорджа Мартина «Песнь льда и пламени», а имя Дейенерис Таргариен, матери драконов, теперь известно каждому.

Фактически драконы — самое знаменитое создание человеческой фантазии. Наш трепет перед ними коренится глубоко в прошлом. От классиков древнего мира и до наших дней легенды о таинственных и злобных драконах многократно пересказывались в героических и исторических эпосах Европы

Рождение еще одной истории о драконах на иллюстрации Андрея Фереца

и Азии, от Древней Греции и Индии до средневековой Европы и Китая или пустошей современной Америки. Антология, которую вы держите в руках, включает многочисленные легенды и предания о драконах, а также показывает, какую роль эти существа играли в мифах, религиозных притчах и фольклоре.

Драконы встречаются в любой точке мира, а вот описание их характера и мест обитания варьируется от автора к автору и от страны к стране. Читателю очень легко заблудиться в этом многообразии драконов, ведь современные повествователи в основном прибегают к сложившимся за века клише о великих ящерах, которых воспевали сказители еще в пиршественных залах замков Северной Европы.

От мрачных залов Одинокой горы и голубых небес Вестероса до подземных кладовых волшебного банка «Гринготтс» — всюду мы встречаем гигантских огнедышащих ящеров с массивными крыльями летучей мыши, которые стерегут сокровища, припрятанные глубоко под землей, а также сеют хаос и несут разрушение, извергая огонь из своей пасти. Но на самом деле многие собранные здесь истории полностью противоречат нашим представлениям о внешнем виде и поведении драконов, о местах их обитания и рационе, об их отношении к людям. Мы с вами увидим, как каждая отдельная культура порождает собственных драконов в соответствии со своими страхами и потребностями.

Продолжительная история драконов в мировой литературе ведет свое начало с ранних средиземноморских и ближневосточных цивилизаций. В античном мире их изображали как гигантских змеев, сжимающих тела жертв своими кольцами и убивающих ядовитым дыханием. Они охраняли священные рощи и источники, а их древнегреческое имя *drakon* — производное от глагола *derkomai*, «видеть», — подразумевает бдительность. Римские энциклопедисты, такие как Плиний, классифицировали драконов как экзотических животных, населяющих отдаленные земли, и эту традицию продолжили средневековые авторы.

С приходом христианства значимость драконов не только не уменьшилась, но и возросла в космическом масштабе: крылатые гиганты превратились из реальных существ, несущих физическую опасность, в посредников древнего зла и провозвестников конца света. Языческие культы средневековой Северной Европы традиционно пестовали собственное представление об этих великих рептилиях: от змея Ёрмунганда из Мидгарда в скандинавской мифологии до огнедышащего дракона в поэме «Беовульф», древнейшем произведении английской литературы.

Христианских европейских писателей позднего Средневековья преимущественно интересовало естественное происхождение драконов, они до бесконечности обсуждали их пищевые пристрастия и обиталища. Основываясь на античных источниках, монахи Европы причисляли драконов к гигантским рептилиям, повествовали об их взаимоотношениях с другими животными (особенно об их враждебности по отношению к слонам) и регистрировали случаи встреч с драконами, полагая такие встречи дурным предзнаменованием. Однако естественная трактовка все чаще уступала место аллегорическому толкованию: в средневековом представлении о мире драконы почти всегда олицетворяли дьявола. Эта же точка зрения преобладала и в Византии, но с некоторыми неожиданными вариациями: греческие авторы были очарованы драконами не менее своих западных коллег, но, в отличие от католических монахов, порой представляли драконов в образе чудовищных людоедов, а не привычных гигантских змеев. К позднему Средневековью драконов стали изображать как вечных противников христианских героев, например в легендах о короле Артуре, в сказаниях о Крестовых походах и в житиях таких великомучеников, как святой Георгий и святая Маргарита.

Вдали от средневековой Европы, в Аравии, Южной Азии, Китае и Японии, литература создавала совершенно иной образ дракона. Да, в восточных сказках эти создания часто изображаются как страшные враги (это помогает подчеркнуть доблесть

Один из самых знаменитых драконов современности.
Кадр из сериала «Игра престолов»

благородных героев), но в азиатском мировосприятии драконы могли быть и уязвимыми жертвами, которые искали союзников среди людей, чтобы сразиться с еще более устрашающим противником. В этих сказаниях драконы могли жить рядом с людьми, превращаться в прекрасных женщин и мужчин и пользоваться всеми благами жизни аристократов. Их привязанность к людям даже приводила к романтическим отношениям.

В отличие от западных сказаний, азиатские легенды связывали драконов скорее с водной стихией, чем с огнем. Восточные драконы контролировали течение рек, часто представляя опасность для людей; нередко они сами были водными обитателями и жили на дне озер и океанов. Более того, в китайских медицинских трактатах высоко ценились разные части тела драконов, особенно их кости, обладающие целительными свойствами, но эта тема не получила развития у большинства европейских авторов.

В период позднего Средневековья драконы постепенно отошли на второй план в европейской традиции. В литературе они превратились в аллегория, как, например, змееподобные

противники в «Королеве фей» Эдмунда Спенсера, где они олицетворяли пороки в противовес добродетелям рыцарей. Опираясь на работы древних и средневековых авторов, гении Возрождения относились к драконам как к живым существам, но помещали их в отдаленные и неизученные места: в недра земли или на дно океана. К концу XIX в. наступление прогресса не оставило драконам и последних убежищ. Но именно в тот момент произошло удивительное превращение: в противовес античным и средневековым литературным традициям европейские авторы Новейшего времени начали приручать драконов. В их рассказах драконы представляли скорее как друзья человечества, нежели его враги, причем главную роль в этих историях стали играть дети.

Рассказы о драконах существуют в мировых культурах более двух тысячелетий, сохраняя свою привлекательность по целому ряду причин. Огнедышащие могущественные создания служат мерилom мужества почитаемых нами героев. Обитая в далеких краях или подземных глубинах, драконы олицетворяют для нас грань между известным и неведомым. Представляя гибкий шаблон для мифотворчества и сочинительства, драконы поселились в нашем воображении не только как чудовища из плоти и крови, но и в качестве убедительных метафор греха и разрушительных сил. К началу современной эпохи драконы уже полностью отступили перед прогрессом и знаниями человечества, однако приручение и одомашнивание драконов в детской литературе открыло для этих чудовищ новые возможности и позволило им выжить и сосуществовать с людьми (порой мирно, порой — нет) поколение за поколением.

ЧАСТЬ I

АНТИЧНЫЕ ВРАГИ:
ЧУДОВИЩНЫЕ ЗМЕИ
В ГРЕКО-РИМСКОЙ
МИФОЛОГИИ

В мифологических представлениях римлян и греков гигантские змеи занимали важное место, и можно сказать, что это было предначертано небесами. Непрерывная цепочка звезд, видимая в Северном полушарии, была описана под названием Дракон еще древнеримским астрономом Птолемеем во II в. н. э. Греческие и латинские авторы отождествляли этого небесного дракона с чудовищными змеями, сражавшимися с мифическими героями, в частности с Геркулесом, чье созвездие расположено неподалеку

Геркулес и лернейская гидра на картине Гюстава Моро

от Дракона. В греко-римской мифологии драконы обладали характерными чертами, сохранявшимися на протяжении сотен лет в сказаниях и легендах. Как правило, драконов изображали в виде крупных змей, обитающих в священных рощах вдали от людей и охраняющих клады, а их удушающие кольца и смертельный яд грозили неминуемой гибелью незванным пришельцам. Чудовищная злоба драконов лишь подчеркивала силу и мужество победивших их героев.

Но античные драконы жили не только в легендах эллинов. Классики считали, что эти животные обитают в природе. Римские поэты с замиранием сердца описывали схватки между римскими легионами и смертоносными чудовищами, а натуралисты собирали сведения о рационе и среде обитания ящеров. В греко-римской истории и литературе драконы были живыми существами, но они оставались отдаленной угрозой, а их злоба смягчалась расстоянием и временем.

ЛЕРНЕЙСКАЯ ГИДРА

В младенчестве полубог Геракл (Геркулес) голыми руками задушил двух змей, забравшихся в его колыбель по указанию богини Геры. Это событие предопределило не только его героическую силу, но и предстоящее противостояние с лернейской гидрой — чудовищной рептилией с девятью змеиными головами. Повзрослев, Геракл совершил двенадцать подвигов на службе у короля Эврисфея, и вторым его подвигом стало убийство гидры, опустошавшей восточный Пелопоннес. Наиболее полная версия этого мифа представлена в «Библиотеке» — собрании древнегреческих легенд, которое относят к II в. н. э., а авторство приписывают Аполлодору Афинскому¹. Согласно Аполлодору, этот подвиг был наитруднейшим для Геракла, ведь на месте одной отсеченной головы чудовище отращивало две новые. Но на помощь Гераклу пришел

племянник Иолай: он прижигал безголовые шеи гидры факелом и новые головы больше не отрастали. Так им удалось убить монстра. Позднее комментаторы утверждали, что этот подвиг не следовало засчитывать, поскольку Геракл призвал на помощь племянника, а не прикончил чудовище самостоятельно.

Во второй раз Эврисфей приказал Геркулесу убить лернейскую гидру. Эта тварь, выросшая на болотах Лерны*, повадилась выползать на равнины и пожирать скот и крестьян. У гидры было огромное тело с девятью головами, и восемь из них были смертными, а средняя голова была бессмертной. И вот Геракл вскочил на колесницу с возницей Иолаем и прибыл в Лерну. Кони их остановились, и герой увидел гидру в ее логове на холме у источника Амимоны**. Он осыпал ее горящими стрелами и выманил из логова, затем схватил ее и сжал крепко. Но гидра обвилась вокруг ноги Геракла и не отпускала его. Не мог он убить ее, размозжив палицей ее голову, ибо на месте одной головы тут же вырастали две новые. Огромный рак пришел на помощь гидре и вцепился Геркулесу в стопу, но он убил рака и призвал на помощь Иолая. Тот поджег большую ветвь и этим факелом прижигал шеи у отсеченных голов — и новые головы перестали отрастать. Покончив с отрастающими головами, Геркулес отрубил бессмертную голову и закопал ее, привалив огромным камнем у дороги, ведущей из Лерны в Элей. А тело гидры он изрубил на куски и обмакнул свои стрелы в желчь чудовища. Но Эврисфей не засчитал этот подвиг, ибо Геркулес не сумел бы одолеть гидру без помощи Иолая.

* Лерна расположена на восточном побережье полуострова Пелопоннес в Греции, знаменита своими многочисленными источниками.

** Амимона — дочь Даная и Европы. Посейдон, спасший Амимону от сатира, добивался ее расположения и показал ей священные источники Лерны, которые более поздние авторы связывали с ее именем.

МЕДУЗА, МАТЕРЬ ЧУДОВИЩ

Через сто лет после падения Римской республики поэт Лукан (39–65 гг. н. э.) создал эпическую поэму «Фарсалия», повествующую о гражданской войне между Юлием Цезарем и Помпеем. Девятая часть поэмы описывает события в Африке, где сосредоточились верные Цезарю войска после гибели Помпея от руки египетского фараона Птолемея XIII. Автор несколько отходит от основного сюжета и повествует об ужасной Медузе, чудовищной женщине со змеями вместо волос, жившей в пустынях Ливии. Взгляд Медузы обращал людей в камень, но герой Персей победил ее, отрубив голову волшебным мечом. Согласно Лукану, кровь, капавшая с отрубленной головы горгоны в пески Ливии², превратилась в ядовитых змей и огромных крылатых драконов, способных охотиться на слонов. Но это не было пустое отступление: читатели Лукана сразу видели параллель между победой Персея над Медузой и окончательным завоеванием Римом северного побережья Африки. И в том и в другом случае силы порядка и разума восторжествовали над хаосом.

Отчего воздух Ливии изобилует столькими бедствиями и грозит погибелью и какие тайны природы примешались к вредоносной почве этой страны? Наши попытки узнать и понять это ни к чему не привели, кроме единственной легенды, известной во всем мире и заменившей истину. На дальнем краю Ливии, где раскаленная земля встречается с океаном, нагретым заходящим солнцем, раскинулись пустоши Медузы, дочери Форкия. Нет здесь лесной тени, и земные соки не увлажняют почву. Суровая земля усыпана каменными останками тех, кто узрел взгляд хозяйки этих пустошей, а из ее тела жестокая природа сотворила множество мерзких тварей. Из горла Медузы вырывалось шипение змей с дрожащими жалами, и змеи спадали ей на плечи, подобно волосам женщины, они касались ее шеи и ласкали ее своим прикосновением. Змеи поднимались надо

лбом Медузы, и гадючий яд струился из-под ее гребня, когда Медуза расчесывала свои кудри.

Несчастливая Медуза, на нее нельзя было взглянуть безнаказанно! Боялся ли кто ужасного лика чудовища и разверстой пасти? Не погибли ли все, кто взглянул в лицо Медузе? Не успели испугаться те, кого судьба привела к Медузе жестокой. Жизнь еще теплилась в их членах, и краски не покинули тело, но застыли навеки в костях. Волосы Эвменид только разжигали ярость, смолкало шипение Цербера под пение Орфея, и сын Амфитриона узрел Медузу во время схватки с нею. Но этого чудовища боялся ее собственный отец Форкий, властитель морской бездны, и мать ее Кето, и сёстры горгоны. Без лишних движений она грозила хаосом небу и водам, а землю укрывала почвой.

Медуза на картине Элис Пайк Барни, 1892 г.

Птицы замирали в воздухе и камнем валились на землю, звери припадали к скалам, целые племена эфиопов обратились в мрамор. Ни одно животное не выдерживало взгляда Медузы, и даже змеи с ее головы избегали смотреть ей в лицо. Она обратила в скалистые утесы титана Атласа, который удерживал небесный свод на западе мира, и в давние времена, когда небо содрогнулось перед гигантами, поднимающимися на змеиных хвостах во Флегре, Медуза на латах Афины Паллады закончила чудовищную битву богов, превратив гигантов в горные цепи.

И вот явился Персей, сын Данаи от золотого дождя, летел он на паррасийских крыльях*, полученных в дар от божества — покровителя Аркадии, создателя кифары и борцовского масла. Быстрым и внезапным был его полет, и нес он с собой килленскую саблю**, обогренную кровью другого чудовища: этот же клинок погубил стража коровы, ставшей возлюбленной Зевса. И дева Паллада помогла брату в обмен на обещание — отсеченная голова Медузы достанется ей. Она велела Персею развернуться навстречу восходу солнца, как только он достигнет границы Ливии, и лететь назад через владения горгоны. В его левую руку она вложила сверкающий щит из отполированной бронзы, приказав через него наблюдать за Медузой, обращающей все в камень.

Медуза погружена в сон, но это еще не смертельный сон вечности. Кое-кто бодрствует на страже: змеи поднимаются из ее локонов и защищают голову, а иные змеи покоятся во сне, прикрывая глаза Медузы. Сама Паллада управляет дрожащей рукой Персея, и, когда он отворачивается, она направляет клинок Гермеса в широкую шею носительницы змей.

Как мне описать лик горгоны с отрезанной головой и кровавой раной от изогнутого клинка? Видятся мне потоки яда, извергнутые изо рта, и погибель, что струится из полумертвых

* Паррасия — город в Аркадии.

** Киллена — гора в Аркадии, на которой родился Гермес.

Персей убивает Медузу

глаз! Сама Паллада не смела посмотреть на голову, и Персей, даже отведя взгляд, мог бы окаменеть навеки, если бы богиня не распустила густые волосы Медузы и не накрыла ее лицо змеями. И так он схватил горгону и вознесся на крыльях в небо.

Персей совсем уже собрался пролететь прямо через города, но Паллада велела ему не вредить землям и пожалеть людей, ибо многие устали бы в небо, следя за его чудесным полетом. И вот он на крыльях, влекомый западным ветром, несется к Ливии, где лежат пустынные земли, свободные от полей и пашен, открытые Фебу и звездам: солнечная колея пролегает по землям Ливии, выжигая ее почву. И ночи над пустынями Ливии темнее, чем где бы то ни было, даже Луна забывает свой привычный путь и движется прямо через знаки зодиака вместо привычного

Подобно Медузе, василиски славились способностью убивать одним взглядом.
Из «Иллюстрированной книги для детей» (Фридрих Юстин Бертух, 1801 г.)

направления на север или на юг, во избежание тени. И вот эти пустынные земли, не родящие ничего полезного, поглотили ядовитую кровь Медузы — ужасные капли крови чудовища, и зной запек кровь в зловонные пески, наделив их недоброй силой.

Но вот запекаясь кровь поднимает из пыли голову гадюки, раздувающуюся от смертельного сна, которым она грозит. Сюда попало больше ядовитой крови, поэтому гадюка и стала самой ядовитой змеей. Привыкшая к теплу, она селится в песках до самого Нила, не заползая в холодные земли. Но жадность человеческая не ведает стыда, и в поисках ливийской смерти мы превратили гадюку в выгодный товар.

И вот уже фантастическая змея *hamorrhhois* (полоз) развернула чешуйчатые кольца и не дает остановиться крови своих жертв. И родился *chersydros* (херсидр, или водная змея), и поселился на отмелях и в заводях Большого Сирта*, и еще *chelydros* (хелидра) с дымящимся хвостом, и *cenchris* (щитомордник), ползающий

* Средиземноморский залив у берегов Ливии.

только по прямой. Узор на его брюхе тоньше и глубже, чем цветные узоры на фиванской змее. *Ammodytes* (рогатые гадюки) похожи на выжженный песок, а *cerastes* (песчаная гадюка) ползает с изогнутым хребтом. *Scytale* (коралловая змея) единственная меняет кожу в морозы; *dipsas* (дипсас) горячий и сухой на ощупь; *amphisbaena* (амфисбена) обладает двумя подвижными головами. *Natrix* (уж) загрязняет вокруг себя воду, *iaculus* (якул, змея-копье) имеет крылья; *parias* (куфия) роет хвостом подземный ход, а *prester* (легендарный змей из ливийских пустынь) широко раскрывает дымящуюся прожорливую пасть; *seps* (мифологическая змея) разлагает тело и даже растворяет кости. И наконец, король песчаной пустыни — василиск, пугающий и разгоняющий все живое своим шипением и убивающий без яда.

И вы, сверкающие золотом драконы, живущие в разных землях и почитаемые за безобидных духов, вас раскаленная Африка тоже сделала смертоносными. На крыльях парите вы в воздухе, охотясь на целые стада, и хвостом обвиваете огромных быков, делая их бессильными и заставляя подчиняться. Даже гигантские слоны вам подвластны. Вы несете смерть всему живому, и вам не нужен яд.

КАДМ И ДРАКОН АРЕСА

В легенде об основании города Фивы в Беотии (центральная Греция) огромная рептилия сыграла ключевую роль. Согласно эпической поэме «Метаморфозы»³ Овидия (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.), финикийский герой по имени Кадм прибыл в Грецию в поисках своей сестры Европы, похищенной Зевсом. Кадм обратился к дельфийскому оракулу, который повелел ему следовать за дикой коровой и там, где она остановится, основать город. К несчастью, телка остановилась у источника, посвященного богу

Аресу, стерег тот источник гигантский змей. Убив чудовище при помощи железного дротика, Кадм получил от богини Афины приказ «посеять зубы дракона в землю, и из этих семян вырастут его подданные». К удивлению Кадма, десятки воинов выросли из земли и вступили в смертельную схватку друг с другом, пока их не осталось пятеро. Эти воины заключили мир и вместе с Кадмом основали город Фивы. В доказательство происхождения от этих мифических воинов знатные фиванцы показывали родимые пятна в форме наконечника копья. А вот Кадму повезло меньше: Арес превратил его, а заодно и его жену в змей, тем самым отомстив за убийство стража священного источника. От этой легенды произошло выражение «посеять драконовы зубы», которое означает «сделать что-то, что приведет к злополучным последствиям».

Кадм бродил по всему свету, но никому не дано вернуть похищенное Зевсом. Не смея возвратиться домой к разгневанному отцу, он отправился к оракулу Аполлона и молил указать ему место, где можно поселиться. И вот что изрек Феба: «В безлюдной долине ты разыщешь телку, не знавшую ярма и не тянувшую кривой плут. Следуй за ней и там, где она ляжет в траву, ты построишь городские стены и назовешь это место Беотией».

Кадм вышел из кастальского грота и тут же увидел медленно бредущую телку без всякой охраны. На шее ее не было следов ярма. И он пошел за телкой, вознося беззвучные молитвы ukazавшему путь Фебу.

Они преодолели мелководные заводи Кефиса и миновали земли Панопы. И вот в этом отдаленном месте телка остановилась, подняла к небу украшенную крутыми рогами голову и наполнила воздух громким мычанием. Она обернулась, взглянула на своих попутчиков и опустилась на колени, а затем прилегла на бок в шелковистую траву. Кадм возблагодарил богов, поцеловал чужую землю и приветствовал незнакомые поля и горы.

Затем, вознамерившись принести жертву Зевсу, он послал своих спутников за родниковой водой для омовения.

Рядом находился густой лес, не знавший топора дровосека, а в глухой чаще была пещера, заросшая ивняком и другими деревьями, с естественной каменной аркой, наполненная пенящимися родниками. В этой пещере прятался змей Ареса: у него был великолепный гребень из золота, глаза его метали огонь, а тело раздувалось от яда, во рту росли острые зубы в три ряда и за ними пряталось тройное жало. На свое несчастье, финикийские путешественники ступили в рощу и опустили сосуды в воду. Услышав их, темный сверкающий змей высунул голову из глубин пещеры и страшно зашипел. Кувшины выпали у людей из рук, кровь отхлынула от сердца, и они содрогнулись от ужаса. А змей свил свое чешуйчатое тело кольцами и пружиной взмыл в призрачный воздух, озирая весь лес. Он был огромным, как созвездие Змея между двух небесных Медведиц, если распрямить все кольца его тела. Без промедления чудовище кинулось на финикийцев. Часть из них готовилась к бою, другие решили

Кадм и дракон на гравюре Хендрика Гольциуса

Паллада повелевает Кадму посеять драконьи зубы

спасаться бегством, а некоторые от ужаса не могли двинуться с места. Змей уничтожил их всех до единого, поражая клыками, ядовитым дыханием и удушающими кольцами.

Короткие тени отметили полдень, и сын Агенора, недоумевая, что задержало его товарищей, отправился на их поиски. Щит его был обтянут львиной шкурой, он сам вооружен копьем со сверкающим наконечником. Был у него и дротик, а главное — мужество, которое превосходит любое оружие. Ступив в рощу, он увидел мертвые тела своих друзей и триумфально возвышающееся над ними чудовище. Капли крови стекали с его языка, когда оно лизало жестокие раны. «Мои верные друзья, — вскричал Кадм, — я отомщу за вашу гибель или погибну так же, как вы!» Сказав так, он поднял большой камень и правой рукой с силой запустил его в змея. Зубчатые крепостные стены содрогнулись бы от такого удара, но змей остался невредим. Его толстая черная шкура и чешуя, подобно латам, защищали его от мощнейших ударов. Но они не смогли уберечь его от дротика, который попал в середину извилистой спины, и железный наконечник вошел глубоко в брюхо чудовища. Обезумев от боли, змей изогнулся

назад и, увидев рану, стал грызть древко пронзившего его копья. Огромным усилием он расшатал древко и выдернул его из раны, но железный наконечник застрял в костях. И тогда, расвирепев от боли, змей раздул жилы на горле и наполнил их ядом, пена хлопьями падала из его смертоносной пасти. Чешуя с треском скользила по земле, а смрад его дыхания, сравнимый со зловонием Стигийских пещер, наполнял окружающий воздух.

Вот он свернулся гигантской спиралью, а вот вздыбился выше деревьев и опять, подобно раздувшейся в половодье реке, яростно полз, грудью раздвигая деревья и пролагая путь через чащу. Кадм слегка отступил, парировал натиск с помощью львиного щита и отразил копьем устрашающие челюсти. В ярости змей грыз наконечник копья, но зубы его не могли прокусить железо. И вот ядовитая кровь хлынула у змея из горла, орошая зеленую траву. Но рана не была смертельной, и змей отступил назад, втягивая раненую шею; это спасло его от более глубокой раны и от более точного удара. Тем временем сын Агенора теснил его, все глубже пронзая горло чудовища, пока змей не уперся спиной в дуб, а шея его не оказалась прищиплена к стволу. Дуб согнулся и застонал под ударами бьющегося хвоста.

И когда Кадм смотрел на тушу побежденного им врага, вдруг послышался голос. Невозможно было определить, откуда он раздавался, но говорил так: «Сын Агенора, взгляни на убитого тобою змея. Ибо придет время, и ты сам станешь змеем на потеху людям». Побледнело лицо Кадма, и долго он стоял неподвижно, охваченный паникой, пораженный ужасом. Волосы на голове его шевелились от страха, и мысли в голове смешались.

Но Паллада, покровительница героя, внезапно спустилась с неба. Она повелела ему вспахать землю и посеять змеиные зубы, чтобы из этого семени выросли его соратники. Он послушался, и плугом вспахал глубокую борозду, и посеял зубы, чтобы выросли обещанные воины. А дальше случилось невероятное: земля зашевелилась, потом из борозды выглянули наконечники

копий, потом высунулись шлемы с перьями на цветных гребнях. Затем показали плечи, торсы и руки, сжимающие оружие, и на свет явился урожай из вооруженных героев. Это напоминало, как в конце театрального представления занавес плавно поднимается и являет взору фигуры людей, вытканные на нем: они медленно вырастают, открывая сначала лица, потом тела, пока понемногу не встают в полный рост, опираясь ногами на нижнюю кромку ткани.

Кадм содрогнулся при виде новых врагов и уже был готов схватиться за оружие, но тут один из подземных воинов крикнул ему: «Не берись за оружие! Не вмешивайся в семейные распри!» С этими словами он вонзил меч в своего ближайшего собрата,

Кадм и дракон. Вирджиния Фрэнсис Стеррет

а сам упал, сраженный брошенным издали дротиком. Его убийца ненадолго пережил его — он тоже испустил недавно обретенное дыхание. Вся рать сражалась в безумном порыве, нанося друг другу смертельные раны. И в этой братоубийственной схватке погибли почти все воины, которым была отпущена столь короткая жизнь, остались лежать на груди породившей их земли-матери, корчась в собственной крови. В живых оказалось лишь пятеро. Один из них, по имени Эхион, бросил на землю оружие и по приказу Паллады поклялся больше не воевать и взял такую же клятву с братьев. С этими сподвижниками пришелец из Финикии и основал город, как было предсказано оракулами Феба.

ГИБЕЛЬ ЛАОКООНА

Змеи служили античным богам не только как стражи священных мест, но и как жестокое орудие их мести. Один из примеров такого мщения можно встретить в поэме древнеримского поэта Вергилия (70–19 гг. до н. э.) о жреце Нептуна по имени Лаокоон⁴. В конце десятилетней войны с Троей греки доставили к воротам осажденного города гигантского деревянного коня. Лаокоон предупреждал своих соотечественников, насколько опасно принимать дары от врагов. Его подозрения были вполне обоснованны, ведь троянский конь оказался хитроумной выдумкой Одиссея — внутри него сидели в засаде десятки греческих воинов, готовых напасть на троянцев и под покровом ночи открыть ворота для армии греков. И вот когда Лаокоон призвал своих соотечественников сжечь гигантского коня, богиня Афина, ярая сторонница греков, подослала двух огромных змей, чтобы они заставили Лаокоона замолчать, прежде чем он разоблачит хитроумный план Одиссея. Жрец умолк, погубленный ядом и смертельными объятиями чудовищ, а троянцы закатали гигантского коня внутрь городских стен и тем самым обрекли свой город на гибель.

Созвездия Дракон и Малая Медведица на астрономической карте, 1825 г.

Новое знаменье тут — страшней и ужаснее прежних —
 Нашим явилось очам и сердца слепые смутило:
 Лаокоон, что Нептуна жрецом был по жребию избран,
 Пред алтарем приносил быка торжественно в жертву.
 Вдруг по глади морской, изгибая кольцами тело,
 Две огромных змеи (и рассказывать страшно об этом)
 К нам с Тенедоса плывут и стремятся к берегу вместе:
 Тела верхняя часть поднялась над зыбями, кровавый
 Гребень торчит из воды, а хвост огромный влачится,
 Влагу взрывая и весь извиваясь волнистым движеньем.
 Стонет соленый простор; вот на берег выползли змеи,
 Кровью полны и огнем глаза горящие гадов,
 Лижет дрожащий язык свистящие страшные пасти.
 Мы, без кровинки в лице, разбежались. Змеи же прямо
 К Лаокоону ползут и двоих сыновей его, прежде
 В страшных объятьях сдавив, оплетают тонкие члены,

*Бедную плоть терзают, язвят, разрывают зубами;
 К ним отец на помощь спешит, копьем потрясая, —
 Гады хватают его и огромными кольцами вяжут,
 Дважды вокруг тела ему и дважды вокруг горла обвившись
 И над его головой возвышаясь чешуйчатой шеей.
 Тищится он разорвать узлы живые руками,
 Яд и черная кровь повязки жреца заливают,
 Вопль, повергающий в дрожь, до звезд подымлет несчастный, —
 Так же ревет и неверный топор из загравка стремится
 Вытрясти раненый бык, убегая от места закланья.
 Оба дракона меж тем ускользают к высокому храму,
 Быстро ползут напрямик к твердыне Тритонии грозной,
 Чтобы под круглым щитом у ног богини укрыться*.*

ДРАКОН ИЗ РЕКИ БАГРАДА

Древние римляне представляли негостеприимный и устрашающий ландшафт Северной Африки колыбелью гигантских рептилий. В ходе Первой Пунической войны с Карфагеном (256–241 гг. до н. э.) римские солдаты на себе испытали, как опасно воевать в диких местах Африки. Война началась с осады Карфагена армией под предводительством Марка Атилия Регула. Когда воины переходили вброд реку Баграда (сейчас это река Меджерда в Тунисе), на них напало порождение ночных кошмаров — змей невероятных размеров и мощи. Как истинный герой, Регул призвал своих солдат к битве с чудовищем и отразил его атаку, осыпав врага ливнем копий и камнями из катапульт. В эпической поэме о Пунических войнах⁵ римлянин Силий Италик (28–102 гг. н. э.) захватывает внимание читателей волнующим

* Пер. С. Ошерова. Цит. по: Марон Публий Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Художественная литература, 1971. Серия первая. Т. 6. (Библиотека всемирной литературы).

описанием этой битвы от лица ее участника по имени Марус. И хотя в средневековой Европе поэма Силия Италика была мало известна, однако историки и натуралисты поздней Античности часто ссылались на дракона из реки Баграда и утверждали, что выжившие участники той битвы доставили останки змея в Рим, чтобы публика могла ужаснуться челюсти чудовища и его шкуре, длина которой, по слухам, превышала 36 метров.

Пенные воды Баграды взрыли песчаные земли пустыни медлительным руслом; редкие в Ливии реки столь широко разливаются в сезон по равнине и устремятся в подобную даль. В этих пустынных и диких краях с радостью лагерь разбили мы возле Баграды, пресные воды — редкость немалая в этой стране. Рядом тенистая роща стояла, не знавшая солнца и ветра, полная мрака подобно Эребу; воздух был полн испарений зловонных и шумных. В жуткой пещере, в глубокой норе потаенной, там, где лучи не находят пути среди мрака (мне и теперь вспоминать это место со страхом придется), чудище там поселилось, грозящее смертью живому, выронок гневной Земли, облик которого вряд ли увидеть кому доведется и в тысячу лет; змей был длиною чуть более сотни локтей и водился в роще авернианской вдоль берегов той проклятой реки. Он пожирал своим зевом огромным львов, приходивших к реке, чтоб напиться, брюхо у змея бурлило и наполнилось ядом, он нападал на стада, что стремились в жару к водопою, и пожирал он беспомощных птиц, падавших с неба от вони, удушья и мрака. Пол устилали огрызки костей, непереваренных жертв нападений на стадо, в мраке пещеры отрыгнутых змеем. Если же змей погружался в бурлящие воды потока, чтоб остудить свое полное брюхо, то голова достигала противного берега, прежде чем тело погрузится полностью в воду.

Но я не ведал подобной угрозы, и вот устремился я в рощу с друзьями: был со мной Аквин с холмов апеннинских, Авенс

из Умбрии с нами отправился также. Мы изучить устремились дремучую рощу, нет ли врагов там, в засаде укрытых. Но, не дойдя до деревьев, мы вдруг ощутили морозящий ужас, страхом сковавший нам руки и ноги. Все же мы двинулись в путь, сотворивши молитву нимфам и богу реки незнакомой, полные страха и трепета медленно шли мы к таинственной роще. Вдруг из пещеры на нас налетел ураган, как из ада, более резкий, чем ветер восточный в порыве; вихрь из пещеры подул, доносящий подземного Цербера лай. В ужасе мы обернулись друг к другу. Изпод земли раздавалось гуденье, и почва дрожала, рухнули стены пещеры, и мертвые словно восстали. Змей появился огромное

Еще один знаменитый морской змей Античности — чудовище Кетос, от которого Персей спасает Андромеду. Неизвестный художник

змеев титанов, тех, что вступили в войну с небесами, больше, чем гидра лернейская, с коей Геракл сражался, или же змей, стороживший Юноны золотые деревья, — выше всех прочих поднялся он вдруг из раздавшейся тверди, и головою блестящей коснулся он неба, тут же забрызгав слюной ядовитую тучи, небо прекрасное он изуродовал пастью разверстой.

Кинулись мы убежать и пытались кричать с перехваченным ужасом горлом, нет нам спасенья, и змея шипенье наполнило рощу. Авенс, ослепший от страха, скрыться пытался в дупле многолетнего дуба: может, чудовище мимо пройдет, не заметив. Глупый поступок, однако судьбы не избежнешь. Вы не поверите — змей, обвиняя тот дуб многолетний, с корнем его из земли вырывает. Вскрикнул несчастный, и я обернулся, видя, как змей проглотил его, чавкая пастью и дергая горлом. Бедный Аквин — он кинулся в реку, хочет уплыть от кошмара. Змей же его подхватил в середине потока, вынес на берег и тоже сожрал — что за ужасная гибель! Так я один убежал от смертельного змея. Мчась все быстрее от испуга и горя, я поспешил доложить обо всем генералу. Он застонал, сожалея об участии храбрых. Полный отваги и вечно готовый к сражению и славе, он приказал нам готовиться к бою со змеем, конникам brave, проверенным в битвах, велено было построиться в поле. Наш генерал впереди на летящем коне; следом, щитами укрывшись, воины тащат с собой катапульты и остроконечный таран, пробивающий башни.

Вот уже кони смогли окружить окровавленный луг, где погибли те двое. Змей, пробудившись от грома копыт на лужайке, вылез из грота и выдохнул вонюю шипящей. Жуткое пламя сверкало в глазах у дракона; гребень его возносился над лесом дремучим, жало тройное дрожало и будто бы неба касалось, из пасти свисая. Трубы взревели, и змей отступил, своей тушей огромною вздрогнув; севши на хвост, изогнулся он в кольца переднюю частью. Тут же он резко вскочил, разогнув свои кольца и вытянув полностью тело, пастью касаясь передних рядов

Персей спасает Андромеду от морского дракона на гравюре Л. Карса, 1728 г.

нападавших. Кони всхрапели от страха пред змеем, не подчиняясь узде, раздувая горячие ноздри. Чудище, высясь над войском смятённым, в ярости шею раздуло, качаясь то влево, то вправо, вверх поднимало солдат и, бросив о землю, крушило их весом огромным. Кости дробя, упивался он черною кровью, пастью кровавой хватая всё новые жертвы. Воины кинулись прочь, а дракон, торжествуя, их достает ядовитым дыханьем все дальше. Тут уж и Регул крикнул солдатам сражаться: «Нам ли пристало, Италии детям, так отступать перед змеем поганым, Рим ли уступит ливийскому змею? Если дыхание змея лишило вас силы, если вы храбрость растратили, видя кровавую морду, значит, я буду отважно сражаться один на один с этим змеем». Так он вскричал и копье запустил прямо в змея, быстро и точно, как молнии вспышка. Змей головой отразить не сумел свою

гибель, глубже вонзилось копьё, задрожав от удара. Громкие вопли триумфа достигли высокого неба.

Змей, порожденный Землей, разъярился: он поражения не знал никогда или боли, сталь же смертельную тоже изведаль впервые. Боль придала ему ярость и силу в атаке. Регул же, всадник умелый, смог развернуть скакуна, и ушел он от гибкого змея, правя поводья лишь левой рукою. Марус не встал в стороне от сражения: длинным копьём пронизал я змеиную тушу. Жало тройное лизнуло за круп генеральскую лошадь; бросив копьё, я отвел на себя нападение. Воины храбрые, мне подражая, дружно метали оружие в змея, змей заматался среди нападавших, и, наконец, катапультною пущенный камень смог усмирить неумного змея, так катапультною рушатся башни и стены. Мощь покоренного змея иссякла, сломен хребет, и не держит он голову гордо. Мы атакуем упорно, и вот в брюхо воткнулось оружие с лету, стрелы пронзили глаза, ослепляя дракона. Черною раной зияя и брызжа слюной ядовитой, змей оказался прижатым к земле палками, копытами, прочим; пасть его вяло пугает напавших, и только. Брус, из орудия пущенный, смог разломить у чудовища череп; вот на крутом берегу распласталась мертвая туша, воздух наполнился ядом и паром чудовищной пасти. Горестный вопль тут поднялся из вод и из недр, роща и грот зарыдали, берег с деревьями хором завывали. Наши утраты безмерными были, мы дорогою ценой оплатили победу!

ВРАЖДА ДРАКОНОВ И СЛОНОВ

С потрясающим упорством и трудолюбием римский государственный деятель Плиний Старший (23–79 гг. н. э.) составил необъятную энциклопедию чудес природы⁶. Плиний был наделен острой наблюдательностью и с неумным любопытством

изучал данные современной ему науки о животном и растительном мире, о царстве минералов и о естествознании в целом. Работая над главой о слонах, Плиний не мог не упомянуть о драконах, ибо эти гиганты животного мира были непримиримыми врагами. Римский ученый определил Индию как среду обитания драконов и описал смертельные схватки ползучих тварей с их громадными противниками, обитателями далеких джунглей. Плиний погиб при извержении Везувия в 79 г., но его энциклопедией зачитывались на протяжении веков и после его смерти, а мыслители средневековой Европы искали скрытый смысл в битвах между драконами и слонами и толковали его как аллегорию искушения дьяволом Адама и Евы.

В Африке водятся слоны, но в Индии слоны крупнее, и в Индии также водятся извечные враги слонов — драконы, настолько огромные, что они легко оплетают слонов своими кольцами. Исход этой схватки губителен для обоих: задушенный кольцами слон падает на землю и сокрушает своей тушей обвившего его дракона.

Каждое животное прибегает к хитроумным уловкам, чтобы выжить, но эти два зверя — умнейшие из умных. Дракон

Противостояние слона и дракона в средневековом манускрипте

Чудовищные змеи и слоны на гравюре Яна ван дер Страда

понимает, что ему не подняться на высоту слона, поэтому он ищет хорошо утоптанную слоновью тропу, ведущую к местам кормежки, и бросается вниз на слона с высокого дерева. Слон знает, как трудно разжать кольца дракона, поэтому он трется о скалы и деревья, чтоб освободиться от змея.

Дракон всегда готов к такому трюку: своим хвостом он обвивает ноги слона, тогда как слон пытается освободиться с помощью хобота. Однако дракон бьет головой в слоновьи ноздри, тем самым ранит нежный хобот и перекрывает своему противнику дыхание. При непредвиденной встрече дракон взвизгивает вверх лицом к лицу с врагом и метит головой в глаза слону. Вот почему так часто попадаютслепые, истощенные слоны, гибнущие от голода и страданий.

Существует и другое поверье об этих схватках. Известно, что у слонов холодная кровь, вот почему измученный жарой дракон упорно ищет встречи со слоном. И вот он прячется на дне

Пленный дракон на гравюре Яна ван дер Страта, 1595 г.

реки, свернувшись в кольца, и ждет слона у водопоя. При виде противника он вздымается со дна и обвивает хобот, а зубами грызет слона за ухом, куда не достигает хобот. Дракон, по слухам, настолько велик, что легко выпивает всю кровь из огромного слона. Слон, ослабев от потери крови, валится на землю и давит опьяненного от крови дракона, и так они разделяют общую судьбу.

Общеизвестно, что во время Пунической войны в битве на реке Баграда войска под предводительством Регула захватили змея длиной 36 метров: они осадили дракона, подобно вражеской крепости, и убили его при помощи катапульт и других осадных машин. Шкура и челюсти дракона хранились в одном из римских храмов вплоть до начала Нумантийской войны*.

* Серия военных конфликтов римской армии с племенами Пиренейского полуострова в 141–133 гг. до н. э.

Драконий камень, или драконит, находят в мозгу дракона; но камень кристаллизуется и превращается в драгоценный только в момент смерти дракона, и голову ему нужно срубить, пока он жив. Именно поэтому ее отсекают у спящего дракона. Сотак* поведал, что видел подобный камень у одного царя, а чтобы добыть драконий камень, нужно запрячь в колесницу двух лошадей, при виде дракона высыпать на его пути порошок из дурмана, а уснувшему зверю голову заживо срубить. По описанию Сотака, камень этот белый и прозрачный и не поддается ни полировке, ни гравировке.

* Сотак — древнегреческий ученый (320–270 гг. до н. э.), исследователь минералов.

ЧАСТЬ II

САТАНИНСКИЕ ЗМЕИ:
ДРАКОНЫ И СВЯТЫЕ
В ЭПОХУ РАННЕГО
ХРИСТИАНСТВА

С момента зарождения литературы боги вели войны против гигантских змей в эпических историях о торжестве божественного порядка над первозданным хаосом. Рассказы об этих столкновениях легли в основу многих мифов ближневосточной и азиатской культур. В Египте бог солнца Ра сражался с Апопом, врагом света, принимавшим форму гигантской змеи либо крокодила. В Месопотамии бог бури Мардук воевал с богиней Тиамат, морской гидрой, оставившей большое змеиное потомство. В телах рожденных ею змей вместо крови тек яд. В Южной Азии небесный царь богов Индра владел молнией, с помощью которой освободил реки мира от дракона Вритры, державшего их в плену где-то в горах.

Змей-искуситель на картине Корнелиса Корнелиссена, 1592 г.

Хотя эти рассказы демонстрируют важную роль, которую драконы играли во многих древних культурах, несравненно большее влияние на изображение и понимание сущности драконов в западной традиции оказали иудейские священные писания и Новый Завет. Древние иудейские и раннехристианские представления о чудовищных рептилиях обычно подчеркивали их родство с дьяволом и роль в изгнании людей из Эдемского сада. Авторы тех времен акцентировали сущность драконов как проводников сатанинской воли, а также их враждебную миссию в космических конфликтах, возвещающих о конце света.

Как слуги Сатаны драконы были противниками святых в раннехристианской литературе, из-за чего позднеантичные и раннесредневековые рассказы о добродетелях и чудесах святых часто повествовали о захвате или укрощении драконов, таким образом доказывая власть, данную Богом. От северного побережья Африки до Шотландского нагорья в видениях мучеников и деяниях миссионеров драконы представляли грозным препятствием на пути распространения христианской веры.

БИБЛЕЙСКИЕ ЧУДОВИЩА

Перевод Пятикнижия и священных писаний иудейских пророков с древнееврейского на греческий язык (в III–II вв. до н. э.), а затем с греческого на латынь (до IV в. н. э.) познакомил греко-римский мир со змеем-искусителем из Эдемского сада, с колоссальным морским чудовищем, известным как Левиафан, и драконом, которому поклонялись древние вавилоняне во времена пророка Даниила. Эти священные сказания также послужили основой для изображения «большого красного дракона» из Откровения Иоанна Богослова, апокалиптического христианского текста, написанного около 95 г. н. э. Если говорить обо всех драконах, представленных в Ветхом и Новом Завете, мы получим мощный

Дракон на воротах Иштар в Вавилоне

многозначный образ для более поздних читателей: с одной стороны, это чудовище внушительного размера и непревзойденной силы, вызывающее страх; с другой стороны, это посланец дьявола, искушающий ересью и вводящий в соблазн; и, наконец, это враг Божий, который вел войну против праведных сил, пока архангел Михаил не сбросил его в геенну огненную на вечные страдания.

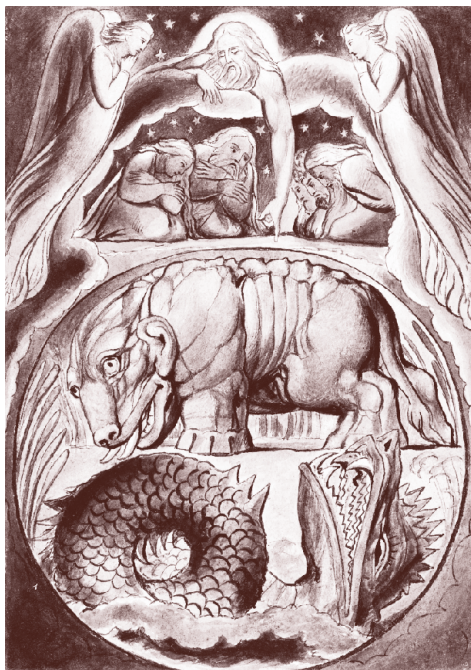
ЗМЕЙ В САДУ

Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог⁷. И сказал змей жене: «Подлинно ли сказал Бог: “Не ешьте ни от какого дерева в раю”?»»

И сказала жена змею: «Плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть».

И сказал змей жене: «Нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло».

И увидела жена, что дерево хорошо для пищи и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел.

Два легендарных чудовища — Левиафан и Бегемот —
на рисунке Уильяма Блейка

И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания.

И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая.

И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: «Где ты?»

Он сказал: «Голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся».

И сказал Господь Бог: «Кто сказал тебе, что ты наг? Не ели ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?»

Адам сказал: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел».

И сказал Господь Бог жене: «Что, ты это сделала?» Жена сказала: «Змей обольстил меня, и я ела».

И сказал Господь Бог змею: «За то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей; и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту».

ЛЕВИАФАН В ГЛУБИНАХ

Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя; он ест траву, как вол; вот, его сила в чреслах его и крепость его в мускулах чрева его; поворачивает хвостом своим, как кедром; жилы же на бедрах его переплетены; ноги у него как медные трубы; кости у него как железные прутья; это — верх путей Божиих; только Сотворивший его может приблизить к нему меч Свой; горы приносят ему пищу, и там все звери полевые играют; он ложится под тенистыми деревьями, под кровом тростника и в болотах; тенистые деревья покрывают его своею тенью; ивы при ручьях окружают его; вот, он пьет из реки и не торопится; остается спокоен, хотя бы Иордан устремился ко рту его⁸.

Возьмет ли кто его в глазах его и проколет ли ему нос багром?

Можешь ли ты удою вытащить Левиафана и веревкою схватить за язык его?

Вденешь ли кольцо в ноздри его? Проколешь ли иглою челюсть его?

Будет ли он много умолять тебя и будет ли говорить с тобою кротко?

Сделает ли он договор с тобою и возьмешь ли его навсегда себе в рабы?

Станешь ли забавляться им, как птичкою, и свяжешь ли его для девочек твоих?

Будут ли продавать его товарищи ловли, разделят ли его между Хананейскими купцами?

Можешь ли пронзить кожу его копьем и голову его рыбацьею остроугою?

Клади на него руку твою и помни о борьбе: вперед не будешь.

Надежда тщетна: не упадешь ли от одного взгляда его?

Нет столь отважного, который осмелился бы потревожить его; кто же может устоять перед Моим лицом?

Кто предварил Меня, чтобы Мне воздавать ему? Под всем небом все Мое.

Не умолчу о членах его, о силе и красивой соразмерности их.

Кто может открыть верх одежды его, кто подойдет к двойным челюстям его?

Кто может отворить двери лица его? Круг зубов его — ужас; крепкие щиты его — великолепие; они скреплены как бы твердою печатью; один к другому прикасается близко, так что и воздух не проходит между ними; один с другим лежат плотно, сцепились и не раздвигаются.

От его чихания показывается свет; глаза у него как ресницы зари; из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры; из ноздрей его выходит дым, как из кипящего горшка или котла.

Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя.

На шее его обитает сила, и перед ним бежит ужас.

Мясистые части тела его сплочены между собою твердо, не дрогнут.

Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов.

Когда он поднимается, силачи в страхе, совсем теряются от ужаса.

Меч, коснувшийся его, не устоит, ни копье, ни дротик, ни латы.

Железо он считает за солому, медь — за гнилое дерево.

Дочь лука не обратит его в бегство; пращные камни обращаются для него в плевую.

Левиафан на гравюре Гюстава Доре

Булава считается у него за соломинку; свисту дротика он смеется.

Под ним острые камни, и он на острых камнях лежит в грязи.

Он кипятит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь; оставляет за собою светящуюся стезю; бездна кажется сединою.

Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным; на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости.

Святой Михаил и дракон на картине Пьетро да Кортоны, 1666 г.

ДРАКОН ИЗ ВАВИЛОНА

И жил там великий дракон, и вавилоняне поклонялись ему⁹. И сказал царь Даниилу: «Видишь, теперь ты не можешь утверждать, что это существо не живой бог, поэтому поклоняйся ему». И ответил Даниил: «Я поклоняюсь Господу Богу моему, потому что он живой Бог. Но дай мне свое разрешение, о царь, и я убью дракона без меча и без посоха». И сказал царь: «Даю свое дозволение и благословляю тебя». Итак, взял Даниил смолу, жир и волосы, и смешал их вместе, и сделал из смеси булки, и вложил их в рот монстра. И взорвался дракон. И сказал Даниил: «Глядите, вот чему вы поклоняетесь». И когда вавилоняне услышали это, они очень разозлились.

СЕМИГЛАВЫЙ УЖАС КОНЦА СВЕТА

И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна и на главе ее венец из двенадцати звезд¹⁰.

Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения.

И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим.

Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю. Дракон сей стал перед женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца.

И родила она младенца мужеского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его.

А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога, чтобы питали ее там тысячу двести шестьдесят дней.

Святой Михаил и дракон на картине голландского художника
Хуана де Фландеса, 1509 г.

И произошла на небе война: Михаил и ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе.

И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и Сатаной, обольщающий всю Вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним.

И услышал я громкий голос, говорящий на небе: ныне настало спасение и сила и царство Бога нашего и власть Христа Его, потому что низвержен клеветник братий наших, клеветавший на них пред Богом нашим день и ночь.

Они победили его кровию Агнца и словом свидетельства своего и не возлюбили души своей даже до смерти.

Итак, веселитесь, небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море! Потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени.

Святой Михаил и дракон на картине неизвестного испанского художника, начало XV в.

Когда же дракон увидел, что низвержен на землю, начал преследовать жену, которая родила младенца мужского пола.

И даны были жене два крыла большого орла, чтобы она летела в пустыню в свое место от лица змия и там питалась в продолжение времени, времен и полвремени.

И пустил змий из пасти своей вслед жены воду, как реку, дабы увлечь ее рекою.

Но земля помогла жене, и разверзла земля уста свои, и проглотила реку, которую пустил дракон из пасти своей.

И рассвирепел дракон на жену, и пошел, чтобы вступить в брань с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа.

...И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей.

Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и Сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время.

СТРАЖ ЛЕСТНИЦЫ В НЕБО

Голоса ранних христианок очень редко звучат в исторических летописях, поэтому иначе как чудом не назовешь то, что сохранился тюремный дневник, написанный римлянкой по имени Перпетуя¹¹. Заключенная римским правительством в 203 г. за свою «разрушительную» веру и обреченная умереть в карфагенском Колизее, Перпетуя поведала в дневнике о последних днях жизни в плену и упомянула о видениях, ниспосланных ей напрямую Богом. Среди них был сон о лестнице в небо, которую охраняет дракон, готовый напасть на любого, кто осмелится взойти на нее. Перпетуя укро-

тила чудовище, и это самый ранний пример деяния святого, покоряющего дьявола в облике древнего змея в доказательство власти Бога над злом и благосклонности Господа к верующим.

Каким же трудным было то время! Удушающая жара из-за скученности тел; солдаты, вымогающие деньги... И все время, пока я была там, меня мучили заботы о моем ребенке. Тогда Терций и Помпоний, добрые диаконы, присматривавшие за нами, подкупили кого-то. Это позволило нам перейти в лучшую часть тюрьмы на несколько часов, чтобы мы могли немного восстановиться. Меж тем все покинули тюремную камеру, и мы смогли немного отдохнуть. Наконец мне удалось накормить ребенка, который совсем ослабел от голода. Беспокоясь о нем, я поговорила с мамой и попыталась утешить брата. Я доверила им сына, но я страдала, потому что видела, как они терзаются из-за меня.

Это беспокойство мучило меня в течение многих дней. Затем мне удалось получить разрешение, чтобы ребенок остался со мной в тюрьме, и в результате я сразу почувствовала себя лучше, избавившись от неудобства и тревоги за ребенка. В тот же миг тюрьма превратилась во дворец, и я предпочла находиться в ней, а не где-либо еще.

Тогда мой брат обратился ко мне: «Дорогая сестра, благодаря своему особенному, избранному положению ты наверняка сможешь вызвать у себя видение, чтобы узнать, осудят ли тебя или освободят?» Я честно обещала, что постараюсь сделать это, ибо знала, что смогу напрямую поговорить с Господом, чью великую благосклонность я испытала. Я сказала брату, что дам ответ на следующий день. Потом я попросила видение явиться мне, и вот что я узрела. Я увидела потрясающе высокую лестницу, сделанную из бронзы, достигающую до самых небес. Она была настолько узкой, что по ней мог подниматься только один человек. По бокам лестницы располагались острые металлические

Перпетуя и лестница в небо, которую охраняет дракон, на гравюре голландского художника Яна Лёйкена, 1701 г.

предметы: мечи, копья, крючки, кинжалы и шипы, так что идущему по ней человеку следовало шагать с осторожностью и смотреть, куда он ступает, иначе металл проткнул бы его плоть. Под лестницей лежал огромный дракон, готовый напасть на тех, кто собирался подняться по ней. Он отпугивал желающих совершить восхождение. Первым взобрался Сатур — тот человек, кто позже добровольно сдался из уважения к нам (ибо именно он был нашим духовным учителем) и поэтому не был с нами во время ареста. Когда он добрался до вершины лестницы, то повернулся и сказал мне: «Перпетуя, я помогу тебе подняться. Но будь осторожна и берегись, чтобы дракон не укусил тебя». И ответила я ему: «Он не навредит мне во имя Иисуса Христа». Затем дракон нерешительно, как будто меня боялся, высунул голову из-под лестницы, я наступила на его голову так, будто это была первая ступенька, и начала карабкаться вверх.

ПОТОМКИ ТЬМЫ

Накануне Вознесения Иисус повелел своим апостолам: «Итак, идите, научите все народы» (Евангелие от Матфея 28: 19). В поздней Античности распространялись рассказы о миссионерских деяниях апостолов, проповедовавших христианскую веру во враждебной среде по всему средиземноморскому миру и далеко за его пределами — в Армении и Индии. Хотя современные ученые сомневаются в подлинности этих историй, таковые были чрезвычайно популярны среди христианских читателей на протяжении всего Средневековья. Как рассказывалось в «Деяниях Филиппа» (IV в.), миссия апостола Филиппа и его спутников в греческом городе Офиорима (его отождествляют с древним Иераполисом близ современного Памуккале в Турции) закончилась конфликтом с гигантскими

Черный дракон на иллюстрации Андрея Фереа

пресмыкающимися, которым поклонялись местные язычники. Вождь змеевидных чудовищ, великий дракон, покрытый слоем копоти и извергающий огонь, поведал Филиппу, что он и весь его род — демонические потомки змей, заколдованных волхвами египетскими (Исход 7: 8–13). Подобно великим библейским героям, Филипп победил своих врагов чудесными проявлениями Божьей силы.

ПРОТИВ ЗМЕИНОГО КУЛЬТА

Когда Спаситель разделил апостолов и каждому уготовил свой жребий, то Филиппу выпало идти в страну греков; и подумал он, что это тяжело, и заплакал¹². И Мариамна, сестра его (именно она подавала хлеб и соль и сидела у ног Иисуса, когда Марта хлопотала в служениях людям), увидя это, пошла к Иисусу и сказала: «Господи, неужели ты не видишь, как беспокоится брат мой?» И ответил ей Иисус: «Я знаю, что ты избранная среди женщин, так иди с ним и поддерживай его, потому что мне ведомо, как легко он впадает в гнев и совершает необдуманные поступки. И если мы отпустим его одного, он принесет немало наказания людям. Но я решил послать Варфоломея и Иоанна терпеть тяготы в том же городе [Офиориме], ибо там обитает великое зло, поклоняются местные жители аспиду, матери змей...» Они путешествовали пять дней, и однажды утром после полуночных молитв возник внезапный ветер, великий и темный. И он принес огромного закоптелого дракона, с черной спиной и брюхом, похожим на медные угли в искрах огня, с телом длиннее сотни локтей*, и за ним следовало множество змей со своими змеенышами, и пустыня содрогалась в далекую даль. И сказал Филипп: «Пришло время вспомнить

* Локоть — единица измерения, равная расстоянию между кончиками пальцев и локтем взрослого человека (около 18 дюймов, или 46 сантиметров).

слова Господа: “Ничего не бойся, ни преследований, ни змей, живущих на земле, ни темного дракона”. Если стоять крепко, дракон отступит, невзирая на его силу; давайте помолимся и окропим воздух из чаши — и дым рассеется». И стали они молиться над чашей: «Господь, что роняет росу на погребальные кострища и освещает тьму, что затыкает пасть драконову и умирляет гнев его, кто обращает вспять вражью злобу, и она сгорает в собственном пламени, кто запирает выходы и двери и умирляет гордыню, не остави нас в этой пустыне, ибо мы выполняем волю твою и повеление».

И сказал Он: «Теперь стойте и поднимите чашу, которую вы держите в руках, и окропите воздух в форме креста». И полыхнула вспышка молнии, ослепившая дракона и его выводок, и засохли они, и лучи солнца вошли в них и разрушили их яйца. Но апостолы закрыли глаза, дабы не видеть вспышку молнии, и остались невредимы.

РОД ДРАКОНА

И пока Филипп, Варфоломей и Мариамна радовались, внезапно случилось землетрясение с громким шумом и бурлением там, где скопилось множество разбитых камней¹³. И среди смятения донеслись оттуда голоса, которые возвестили: «Покиньте немедленно это место, слуги безнадёжного Бога. Займитесь делом своим, так же как мы занимаемся нашим. Как долго вы будете противостоять нам, желая уничтожить весь наш демонический род? Никто прежде не сумел миновать это место, всех мы погубили; только против вас оказались бессильны. Мы полсотни демонов из одного рода, и эта пещера отдана нам. Но вы, слуги Христовы, пройдя через многие места под небом, пришли сюда, чтобы уничтожить нас, и с вами этот Иисус, Сын Божий, хотя Он и единственный, сумевший уничтожить бесчисленных демонов. Смотрите теперь: мы бросаем эту пещеру, будучи изгнанными

Пророк Даниил еще один христианский святой, который одолел дракона
(бросая ему в пасть тесто, состоящее из смолы, жира и волос)

из нее силой. Мы вынуждены признать, что отныне остаемся ни с чем, ибо распятый Иисус, который противостоит нам, уничтожил наш древний род».

И сказал апостол: «Призываю вас именем распятого, чтобы вы раскрыли секрет своей древней природы». И дракон, который был среди них, ответил: «Природа моя берет начало с козней в раю, и там проклял меня тот, кто сейчас желает уничтожить меня с вашей помощью¹⁴. После этого, покинув райские сады, я поселился в сердце Каина, убийцы Авеля¹⁵. Затем, явив женскую красоту ангелам, я низверг их с небесных высот. И женщины родили сыновей огромного роста, которых стали называть стражами¹⁶. И когда их число выросло, начали они пожирать людей, как саранчу. А после того, как потоп уничтожил их, они

дали начало демоническому и змееподобному роду, когда жезл Моисея¹⁷ обнажил естество египетских мудрецов и волхвов. Ибо мы — пятьдесят змей, которых тогда сожрал большой змей Моисея. Тем не менее ты, Филипп, одержал победу над нами».

Затем апостол, раб Божий, взглянул на небо и сказал: «Святой Иисус, обитель незамутненного света, слава Отца, дающий силу бессильным, несущий вечное Слово Отца, который также явился на землю в образе человека, приди сейчас и даруй мне силу, потому что множество демонов готовы уничтожить твоих созданий в этой пустыне. Прошу, Господь мой, без промедления поспеши с помощью твоей». И, вознеся такую молитву, он громко воскликнул: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, заклинаю вас проявить себя, бесы, какого бы вы рода ни были, каким бы ни было число ваше и вид ваш». Тут же начался страшный крик и волнение: «Бегите сейчас же, потомки тьмы и злобы, немедленно, так как предстоит нам неизбежная и неминуемая погибель».

И когда демоны в виде пресмыкающихся выползли из вспененного камня, полсотни змей, подняв голову на десять футов^{*} в высоту (ибо каждая из них была длиной более шестидесяти футов^{**}), в один голос вскричали: «Приблизьтесь к нам, вы, повелевшие нам выйти, ибо мы дети природы вашей». И затем произошло такое сильное землетрясение, что Варфоломей и Мариамна едва не лишились смелости, но Филипп укрепил их в вере, сказав: «Кем бы вы ни были, призванные змеями, которые являются злыми демонами, выходите, вы, вызвавшие это землетрясение, так как вы уже побеждены и весь ваш род иссяк». Тут же посреди змей встал великий дракон длиной около сотни локтей, покрытый копотью, извергающий пламя и изливающий яд огненным потоком. Борода его была длиной в двадцать футов^{***},

* Около 3 метров.

** Около 18 метров.

*** Около 6 метров.

а голова напоминала вершину кургана из железа, он раскачивал ее вперед и назад, а тело его все состояло из огня.

Он восстал на большую высоту и сказал Филиппу: «Филипп, сын грома, что это за великая власть, которой ты обладаешь, которая позволяет тебе пройти через это место и выступить против нас? Почему ты так стараешься уничтожить меня, дракона в пустыне? Заклинаю тебя от имени Того, кто предоставил тебе эту власть, не уничтожай нас и не истребляй нас громовыми раскатами твоего гнева. Пошли нас на гору Лабиринт, чтобы мы могли там скрыться и преобразиться. И нашей демонической силой мы отныне будем служить тебе точно так же, как мы служили в Иерусалиме нашему господину Соломону справедливому, ибо именно с нашей помощью он построил святилище Божье. И через шесть дней мы построим для тебя в этом месте здание, которое наречем церковью живого Бога. И с моего позволения там станут бить семь вечных источников в честь имени распятого, только не убивай нас».

И ответил апостол: «Как вы сможете строить, если у вас ползучая природа и на самом деле вы змеи, а, чтобы возвести здание, требуется человеческое мастерство? Поэтому во имя Иисуса повелеваю вам, чтобы и ты, и эти пятьдесят змей изменили свою ползучую сущность и приняли человеческий облик». И сказал дракон: «Послушай, Филипп, мы по природе темные и мрачные, Мрак — наш отец, а Мгла — мать наша. И они явили нас миру в виде темных и мрачных существ, с маленькими лапами, спутанными волосами, без колен, с ногами, подобными ветру, держащими нас в воздухе. У нас сверкающие глаза, остро-конечные бороды, вздыбленные волосы. Мы отвратительны, и мы вождедем женщин, хотя и являем собою смесь мужского и женского начала». Затем, глубоко вздохнув, дракон сказал: «Филипп, раз уж ты стал таким сильным, узри наш истинный облик». И сразу же после этих слов дракон и полсотни змей явили себя такими, каковы они на самом деле. Они взлетели, подобно

ветру, и воскликнули: «Теперь возведем здание!» Им потребовалось всего три часа, чтобы перенести по воздуху пятьдесят высоких колонн, и сказали они: «Устрой это место, Филипп, соответственно своим желаниям, и появятся здесь семь источников и храм, и через шестьдесят дней храм будет освящен».

Через шесть дней строительство церкви было закончено, и потекли ручьи, как реки. И через несколько дней три тысячи мужчин и множество женщин с младенцами собрались вместе и прославляли Христа. И дракон, явившись в образе темнее эфиопа, сказал: «Мы уходим, Филипп, в то место, где ты нас больше никогда не увидишь, ибо боимся мы, что ты опять повелишь нам строить и там. Для нас встреча с тобой была достаточным испытанием, ибо мы потерпели поражение».

ГОРОД ЗМЕЕВ

И теперь направились апостолы в город¹⁸. Достигнув вершины горы, они посмотрели вниз и увидели лежащий на склоне город, в который послал их Господь. Они заметили людей у городских стен и сказали друг другу: «Пойдем к ним и спросим название города». И когда они спустились вниз, мужчины, завидев их, двинулись навстречу. У местных жителей на плечах были змеи, от которых они получали знамения. И спрашивали они змей: «Кто эти люди, идущие к нам?» А вот как узнавали чужаков: на них спускали змей, и если змеи не кусали пришельцев, значит, те тоже участвовали в греховной мерзости. Те чужестранцы, которых змеи жалили, считались врагами, и им не позволялось войти в город.

Когда апостолы подошли к семерым мужчинам, чтобы поговорить с ними, каждый из них натравил на пришельцев своего змея. Но змеи склонили головы к земле перед апостолами и замерли так, кусая свои жала. И люди сделали вывод, что апостолы также поклонялись аспиду. Итак, Филипп отправился вместе

Дева Мария с младенцем, попирающая ногами дракона.
Гравюра Джованни Валезио с изображением парадной платформы, 1916 г.

с остальными... Достигнув городской черты, узрели они перед городскими воротами двух больших драконов: один стоял справа, а другой — слева. И следили драконы за тем, чтобы в город не вошел ни один незнакомец, ибо дыханием своим они ослепляли чужаков. Когда апостолы входили в город, драконы подняли головы и, увидев их у ворот, зарычали. Но когда Филипп взглянул на них, они узрели сияющий в его глазах луч света монады* и в то же мгновение отвернули головы в сторону и испустили дух.

ДРАКОН СТАЛ ЕЕ ГРОБНИЦЕЙ

Память о святом Марцеллине, парижском епископе, жившем в V в., была бы утрачена навсегда, если бы неутомимый Венанций Фортунат (ок. 530 — ок. 600) не написал историю его жизни в 570-х гг., таким образом сохранив ее для потомков. Фортунат изложил житие Марцеллина Парижского¹⁹, пересказывая чудеса,

* Термин «монада» означает единство Бога.

совершенные этим святым, причем сила и могущество его деяний стремительно возрастали по мере того, как он продвигался по иерархической лестнице в христианской церкви. Последним чудом стало драматическое противостояние с драконом, обитавшим в гробнице женщины, совершившей прелюбодеяние. Дракон медленно пожирал ее труп, чтобы и после смерти продолжить ее мучения за грехи, совершенные при жизни. В присутствии собравшихся жителей Парижа Марцеллин осудил чудовище и прогнал его из города. Благодаря увлекательному повествованию Фортуната память о победе над драконом сохранилась на века. Во времена более позднего Средневековья парижане шествовали крестным ходом накануне праздника Вознесения, который отмечается через сорок дней после Пасхи. В поднятых руках они держали кукольных драконов, сплетенных из ивовых прутьев, а прохожие бросали фрукты и маленькие пирожки, пытаясь попасть в зияющие пасти этих укрощенных чудовищ.

Мы начнем описание с триумфального чуда, которое, хотя и стоит последним по порядку, заслуживает упоминания в первую очередь, если оценивать его по величию. Некая жена почтенного человека, имевшая благородное происхождение, но скверную репутацию, запятнала свое имя мерзкими поступками. Она закончила последние дни своей мимолетной жизни во мраке позора, и в последний путь ее проводила процессия, не делавшая ей чести и после смерти. Отвратителен рассказ о том, что произошло после ее похорон, ибо тело этой покойницы подверглось двойной напасти. Змей огромного размера повадился посещать гробницу, чтобы пожрать ее труп. Едва дракон проглотил конечности этой женщины, как сам превратился в ее гробницу. Труп полагается лежать в одном месте, но эта женщина лишена была покоя в наказание за свои прегрешения. О, какая отвратительная участь и страшное несчастье! Грешница, не сумевшая соблюсти неприкосновенность своего свадебного ложа, не заслужила права лежать нетронутой в своей гробнице, ибо змей-искуситель,

склонивший ее к греху, когда она была жива, и после смерти терзал ее труп.

И вот члены ее семьи, едва отойдя от могилы, услышали звук и бросились назад, чтобы увидеть гигантское чудище, покидающее гробницу. Его огромное тело, извиваясь кольцами, скользило по земле, а хвост хлестал в разные стороны. В ужасе от увиденного они вернулись домой.

Когда об этом стало известно святому Марцеллину, он решил сразиться с запятнанным кровью врагом и одержать победу над ним. Собрав горожан, он проследовал к гробнице женщины. Граждане остановились на расстоянии, а Марцеллин выдвинулся на место в одиночку, ведомый Христом. Он приготовился к битве. Когда дракон вернулся к гробнице из леса, они сблизились. Блаженный Марцеллин вознес молитву, после чего змей попросил о пощаде, склонив голову и виляя хвостом. Затем блаженный Марцеллин трижды ударил своим посохом по голове дракона, обернул епитрахиль вокруг шеи змея и явил свою победу горожанам. Так на духовном ристалище он в одиночку сразился с драконом, а люди наблюдали за битвой.

Святой Сильвестр запечатывает уста дракона

С облегчением граждане приблизились к своему епископу, так как возжелали увидеть плененного им врага. Затем почти три тысячи человек прошли крестным ходом во главе с епископом, следуя за зверем, вознося молитву Господу, отказавшись от всякой погрёбальной помпезности. Наконец, благословенный Марцеллин обвинил дракона, сказав: «Отныне либо оставайся в пустыне, либо скройся в морской пучине». Зверь был изгнан из города, и никто его больше никогда не видел.

Итак, священнику пришлось в одиночку защищать родной город, и он победил врага своего, используя лишь посох. Марцеллин доказал, что этот способ надежнее, чем нападение на дракона с помощью метательных орудий, ибо стрелы вполне могли бы отскочить от его шкуры, и только чудо помогло одолеть его. О самый святой из людей, чей легкий посох явил силу и мощь, чьи нежные пальцы сковали змея цепями! Так, с помощью посоха, принадлежавшего одному человеку, был побежден враг, приносивший вред всему обществу, и победу отпраздновали всенародно. Если мерить заслуги святых людей по деяниям их, то Галлия восторгается Марцеллином так же, как Рим восторгается Сильвестром, но итоги их деяний несопоставимы, ибо Сильвестр только наложил печать на змея, а Марцеллин навсегда изгнал дракона²⁰.

ИЗВИВАЮЩИЕСЯ ПРОВОДНИКИ ПРОКЛЯТЫХ

В популярных «Диалогах о чудесах итальянских отцов»²¹ (написанных ок. 593–594 гг.) папа Григорий Великий хвалил добродетели святых Италии в назидание своему молодому собеседнику Петру. Среди этих нравоучительных повествований содержались предупреждения о страшной гибели, ожидавшей монахов, которые не следовали нормам поведения, принятым в уединенной монастырской жизни. Три такие истории описывают, как у нерадивых

братьев возникали видения драконов, которые обвивали кольцами их тела, чтобы выбрать удобное время и похитить их души в момент смерти, унести их в ад и подвергнуть наказанию.

В восприятии современных людей такие грехи, как уныние, гнев и чревоугодие, могут показаться незначительными, но послание Григория к монашеской братии ясно дает понять: жизнь монаха должна быть строгой и любое недостойное поведение может иметь вековые последствия для души отступника.

«Диалоги» были чрезвычайно популярны среди читателей во всей средневековой Европе. Драконы представляли в них в образе проводников, доставлявших проклятых в ад. Возможно, это стало источником вдохновения для иконописцев, изображавших адову пасть в виде разверстых челюстей гигантского зверя.

Некий монах общины Бенедикта решил покинуть ее, поскольку не желал больше жить в монастыре. Как ни наставляли его на путь истинный, как ни увещевали, монах молил отпустить его восвояси. И вот однажды почтенный отец Бенедикт, устав от жалоб, вышел из себя и приказал ему уйти из обители. Едва монах покинул монастырь, как обнаружил, что по дороге к нему приближается дракон с широко разверстой пастью. Когда дракон уже собрался сожрать его, монах, задрожав всем телом от страха, громко закричал: «Ко мне! На помощь! Этот дракон хочет меня съесть!» Прибежавшие к нему на помощь братья не увидели дракона, но отвели монаха, дрожащего от ужаса, обратно в монастырь.

Страшный суд на картине Якоба ван Сваненбурга, XVII в.

Он сразу же пообещал больше никогда не покидать обитель и с того времени оставался верен своему слову. Так молитвы святого раскрыли глаза монаху, и он увидел приближающегося дракона, которого ранее был не в состоянии узреть.

Во время эпидемии чумы, которая недавно выкосила большую часть населения Рима, на смертном одре очутился монах по имени Феодор, получивший ранение в живот. Когда он уже был готов испустить дух, братья собрались вокруг него, чтобы подкрепить молитвой уход его души. Конечности монаха уже охладели, и только в груди еще теплилось дыхание. Все братья горячо молились за упокой его души, чтобы успеть надлежащим образом проводить его из этого мира, как вдруг он начал кричать на монахов: «Отступите! Уходите! Узрите, я был отдан на съедение дракону, но он не может проглотить меня из-за вашего присутствия. Моя голова уже была у него в пасти! Дайте ему продолжить, чтобы он больше не мучил меня, дайте ему завершить то, что он собирается сделать. Если мне уготовано быть съеденным драконом, почему я должен терпеть лишние мучения из-за вашего вмешательства?» Тогда братья сказали ему: «Что это ты говоришь, брат? Осени себя святым крестом, чтобы помочь себе». Умиравший в ответ издал громкие крики и сказал: «Я хочу перекрестить себя, но не могу под тяжестью чешуи этого дракона». Услышав эти слова, братья пали на землю и стали горячо молиться о его освобождении со слезами на глазах. И вдруг больной почувствовал себя лучше и громким голосом воззвал: «Слава Богу, дракон, который хотел сожрать меня, исчез, ибо не выдержал ваших молитв. Теперь помолитесь за мои грехи, потому что я готов полностью покинуть прежнюю мирскую жизнь и обратиться к Богу».

Живет среди нас пресвитер по имени Афанасий Исаурийский, который поведал нам о страшном событии, произошедшем во время его пребывания в Иконии^{*}. Как он рассказывает,

^{*} В настоящее время это город Конья в Турции, в центральной части Анатолии.

там располагался некий монастырь под названием Тон Галатон, в котором жил монах, обладавший сильным характером. Окружающие почитали этого монаха как добропорядочного, целеустремленного человека, но, как оказалось в итоге, он был не тем, кем его считали. Ибо когда он должен был соблюдать пост с братией, он втайне от всех употреблял пищу, а братья об этом грехе были в полном неведении.

Но тело его поразила болезнь, и жизнь его подошла к концу. Когда приблизился момент его смерти, он заставил всех братьев из монастыря собраться вокруг него. Монахи верили и надеялись, что услышат возвышенные и мудрые речи от человека, находящегося на смертном одре. А вышло иначе: этот умирающий человек, больной и дрожащий, был вынужден рассказать им, что после смерти будет предан дьяволу. Вот что он сказал: «Когда вы думали, что я пощусь вместе с вами, я ел втайне от вас, и вот теперь я отдан на съедение дракону. Он уже обвил мои ноги и колени своим хвостом. Голова его находится прямо рядом с моим ртом, и он пожирает мой дух». Едва он произнес эти слова, как сразу же испустил дыхание, поэтому он не успел покаяться в своих грехах и освободиться от дракона, который ему явился.

ЧУДОВИЩЕ ИЗ РЕКИ НЕСС

Среда обитания раннехристианских драконов простиралась далеко на север, до лесистых холмов и холодных рек современной Шотландии. Не покоренные римлянами земли Каледонии в раннем Средневековье оставались дикой пустошью. Согласно Житию ирландского святого Колумбы (521–597)²², написанному в конце VII в. его учеником Адамнаном Ионским, святой проповедовал христианское учение среди пиктов в окрестностях Лох-Несса. Там он столкнулся с агрессивным водным существом огромных разме-

ров. Колумба изгнал чудовище реки Несс крестным знамением, тем самым поразив язычников и побудив их принять христианскую веру. Сила крестного знамения так подействовала на чудовище реки Несс, что оно не попадалось людям вплоть до XIX в.

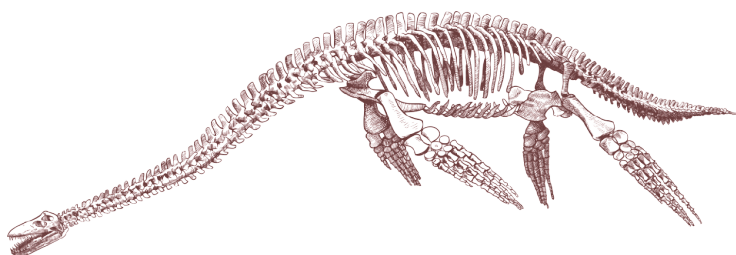
В другой раз, когда блаженный муж был несколько дней в пиктских областях, ему понадобилось пересечь реку Несс; и когда он прибыл на ее берег, то увидел, как некоторые из жителей погрешают несчастенького человечка. Его, как рассказали сами похоронщики, когда он незадолго до того плавал, схватила водяная тварь и укусила жесточайшим образом, и его злосчастное тело, хотя и поздно, подплывшие в лодке подцепили крюками.

Блаженный же муж, напротив, услышав это, попросил, чтобы один из его спутников поплыл и привел к нему корабль, который стоял на другом берегу. Услышав повеление святого и достохвального мужа, Лугне мокку Мин, нисколько не медля, повиновался и, сняв с себя всю одежду, кроме рубахи, бросился в воду.

Однако тварь, которая ранее не столько насытилась, сколько распалилась на добычу, пряталась в глубинах реки, и, по-

Плезиозавр в книге «Водные рептилии прошлого и настоящего» (1914)

В XX в. появились предположения, что Лохнесское чудовище может быть последним представителем плезиозавров

чувствував, как плывущий наверху возмущает воду, внезапно всплыла с превеликим рычанием, и с открытым ртом устремилась на человека, плывущего посреди реки.

Тогда блаженный муж, видя это, когда все, находившиеся там, как варвары, так и братия, были потрясены великим ужасом, подняв святую руку, начертил в воздухе спасительный знак креста, призвав имя Божье, и повелел свирепой твари, глаголя: «Не смей идти дальше и не трогай человека; отступи скорее назад».

Тогда же вострепетавшая тварь, услышав голос святого, понеслась очень быстро, пятясь назад, как будто ее тащили веревками, а раньше она почти достигла плывущего Лугне, так что между человеком и тварью осталось не больше длины локтя. Братья же, видя, что тварь отступает, а их товарищ Лугне возвращается к ним в лодочке целым и невредимым, с великим восхищением прославили Бога в блаженном муже. Но и варвары-язычники, присутствовавшие там, тронутые величием чуда, которое они и сами видели, прославили Бога христиан*.

* Пер. Н. Живловой. Цит. по: Живлова Н. Ю. Мир святого Колумбы. Ранне-средневековая Ирландия и Британия глазами монахов с острова Иона. М.: Языки славянской культуры, 2019. 432 с.

ЧАСТЬ III

СТРАЖИ СОКРОВИЩ:
ЗМЕИ В СКАНДИНАВСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

Когда Якоб Гримм опубликовал первое издание «Германской мифологии» (*Deutsche Mythologie*) в 1835 г., он невольно провозгласил возрождение драконов средневекового севера. В главе «Деревья и животные» этой обширной энциклопедии древнегерманских верований есть довольно длинное отступление, посвященное драконам, где описаны правила обращения со змеями и другими рептилиями. Гримму впервые удалось собрать воедино многочисленные упоминания драконов, разбросанные в скандинавской литературе, и выделить их общие характеристики.

В древнескандинавском языке существовало два слова для обозначения дракона: *ormr* (похожее по звучанию на древнеанглийское название змея *wurm*) — змей чудовищного размера, в то время как *dreki* (заимствование из древнеанглийского *draca*) обладал крыльями, а иногда и ногами. В воображении северян драконы разных форм и размеров обитали в подземных покоех, возлежали на горах из золота и рыскали по зимним пустошам в поисках добычи. Как и великаны, они были древними существами, намного старше человеческого рода. Их ядовитое или огненное дыхание было смертоносным.

Предназначением героев вроде Сигурда и Беовульфа было избавление земли от этих чудовищ, подобно тому как бог грома Тор победил мирового змея Ёрмунганда. «Германская мифология» Гримма сделала больше, чем любая другая научная работа, для продвижения образа драконов в скандинавской мифологии, создав архетип этих чудовищ в современном представлении. Благодаря Гримму широко распространилось представление, что «драконы сторожат сверкающие сокровища и клады на унылых пустошах»²³.

УЖАС НАРОДОВ

Ни один дракон прошлого не повлиял на сегодняшнее представление об этих существах так сильно, как безымянный змей из раннесредневековой поэмы «Беовульф»²⁴. Написанная на древнеанглийском языке, скорее всего, в течение нескольких десятилетий после 700 г., поэма сохранилась в единственной рукописи, созданной на рубеже первого тысячелетия. «Беовульф» повествует о герое, который приплыл из Швеции в Данию, чтобы помочь королю Хротгару одолеть смертоносное чудовище в человеческом облике по имени Грендель, осаждавшее медовый зал. После того как Беовульф победил Гренделя и его отвратительную мать, он вернулся на родину, где стал королем гаутов и мирно правил в течение пятидесяти лет. На склоне лет правителя его королевство стало осаждать другое свирепое существо: крылатый огнедышащий дракон, охочий до золота.

С одной стороны, разрушительная сила дракона в поэме «Беовульф» делала его грозным противником, с другой стороны, его склонность к конфискации сокровищ была не менее опасной, потому что грозила разрушением уз преданности и дружбы в воинской дружине, уз, основанных на перераспределении богатства вождями для укрепления отношений со своими воинами.

Хотя поэма «Беовульф» не была широко известна в Средние века, она сыграла важную роль в формировании современных представлений о драконах, вдохновив Джона Рональда Руэла Толкина на создание «особенно алчного, сильного и злого дракона по имени Смауг» в знаменитой повести «Хоббит, или Туда и обратно»²⁵.

[В ознаменование победы Беовульфа над Гренделем поэт восхваляет другого истребителя драконов и чудовищ — Сигмунда Вэльсунга*.]

* Имя героя Сигмунда на древнескандинавском произносится как Сигмундр, а его сына Сигурда — Сигюрдр. Они относятся к потомкам Вэльсунгов. Сигурд прославился тем, что убил дракона Фафнира (см. ниже).

Смерть дракона. Иллюстрация Генри Джастиса Форда

И начал он восхвалять Беовульфа, искусно сплетая созвучья и вплетая в песнь новую историю: о подвигах Сигмунда Вёльсунга. Помянул он в песне и верного соратника Сигмунда, его племянника Фителы.

Слава Сигмунда возросла после его смерти: молва разнесла слух о его сражении с драконом, что стерег сокровища под темными утесами. Там он сражался без верного Фителы, но сумел поразить чудовище:

*...и ему посчастливилось:
 остролезвый клинок,
 благородный меч
 поразил змеечудище,
 пригвоздил к скале,
 и дракон издох;
 тут по праву сокровищем
 завладел герой,
 воздаяньем за труд
 было золото:*

*он на грудь ладьи
драгоценный груз
возложил и увез,
Вёльса доблестный сын;
а драконова плоть
сгибла в пламени*.*

Беовульф вернулся в Гаутландию и мудро правил в течение пятидесяти лет. Но дракон появился снова. Вор проник в сокровищницу и похитил драгоценную чашу, пробудив ото сна дракона.

Последний оставшийся в живых представитель некоего древнего клана спрятал сокровища, оплакивая свою судьбу перед смертью. Но дракон нашел и присвоил клад:

*Клад незарытый
стал достоянием
старого змея,
гада голого,
гладкочешуйного,
что над горами
парил во мраке
палящим облаком,
ужас вселяя
в людские души, —
ему предназначено
стеречь языческих
могильников золото,
хотя и нет ему
в том прибýtка...*

* Здесь и далее цитируются фрагменты поэмы «Беовульф» в пер. с древнеангл. В. Тихомирова.

Триста зим дракон стерег сокровища, пока дерзкий вор не разграбил курган. Но грабитель слишком близко подобрался к чудищу, дракон почуял запах чужака на камне и разъярился. Он обыскал подземный зал, а потом и пустыню вокруг кургана, но никого не нашел. Вернувшись в зал, он обнаружил, что драгоценная чаша похищена!

Дракон был разгневан. Едва дождавшись вечера, он, пылая огнем, взлетел с кургана и обрушил свой гнев на людей:

*Огонь извергая,
жизнекрушитель
зажег жилища;
пламя взметнулось,
пугая жителей,
и ни единого
не пощадила
тварь огнекрылая,
и негде было
в стране обширной
от злобы змея,
от пагубы адской
гаутам скрыться,
когда безжалостный
палил их жаром...*

Лишь на рассвете дракон возвращался в пещеру к своим сокровищам, но каждую ночь губил людей огненным дыханием. Познал бедствие и Беовульф: дом с престолом гаутского вождя поглотило пламя. Старец оплакал свое несчастье, думая, что наказан Создателем на несоблюдение заповедей.

И тогда он замыслил мщение и приготовился окончить дни своей жизни в битве с драконом. Беовульф повелел выковать

огромный щит из железа, способный выдержать жар драконьего пламени.

Беовульф с отрядом из одиннадцати соратников отправился искать пещеру змея. Тринадцатым в отряде был виновник несчастья — тот самый вор. Покорный приказу, он привел дружину к пещере, где жил дракон. Беовульф взошел на холм, простился со своей дружиной, предчувствуя скорую смерть, и велел воинам оставаться вблизи кургана.

Затем он встал и направился к серым утесам. Вскоре он увидел в скалах жерло, из которого изливалось жаркое пламя, преграждая путь в глубь подземелья. Беовульф разъярился, услышав его гневный клич, распалился и дракон. Из пещеры взметнулся дым — смрадное дыхание змея, а затем и он сам, извиваясь, выполз к месту схватки. Беовульф встретил его, держа наготове двуострый меч и надежный щит. И вот меч обрушился на чудище, но скользнул вкось. Из пасти дракона хлынули пламя и ядовитый пар. Противники сошлись снова, но теперь уже дракон брал верх.

Дружина тем временем укрывалась в дальней роще. Но один воин по имени Виглаф не мог предать своего конунга. Увидев, что тот обжят пламенем, он пришел на помощь своему раненому господину:

*Тогда, я слышал,
к нему на выручку
поспел дружинник:
он, знатный родом,
известный мужеством,
силой и ловкостью,
в руке опаленной
клинок сжимая,
уцепил не в голову
гаду, но ниже*

вонзил оружие,
 ужалил в горло
 змея зломерзкого —
 вошло железо
 в плоть огненосную,
 сникло пламя,
 дыханье драконье;
 и тут же конунг,
 едва очнувшись,
 свой меч широкий — Нэглинг*,
 владыка ведеров,
 из ножен выхватил
 и острым жалом
 вспорол утробу
 огневержителя, —
 сдохло чудище.

Так Беовульф и Виглаф вдвоем одолели змея. Но для конунга та битва стала последней: страшные раны от драконьих клыков начали смердеть, грудь покрылась язвами — то действовал змеиный яд.

Вождь сел под серыми скалами, дружинник омыл водой его лицо и грудь, снял с него шлем. И тогда Беовульф, чувствуя приближение смерти, сказал Виглафу сойти под землю и принести древние сокровища, чтобы он мог насытиться их блеском, возлечь рядом и без печали покинуть земную жизнь.

Виглаф выполнил повеление и, сойдя в пещеру, увидел там множество удивительных вещей. Он сложил сокровища в мешок и в кольчугу и взял светозарный стяг. С драгоценным грузом он вышел из подземелья, боясь не застать своего господина

* Меч Беовульфа Нэглинг (Naegling) получил название от древнеанглийского слова «гвоздь» (nægl).

в живых. Беовульф и правда был почти при смерти, но, когда Виглаф окропил его водой, он очнулся и увидел золото.

И тогда Беовульф восславил Господа, ниспославшего ему победу в битве, а его народу — такие богатства. Свой прах он повелел укрыть в кургане на Китовом мысу. Виглафа Беовульф сделал своим единственным наследником.

*«...В час предначертанный
ушли знатнейшие —
и я за ними!»
С последним словом
угасло сердце
мудрого старца;
осталось тело,
костра пожива;
душа отправилась
искать награды
среди угодников.*

Глашатай передал гаутам весть о гибели Беовульфа и дракона. Он предрек им великие бедствия после того, как о гибели конунга узнают фризы и франки. Воины, облившись слезами, отправились к Орлиным скалам, чтобы увидеть останки Беовульфа и дракона.

Сокровища они вынесли из пещеры, а дракона скинули с утеса в море, чтобы он сгинул в пучине. Проклятое драконье сокровище решено было сжечь на погребальном костре с Беовульфом. На Китовом мысу возвели костер, украсив ложе конунга щитами и кольчугами. Мужественные воины оплакивали своего повелителя, и выла простоволосая старуха, что близятся страшные бедствия. Когда дым развеялся, гауты насыпали высокий курган над прахом Беовульфа, ставший путеводным знаком для морских скитальцев. Сокровища захоронили в холме. Так все, что было в драконьей пещере, вернулось под землю.

СИГУРД — ПОБЕДИТЕЛЬ ФАФНИРА

Герой Сигурд (Сигюрдр), сумевший убить Фафнира (или Фафни), стал самым прославленным победителем драконов в скандинавских сагах. Сказание об этой битве встречается повсеместно в северноевропейском искусстве и литературе. Здесь же мы приводим отрывок из «Саги о Вёльсунгах» — поэтического изложения истории клана Вёльсунгов, датируемого примерно 1275 г.²⁶

В детстве Сигурд был отдан на воспитание карлику Регину, и тот поведал мальчику о несметных сокровищах, которые хранит его брат — великан по имени Фафнир, обращенный в дракона за свою неумную жадность. Накануне битвы Регин выковал Сигурду знаменитый меч Гнев (на древнескандинавском языке — *gramr*). Легенда о Сигурде отличается тем, что в ней описан дракон, ранее имевший человеческий образ. Как и чудовище из поэмы о Беовульфе, Фафнир страстно любил золото и драгоценности, но он не мог ни летать, ни извергать огонь. Подобно гигантским змеям Древнего Рима, он ползал по земле и испускал облака яда, а земля содрогалась под тяжестью его необъятных колец.

Вот едут Сигурд и Регин в пустынные горы к той тропе, по которой обычно проползал Фафни на водопой, и рассказывают, что с тридцать локтей был тот камень, на котором лежал он у воды, когда пил.

Тогда промолвил Сигурд:

— Сказал ты, Регин, что дракон этот не больше степного змея, а мне сдается, что следы у него огромные.

Регин молвил:

— Вырой яму и садись в нее, а когда змей поползет к воде, ударь его в сердце и так предай его смерти; добудешь ты этим великую славу.

Сигурд молвил:

— Как быть, если кровь змея того зальет меня?

Борьба Сигурда и Фэфнира на иллюстрации Артура Рэкхема

Регин отвечает:

— Нечего тебе и советовать, раз ты всего пугаешься, и не похож ты отвагою на своих родичей.

Тут поехал Сигурд в пустыню, а Регин спрятался от сильного страха. Сигурд выкопал яму; а пока он был этим занят, пришел к нему старик с длинной бородой и спросил, что он делает, и Сигурд ему сказал. Отвечает ему старик:

— Это дурной совет: вырой ям побольше, чтобы кровь туда стекала, а ты сиди в одной и бей змея того в сердце.

Тут старик исчез, а Сигурд выкопал ямы, как было сказано. А когда змей тот пополз к воде, то задрожала вся округа, точно сотряслась земля, и брызгал он ядом из ноздрей по всему пути, но не устранился Сигурд и не испугался этого шума. А когда змей проползал над ямой той, вонзил Сигурд меч под левую ключицу, так что клинок вошел по рукоять. Тут выскакивает

Сигурд из ямы той и тянет к себе меч, и руки у него — все в крови по самые плечи. И когда огромный тот змей почуял смертельную рану, стал он бить головой и хвостом, дробя все, что под удар попадало. И когда принял Фафни смертельную рану, стал он спрашивать:

— Кто ты таков, и кто твой отец, и какого ты роду, что дерзнул занести на меня оружие?

Сигурд отвечает:

— Род мой неведом, и имя мне — Статный Зверь, и нет у меня ни отца, ни матери, и один совершил я путь.

Фафни отвечает:

— Если нет у тебя ни отца, ни матери, то от какого же чуда рожден ты? И если ты скрываешь от меня имя свое в смертный мой час, то знай, что ты лжец.

Тот отвечает:

— Называюсь я Сигурд, а отец мой — Сигмунд.

Фафни отвечает:

— Кто подговорил тебя на это дело и как дал ты себя подговорить? Разве ты не слыхал, что все люди боятся меня и моего шлема-страшилища? Остроглазый отрок, отважен был твой отец.

Сигурд отвечает:

— Подстрекнул меня крепкий дух, а совершить помогла эта мощная длань и этот мой острый меч, как ты теперь изведаль; и редко в старости стоек, кто в детстве дрябл.

Фафни говорит:

— Знаю я, что если бы взращен ты был в роду своем, то умел бы биться грозно; но большое диво, что кашей полоненный отважился биться со мною, ибо редко пленник отважен в поле.

Сигурд молвил:

— Попрекаешь ты меня тем, что возрос я вдали от рода. Но хоть был я взят на войне, никогда я не был рабом, и ты на себе испытал, что я — свободнорожденный.

Фафни отвечает:

— За обиду принимаешь ты все, что я говорю. Но будет тебе на погибель золото то, которым я владел.

Сигурд отвечает:

— Всяк в добре своем властен лишь по некий день, и когда-нибудь всякий умрет.

Фафни молвил:

— Мало, сужу я, ты совершишь, коль опрометчиво выйдешь в море, а лучше пережди на берегу, пока уляжется ветер.

Сигурд молвил:

— Скажи ты мне, Фафни, если ты премудр: каковы те норны, что метят детей при родах?

Фафни отвечает:

— Много их, и различны они по роду:

Иные — из асов, иные — из алфов,

Иные — дочери Двалина.

Сигурд молвил:

— Что за остров, где будут брагу мечей

Смешивать Сурт и асы?

Фафни отвечает:

— Он зовется Оскапт.

И еще молвил Фафни:

— Регин-брат — виновник моей смерти, и так сдастся мне, что станет он виновником и твоей смерти, и все идет, как он пожелал.

Еще молвил Фафни:

— Я носил шлем-страшилище перед всем народом, с тех пор как лежал на наследии брата, и брызгал я ядом на все стороны вдаль, и никто не смел приближаться ко мне, и никакого оружия я не боялся, и ни разу не видел я пред собой столькох людей, чтоб не считал я себя много сильнее их; и все меня страшились.

Сигурд после гибели Фафнира. Иллюстрация Германа Фогеля

Сигурд молвил:

— Тот шлем-страшилище, о коем ты говоришь, мало кому дает победу, ибо всякий, кто встречается со многими людьми, познаёт однажды, что самого смелого — нет.

Фафни отвечает:

— Мой тебе совет, чтобы ты сел на коня и усакал отсюда как можно скорее, ибо часто случается, что тот, кто насмерть ранен, сам за себя отомстит.

Сигурд сказал:

— Такой твой совет, но я поступлю иначе: поскачу я к твоему логову и возьму великое то золото, которым владели родичи твои.

Фафни отвечает:

— Поедешь ты туда, где найдешь так много золота, что скончается оно твои дни; и это самое золото будет тебе на погибель и всякому другому, кто им завладеет.

Сигурд встал и молвил:

— Поехал бы я домой, хоть бы и лишился великого этого богатства, если бы знал, что никогда не умру.

*И отважнейший воин
властен над золотом
По некий суженый срок.
Ты ж, Фафни, майся
в предсмертных муках,
И пусть тебя примет Хел.*

И тут умер Фафни*.

КРЫЛАТЫЕ ДРАКОНЫ СЕВЕРА

Фафнир отнюдь не единственный дракон, который бродит в пустынных землях севера. Хотя Джон Рональд Руэл Толкин утверждает, что драконы «насколько редкие, настолько и опасные» существа в скандинавской литературе, однако во множестве старинных норвежских и исландских саг позднего Средневековья повествуется о смертельных схватках отважных воинов с крылатыми драконами²⁷. В «Саге о Кетиле Лососе» (Ketils saga hængs)

* Пер. Б. И. Ярхо. Цит. по: Корни Иггдрасиля. М.: Терра — книжный клуб, 1997.

норвежский ярл по имени Кетиль Лосось из Храфниста в одном из своих путешествий вступил в схватку с налетевшим на него драконом. В «Саге о Тидреке Бернском» (Þiðreks saga af Bern), чей образ списан с короля остготов Теодориха Великого (526 г.), повествуется о том, как Тидрек и его спутник Фасолд не дали дракону сожрать беспомощную жертву и убили ящера в схватке.

В этих легендарных историях драконы предстают как дикие хищники. Они не умеют разговаривать и не сторожат сокровища, подобно Фафниру. Но теперь эти твари становятся одной из множества опасностей, с которыми сталкиваются отважные и безрассудные бродяги в суровых и диких северных землях.

ОХОТНИК СТАНОВИТСЯ ДИЧЬЮ

Однажды вечером в сумерки Кетиль подхватил свой топор и отправился на север в сторону острова²⁸. Едва он отошел от фермы, как увидел чудовище, летевшее к югу от северных скал ему навстречу. Тело его извивалось кольцами и имело хвост как у змеи,

Огненный дракон на иллюстрации современного художника T Studio

а крылья были как у дракона. Казалось, пламя вырывалось из его пасти и глаз. Кетиль понял, что никогда еще не видел подобной рыбины или иного чудища и что было бы легче сразиться против целого отряда. Дракон кинулся на него, но Кетиль мужественно отбивался боевым топором. Долго длилась их схватка, пока Кетиль не исхитрился перерубить дракона пополам. Дракон свалился замертво.

ВЫРВАННЫЙ ИЗ ПАСТИ ДРАКОНА

И вот видят они (Тидрек и Фасолд) огромного летучего дракона (*flugdreka*)²⁹. У него длинное и толстое тело, и у него мощные ноги с длинными острыми когтями. У него громадная и страшная голова. Он летит низко над землей, и его когти скребут почву, подобно острым клинкам. В пасти он тащит человека (Систрама), и уже проглотил его от ног и до подмышек. Из пасти виднеются только голова и плечи. Руки его застряли в нижней челюсти, и сам он был все еще жив... Они тут же спрыгнули с коней, выхватили мечи и вместе напали на дракона. Меч Тидрека слегка поцарапал дракона, а меч Фасолда только скользнул по шкуре. И хотя дракон был велик и силен, он не мог ни взлететь, ни защищаться, будучи отягощен весом воина в полном вооружении. И тогда воин из пасти дракона обратился к Фасолду: «Я вижу, что твой меч не пробивает толстой шкуры дракона. Возьми мой меч из драконьей пасти, в руках отважного воина этот клинок скорее рассечет противника... Но бей осторожно: мои ноги застряли в драконьем горле, уж ты постарайся не ранить меня моим же собственным мечом... Разите сильнее, добрые молодцы, а то злобный дракон сжимает меня так сильно, что кровь подступает к горлу, и я уже не знаю, чем все это кончится». И они вдвоем взмахнули мечами, и зарубили дракона насмерть, и освободили этого человека из драконьей пасти.

ЧАСТЬ IV

КНИГИ О МОНСТРАХ:
ЗНАНИЯ О ДРАКОНАХ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЕВРОПЕ

В течение десятков лет на рубеже первого и второго тысячелетий в небе Северной Европы нередко встречались драконы. Монастырский летописец Рауль Глабер в 1040-х гг. сообщал, что над городом Осером в канун Рождества в 997 г. появился огромный дракон. Чудовище направлялось с севера на юг, излучая яркий свет, и сильно напугало зевак. В средневековой Европе дракон вызывал страх не только потому, что был хищником высшего порядка, способным своим огненным дыханием

Семиглавый дракон Апокалипсиса
на картине Питера Пауля Рубенса, 1623–1624 гг.

уничтожить жилища людей, но и потому, что его внезапное появление служило недобрым предвестием. Как и кометы или затмения, пришествие дракона грозило бедствиями в том или ином виде. В случае с Осером оно оказалось предвестником кровопролитной гражданской войны, опустошившей Бургундию уже в следующем году.

Труды таких летописцев, как Глабер, свидетельствуют, что для средневековых читателей образ дракона был весьма многозначен. Авторы тех времен черпали информацию о местах обитания и рационе этих великих крылатых змеев из трудов Плиния и других римских авторитетов, а также из сочинений ранних христианских авторов, подчеркивавших дьявольское происхождение чудовищ. Но, кроме того, средневековые авторы сумели наполнить восприятие дракона новыми смыслами, навеянными устными традициями, местным фольклором и даже личным опытом. Так появились новые истории о природе и значении драконов для новых поколений читателей.

СОКРОВИЩНИЦА ДРЕВНИХ ЗНАНИЙ О ДРАКОНАХ

Святой Исидор Севильский (ок. 560–636) был испанским архиепископом, отличавшимся чрезвычайной любознательностью и ненасытной тягой к сведениям о мире и его жителях. В течение всей своей жизни он занимался составлением масштабной энциклопедии, в которую вошли древние труды, посвященные таким разнообразным предметам, как астрономия и животный мир, дороги и скалы, здания и птицы. В этом уникальном сборнике, известном под названием «Этимологии»³⁰, он переработал и сохранил для будущих поколений традиции античного знания. Исидор использовал общую методологию при рассмотрении весьма разносторонних тем. Ключом к пониманию любого предмета или явления он считал его происхождение и словесное определение. По этой причине каждая запись в «Этимологиях»

начиналась с выведения значения терминов, относящихся к обсуждаемой теме. Современному читателю такой подход может показаться сомнительным, но «Этимологии» были очень популярным источником сведений в средневековых аббатствах, так как представляли собой сборник древних знаний, подтвержденных авторитетом автора-архиепископа.

Устоявшийся образ дракона в «Иллюстрированной книге для детей» (Фридрих Юстин Бертух, 1801 г.)

Повествование Исидора о драконах и драгоценных камнях, которые якобы росли у них на головах, было не более чем пересказом фактов из «Естественной истории» Плиния (см. выше), но «Этимологии» доносили информацию до читателей по всей христианской Европе, не имевших доступа к работам римского натуралиста.

Дракон крупнее всех других змей или даже всех других животных на земле. Греки называют это существо *draconta*, от чего произошло латинское слово *draco*. Когда дракон покидает пещеру, он часто совершает полеты по воздуху. Он покрыт перьями, у него небольшой рот и узкие дыхательные пути, через которые он втягивает воздух и высовывает язык. Его сила заключена не в зубах, а в хвосте, и убивает он не укусом, а ударом хвоста.

Дракон из манускрипта, XIII в.

Более того, яд не вреден для дракона, но ему нет необходимости прибегать к яду, чтобы вызвать смерть. Ему стоит всего лишь сжать жертву своими кольцами — и она погибает в скором времени. Слону тоже стоит остерегаться дракона, несмотря на свое огромное тело, ибо дракон лежит в ожидании на тропинках, по которым привычно ходят слоны, а потом обвивает кольцами их ноги и душит, пока не убьет. Драконы рождаются в Эфиопии и Индии — в странах, где царит обжигающий зной.

Драконит насильственно извлекают из мозга дракона, но чтобы камень считался драгоценным, его нужно вырезать, пока дракон жив. По этой причине маги достают его из драконов, когда они спят. И если вы смелый человек, идите и исследуйте пещеру, в которой обитает дракон, разбросайте там дурманящих средств, чтобы усыпить его, и отрубите ему голову, пока он погружен в сон, чтобы извлечь драгоценный камень.

КАТАЛОГИ СУЩЕСТВ ИЗ ТЕМНОГО ВЕКА

Епископа Исидора Севильского вдохновляли труды Плиния и других авторов Древнего Рима, в то время как устные сказители раннего Средневековья черпали информацию о драконах из традиционных фольклорных источников. В самом конце первого тысячелетия были составлены англосаксонские каталоги фантастических существ, такие как «Чудеса Востока» или «Книга чудовищ», в которых описывались повадки и места обитания различных мифических зверей, якобы водившихся в отдаленных районах Индии и Африки. Рассказы об этих «ужасающих драконах, гадах и змеях» завораживали читателей. В них неизвестные авторы излагали краткие и весьма туманные истории о чудовищных рептилиях, населявших отдаленные части как того, так и этого света и представлявших смертельную опасность для людей³¹.

А еще имеется остров к югу от реки Бриксонт, на котором живут безголовые люди, глаза и рот у них расположены на груди*. Ростом они восемь футов и шириной тоже восемь футов**. Еще здесь водится много драконов длиной в сто пятьдесят футов*** и толщиной с колонну. Все эти драконы не дают никому переправиться через реку.

Греческие легенды повествуют о гигантах с человеческим торсом и хвостом дракона, и, хотя они очень напоминают людей, по-гречески их именуют драконоподами.

Язычники в своих клеветнических речах повествуют о черной реке Стикс в преисподней и почитают ту реку за величайшую в мире змею. Девять раз обернулась эта змея вокруг Тартара,

* Река Бриксонт — вымышленное место, которое встречается только в «Чудесах Востока». Раса безголовых существ, описанных здесь, известна под названием блеммии. Римские авторы считали, что они родом из Ливии, Эфиопии или Индии.

** 2 метра 40 сантиметров.

*** 45 метров 70 сантиметров.

полного стонами душ покойных и горьким их плачем. И так змеится зловонная река Стикс среди болотистых берегов и ограждает вечное пристанище воющих душ умерших, и никто не отважится войти в эти воды.

ТЫ СОКРУШИЛ ИХ ГОЛОВЫ В ВОДЕ

Рабан Мавр (ок. 776–856) был наставником в монастырской школе при аббатстве Фульда, а затем стал архиепископом Майнцским. Один из самых образованных интеллектуалов периода «Каролингского возрождения», Рабан создал многотомные комментарии к Библии и удивительные серии иллюстрированных стихов во славу Креста Господня. А еще он написал необъятную энциклопедию, озаглавленную «О природе вещей» (или «О Вселенной» — *De Universo*). В главе о змеях Рабан раскрывает мистическое значение слова «дракон»³². Он ссылается на традиционные античные представления о происхождении и местах обитания этих монстров, приводит выдержки из Плиния и Исихора Севильского, а затем переходит к иудейским священным писаниям и объясняет скрытое значение дракона как аллегории нечистого духа, изгоняемого крещением, и даже воплощения самого дьявола. Родство между драконом и дьяволом, уже отмеченное в раннехристианских писаниях, в дальнейшем будет преобладать во всех литературных трудах Средневековья.

Дракон крупнее всех змей и даже всех зверей на земле. Греки прозвали это существо драконтой, откуда и произошло латинское слово *draco*. Выманите дракона из пещеры, и он взлетит вверх, сотрясая воздух. Дракон покрыт перьями, у него маленький рот и узкая трахея. Он дышит со свистом и высовывает язык наружу. Сила дракона не столько в зубах, сколько в его хвосте, смертельная опасность скрывается в ударах его хвоста, а не в укусах. Более того, дракона нельзя отравить ядом, и ему

Семиглавый дракон на гравюре Альбрехта Дюрера «Апокалипсис»

не нужен яд для убийства, поскольку он удушает свою жертву, обернувшись вокруг нее и сжимая кольца.

Даже огромный слон боится дракона. Дракон таится на слоновьей тропе и оплетает ноги гиганта, а затем душит его своими кольцами. Драконы рождаются в Индии и Эфиопии, в странах, где постоянно царит непереносимый зной³³. Аллегорически дракон воплощает либо самого дьявола, либо его слуг, гонителей церкви и нечестивцев, тайные устремления которых описаны в разных

Дракон из средневекового бестиария

местах Святого Писания. Ибо об этом говорится в Псалтири, и в Книге Иова, и, конечно, в Откровении Иоанна Богослова. Так, в псалме сказано: «Ты расторг силою Твоею море, Ты сокрушил головы змиев в воде»³⁴. Да, он обратил морские глубины Красного моря в земную твердь, когда раздвинул гладь морскую и превратил ее в тропу сухопутную. Фраза «Ты сокрушил головы змиев в воде» точно объясняет таинство предшествующего чуда, ибо переход через Красное море стал прообразом святого крещения, и здесь головы драконов, то есть нечистых духов, обращаются в ничто, когда очистительные воды крещения омывают от грязи греховной христианские души. Более того, псаломщик далее добавляет: «Ты сокрушил голову Левиафана»³⁵. В одном месте псаломщик упоминает «головы змиев» во множественном числе, указывая на многочисленные пороки духовные, а в другом месте речь идет об одном драконе, что указывает на самого Сатану, который куда сильнее и куда греховнее. В единственном числе подчеркивается его нежелание обитать среди злобных духов. Ибо голову его сокрушили, когда гордыня его была низринута с небес, когда утратил он свой первородный блеск и яркость и когда очернил себя темными деяниями.

В ПАМЯТЬ О ДРАКОНЕ ИЗ ПАННОНИИ

Примерно в 1030 г. монах по имени Арнольд из баварского аббатства Святого Эммерама в Регенсбурге отправился по заданию своего аббата в Паннонию, и там ему повстречался дракон. Через несколько лет Арнольд записал свои воспоминания об этом событии и включил эту запись в собрание чудес во славу добродетелей святого Эммерама. В подражание «Диалогам» папы Григория Великого монах написал свой труд в форме дискуссии, где он исполняет роль Собирателя сведений (Collectitus) и ведет спор с собеседником по имени Аммоний (Ammonicius, или Въедливый), который просит его не отступать от темы. Однако Арнольд делает отступление и описывает свою встречу с драконом, и текст этого отступления стал самым ярким подобным отчетом средневекового периода, изобилующим подробностями, которые не находят подтверждения в трудах авторов прежних эпох³⁶.

Паннонийский дракон был гигантским летающим змеем, но, в отличие от традиционных описаний и иллюстраций в манускриптах аббатства, с которыми Арнольд был прекрасно знаком, у этого чудовища не было ни крыльев, ни ног. К тому же дракон испускал невероятный холод, вызывавший лихорадку и гибель скота. Монах сразу понял, что это не тот дракон, который описан в Откровении Иоанна Богослова, поскольку конец света еще не наступил. Монстр скорее походил на описание Исидора Севильского в его «Этимологиях», которое Арнольд подробно цитирует в конце своего отчета.

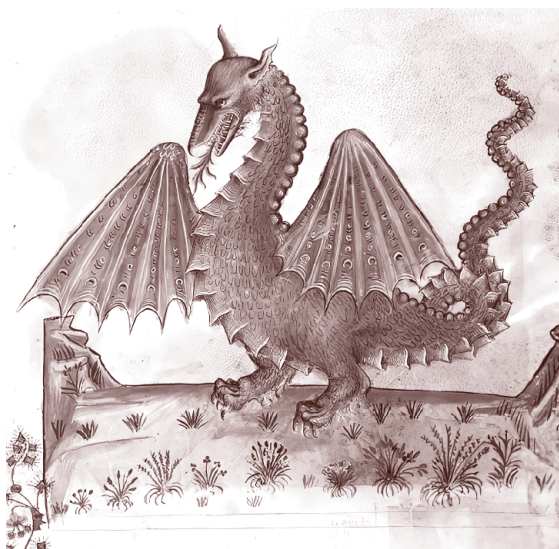
Аммоний. В чем заключается сила воздуха и каким образом злые духи проникают на небо, если небеса для зла запретны? Люди задают эти вопросы, и на них нужны ответы.

Собиратель. Вот слова благословенного апостола Павла, а не мои слова по этому поводу. Для тех, кто не ведает, что воздух над нами именуется небесами и что падшие ангелы обитают на небесах, и для прочих, кто привык ставить под сомнение слова

апостолов, я привожу здесь Второе послание апостола Павла*, в котором он поучает истинно верующих о пределах воздушного пространства, именуемого небом и утраченного во времена первого потопы, и о возможной его утрате во втором потопе: «Думающие так не знают, что вначале Словом Божиим небеса и земля составлены из воды и водою: потому тогдашний мир погиб, был потоплен водою. А нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков»³⁷. Немного далее он пишет: «...воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают. Впрочем, мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда»³⁸. Относительно падших ангелов, которые скитаются в небесах, пока не погибнут от огня, и которых апостол именуется силами воздуха и злыми духами, и воздушные сонмы их так велики в нижних пределах неба, что некий святой человек получил откровение о том, что будь их тела материальны, подобно нашим, то закрывали бы они свет солнца от смертных, так вот апостол Иуда высказал свое мнение о них в письме, которое входит в число канонических писаний: «Господь... ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище, соблюдает в вечных узах, под мраком, на суд великого дня»³⁹. Есть ли у кого причина сомневаться в свидетельстве апостолов и в ответе на эти вопросы, мне не ведомо. У меня же нет никаких сомнений. Но мне ведомо, что дьявол и его проклятые приспешники обитают не только в аду, но и в воздухе. Я знаю об этом не понаслышке, ибо несколько лет назад пребывал в Паннонии, и вот однажды между третьим и шестым часом узрел я дьявола в виде дракона, парящего в воздухе. Был он невероятно велик, казалось, длина его превышала тысячу футов**. Голова его покрыта

* Упомянув апостола Павла, монах Арнольд цитирует Второе послание апостола Петра.

** Около 305 метров.

Изображение дракона в манускрипте, XIV в.

перьями и высится подобно горе, а тело его подобно тому, как Господь описал чешую Левиафана блаженному Иову: «...крепкие щиты его — великолепие; они скреплены как бы твердою печатью...»⁴⁰ На боках и спине его тусклые черные пятна. Брюхо и бок его цвета призраков ада: блекло-голубые и выцветшие от спячки. Все формы дракона (длинные и скрученные, в кольцах и изгибах), части тела его и все тело целиком таили настолько страшную опасность для смертных, насколько допускала Господня воля, и чем ближе находился дракон, тем опаснее были последствия. Несмотря на летнее время — а случилось это на шестой день второй недели после Пятидесятницы, — воздух вдруг стал таким морозным, что множество людей подхватили лихорадку и немалая часть скотины пала от простуды. Способность вызывать подобное похолодание присуща драконам, в отличие от прочих животных⁴¹. И наконец, у дракона не было видимых крыльев или ног, как на привычных картинах наших живописцев; его

выступающие ребра и чешуя служили ему органами движения. Грудная клетка и голова были одинаковыми в объёме. Далее тело его сужалось к хвосту, а кончик хвоста размером был в гигантскую ель. Господь не позволил дьяволу или пособнику дьявола дальше страшить истинно верующих и повелел северному ветру быстро отогнать его в сторону густых облаков, которые полностью скрыли змея. Мы наблюдали его быстрый полет над головами и с ужасом слышали свист и хрип его дыхания в горле. И вдруг облака, недвижно покоившиеся с самого утра и до этого часа, пришли в неистовое волнение, и до конца этого дня и всю ночь напролет непрерывно гремел гром и сверкали молнии, и гроза длилась до вечера следующего дня.

Аммоний. Не припомнилось ли тебе в тот момент описание дракона, данное блаженным Иоанном?

Собиратель. И вправду, слова его пришли мне на ум, особенно такие слова из Писания Иоанна Богослова: «Итак, веселитесь, небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море! Потому что к вам сошел диавол (дракон) в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени»⁴². И хотя мне было ведомо, что Антихрист и дьявол воплощаются в звере и драконе и что день Страшного суда еще не настал, но эти непривычные явления встревожили меня, и я задумался о многих вещах; и в трепете помыслил я о смерти своей и других людей, что вместе со мной свидетельствовали эти деяния. Когда же во мне воскресла надежда пережить этот день благодаря милости Господней, то прежде я возблагодарил всемогущего Бога, освободившего нас из власти дьявола. Потом я задумался и стал вспоминать Священное Писание, не встречается ли там указаний о событиях, подобных сегодняшним? И вот среди прочих воспоминаний пришли мне в голову слова преподобного епископа Исидора, который в книге «Этимологии» написал следующее о природе драконов: «Дракон крупнее всех змей и всех зверей на земле. Греки прозвали это создание драконта, откуда и произошло латинское слово *draco*.

Выманите дракона из пещеры, и он взлетит вверх, сотрясая воздух. Дракон покрыт перьями, у него маленький рот и узкая трахея. Он дышит со свистом и высовывает язык наружу. Сила дракона не столько в зубах, сколько в его хвосте, смертельная опасность скрывается в ударах его хвоста, а не в укусах. Более того, дракона нельзя отравить ядом, и ему не нужен яд для убийства, поскольку он удушает свою жертву, обернувшись вокруг и сжимая кольца. Даже огромный слон боится дракона. Дракон таится на слоновьей тропе и оплетает ноги гиганта, а затем душит его своими кольцами. Драконы рождаются в Индии и Эфиопии, в странах, где постоянно царит непереносимый зной»⁴³.

Аммониций. Я полагаю, что все эти свидетельства — и твои собственные, и записанные другими — о природе дракона или об особенностях зверя, приспешника вечного врага человечества, вполне достаточны. А посему нам надо вернуться к предмету дискуссии, от которого мы уклонились.

ОГНЕННАЯ КАРА БОЖИЯ

После того как во время бунта в 1112 г. в Лане сгорел собор, местные каноники стали возить бесценные реликвии Девы Марии, Матери Божией, по разным местам южной Англии и северной Франции, чтобы собрать пожертвования на восстановление сгоревшего храма. Им удалось выручить нужную сумму. Много лет спустя аббат Герман Турнейский (1095–1147) описал чудеса, случавшиеся во время странствий со святыми реликвиями, в книге под названием «О чудесах Святой Марии Ланской»⁴⁴. Среди прочих сверхъестественных событий Герман описывает и явление дракона.

Однажды дьякон церкви близ Винчестера не захотел с подобающим уважением принять тех, кто сопровождал святые реликвии, а выставил каноников на улицу под дождь. Но семья

Дева Мария и дракон. Витраж церкви Святой Девы Марии в Оксфордшире

торговца, прибывшая в Винчестер на ярмарку, приютила их во время грозы. Господь, разгневавшись за обиду, нанесенную Его Матери, наслал огнедышащего дракона на церковь и нечестивого дьякона и уничтожил все его имущество, но пощадил тех, кто оказал помощь каноникам.

Этот дракон сильно отличался от монстров, обычных для христианских сказаний: у него было целых пять голов и он послужил орудием небесной кары, ниспосланной безответственному христианину, который не выказал должного почтения реликвиям Девы Марии.

После трапезы в тот же день Господний и с дозволения обитателей дома мы поблагодарили их за заботу и отправились прочь из города. Но праведный судия не помедлил с наказанием за оскорбление Своей Матери. Не успели мы отойти на половину стадий*, как нас нагнали всадники и громко умоляли помочь

* Стадия (стадий) — римская единица длины, равная примерно 125 шагам.

спасти горящий город. Обернувшись, мы узрели, что город превратился в угли. Мы стали спрашивать, как приключилось это несчастье, и нам ответили, что из моря неподалеку явился дракон. Он подлетел к городу, как раз когда мы покидали его, и пламенем из ноздрей поджег сначала церковь, а затем несколько домов. Услышав об этом, мы захотели взглянуть на подобное чудо и, оставив паланкин с реликвиями* под надежной охраной, вскочили на коней и поскакали обратно в город. Там мы увидели огромного дракона с пятью головами, летающего по городу и изрыгающего серное пламя из всех ноздрей. Он поджигал один дом за другим. Вернувшись к церкви, мы узрели, что от нее остались лишь зола да угли. Самым невероятным образом сгорели не только деревянные части церкви, но и стены целиком и даже самые крупные камни, а на месте алтарей были лишь искры и пепел. И странное чувство изумления охватило всех, кто видел это.

И вот, когда дьякон увидел, что его дом и церковь сгорели дотла, он собрал свои вещи и одежду и погрузил их на лодку, стоявшую у ближайшего морского причала, и оттолкнул судно прочь от берега, надеясь, что так он сумеет спастись от пламени. Но тут же дракон разыскал его лодку, словно это и было целью его появления, и сжег весь груз, а затем — удивительное дело — уничтожил пламенем и саму лодку. Мы направились к дому принимавшего нас хозяина, опасаясь за его участь, но, к счастью, и дом, и все имущество его уцелели. Он благодарил за спасение своего жилища Царицу Небесную.

Пожар не тронул не только жилой дом, в котором мы гостили, но и более отдаленные постройки, в которых наш хозяин держал скотину, так что он не потерял ничего из своего имущества.

* Во время поездки по городам процессия каноников сопровождала реликвии Пресвятой Девы (пряди ее волос и нити от ее рубашки), которые путешествовали на носилках.

Небесное милосердие пощадило и прочих купцов, оказавших нам гостеприимство, и они понесли очень незначительные потери. Ярмарка в том месте длится в течение одного дня, и по окончании трапезы купцы собрали все свои товары и сложили их в надежном месте еще до появления дракона. Вид дракона напугал их до такой степени, что они кинулись врассыпную.

И вот тот самый дьякон, который изгнал паланкин с реликвиями Святой Девы Марии из пределов церкви, испытал запоздалое раскаяние. Босиком он проследовал к паланкину и распростерся пред ним на земле. Дьякон свидетельствовал о справедливости понесенной им кары Божией, каялся и молил о прощении.

КОСТРЫ ИЗ КОСТЕЙ И СЕМЯ ДРАКОНОВО

Всенощное бдение в честь святого Иоанна Крестителя (24 июня, день Ивана Купалы) считалось торжественным праздником в календаре средневековой церкви, когда христиане с особым благочестием отмечали рождение Иоанна Предтечи — предшественника Христа. Традиционно в этот день жгли праздничные костры. В XII в. французский богослов Джованни Белето (1135–1182) описал древние корни этой традиции, составив примерно в 1162 г. трактат о литургических практиках под названием «Свод о церковных должностях»⁴⁵. Согласно Белето, обычай возник вследствие необходимости отпугивать драконов дымом от костров из костей животных. Английское слово *bonfire*, обозначающее этот обычай, происходит от этой средневековой традиции. При всей двойственности изначальной цели эти костры символизируют праздник рождения Иоанна Крестителя, ибо он является «горящим светильником», провозгласившим приход Христа.

В это время (праздник святого Иоанна Крестителя) люди сжигали кости мертвых животных, следуя старинному обычаю. И вот откуда возник этот ритуал. Встречаются животные,

именуемые драконами, о которых говорится в псалме: «Хвалите Господа с земли, драконы и все бездны...»⁴⁶ Эти животные, утверждаю я, летают по воздуху, плавают в воде и ходят по земле. И если они преисполняются похоти в воздухе (что случается нередко), то часто они извергают семя в воды колодцев или рек, что приводит к морю на протяжении года. И для того чтобы отвести их, люди придумали такое средство: погребальный костер складывают из костей и дым от костра отпугивает драконов. И поскольку это случается в одно и то

Изображение дракона в алхимическом манускрипте, XVI в.

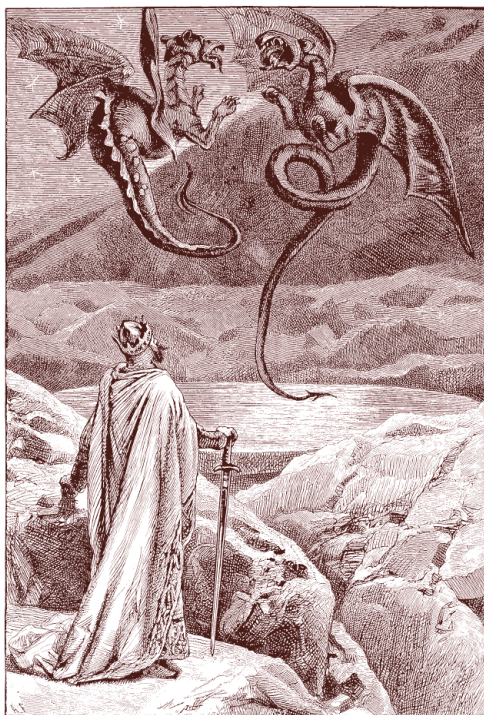
же время, то этот обычай стал ежегодной традицией. Есть и другое поверье, почему сжигают кости животных: делают это в память о сжигании мощей святого Иоанна язычниками в городе Себаста*. И еще по традиции во время всенощного бдения люди несут маленькие факелы, поскольку Иоанна именуют горящим светом и он подготовил пути для прихода нашего Господа.

ПРОРОЧЕСТВО МЕРЛИНА

Драконы также часто встречаются в пророчествах, приписываемых волшебнику Мерлину в цикле исторических легенд о короле Артуре. Британский историк Гальфрид Монмутский (ок. 1095 — ок. 1155) включил многие из этих легенд в свои хроники «История королей Британии» (*Historia Regum Britanniae*)⁴⁷. В этом труде, созданном в 1136 г., Гальфрид приводит мифическую историю Британии. Летопись тянется от основания королевства Брутом, праправнуком Энея, бежавшего из Трои и заложившего Рим, и до кончины короля Артура примерно в VII в.

В одном из многочисленных пророчеств Мерлин открывает королю Вортигерну причину падения крепостной башни: в подземном озере, расположенном под башней, спят два дракона — белый и красный. Когда озеро осушили, драконы пробудились и стали биться друг с другом, пока белый дракон не одолел красного. На просьбу короля истолковать скрытый смысл битвы драконов Мерлин ответил, что это предвещает гибель его королевства, ибо красный дракон представляет народ Британии, который скоро покорится саксонским завоевателям.

* В настоящее время Себастия, палестинская деревня, расположенная к северо-востоку от города Наблус, где, как считается, похоронен святой Иоанн Креститель.

Схватка драконов на гравюре Альфреда Фредерика, 1881 г.

И тогда Вортигерн призвал своих колдунов и спросил их мнения и совета. Они дружно сказали ему выстроить мощную башню, где он сможет укрыться, когда падут все крепости. Долго искал он подходящее место для башни, пока наконец не пришел на гору Эрит. Сюда он призвал каменщиков со всей страны и повелел им выстроить башню. Каменщики принялись за работу и стали закладывать фундамент. Но сколько бы они ни возводили за день, за ночь земля поглощала уложенные камни, и они не знали, почему исчезают плоды их труда и что им делать.

Когда об этом доложили Вортигерну, он вновь призвал своих колдунов, чтобы они объяснили суть происходящего. Колдуны

велели ему разыскать сироту-безотцовщину, убить этого юношу, а кровью его окропить раствор и камни. После этого фундамент должен был укрепиться, по их разумению.

Гонцов отправили во все концы страны на поиски такого юноши-сироты. Прибыли они в город Кэрмердин и увидели группу ребят, игравших у городских ворот. Они подошли поближе посмотреть на их игры. Устав от дальней дороги, гонцы присели в кружок, не теряя надежды найти нужного им юношу. И вот в конце дня вспыхнула ссора между двумя мальчишками, которых звали Мерлин и Динабутий. В пылу спора Динабутий крикнул Мерлину: «Как ты можешь со мной соперничать, тупица? Да разве ты мне ровня? Я королевской крови и по матери, и по отцу. А про тебя никто не знает, чей ты, ведь у тебя никогда не было отца!» Услышав это, гонцы переглянулись. Они внимательно посмотрели на Мерлина и спросили у прохожих,

Вортигерн и Амброзий наблюдают за битвой драконов.
Миниатюра XV в. из рукописи «История королей Британии»

кто он такой. Прохожие рассказали, что отец мальчика никому не известен, а мать его — дочь короля Диметии и живет она в этом же городе среди монахинь при церкви Святого Петра.

Не теряя времени, гонцы поспешили к правителю города и от имени короля распорядились, чтобы он отправил Мерлина вместе с матерью ко двору Вортигерна. Узнав причину такого приказа, правитель немедленно отослал Мерлина и его мать к королю, дабы он распорядился их жизнями. Когда они прибыли ко двору, Вортигерн почтительно приветствовал мать, ибо он знал о ее благородном происхождении, а затем стал расспрашивать, от кого у нее сын. «Клянусь своей бессмертной душой, — отвечала она королю, — и твоей душой тоже, я никогда не имела связи со смертным мужчиной. Могу сказать лишь одно: когда я проживала с другими монахинями в наших укромных покоях, некто повадился навещать меня в образе прекрасного молодого человека. Он часто обнимал и целовал меня. Через какое-то время он мог внезапно исчезнуть. Он часто беседовал со мной, оставаясь невидимым, когда я находилась одна в наших комнатах, и, будучи невидимым, часто любил меня, как мужчина, и так я понесла от невидимки. Ваше величество, только вы в своей мудрости можете сказать, кто стал отцом моего сына, ибо другой связи с мужчиной я никогда не имела».

Король удивился сказанному. Он повелел призвать к нему некоего Могантия, чтобы тот уточнил, возможно ли то, о чем поведала женщина. Могантий прибыл и внимательно выслушал всю историю по порядку. «В своих книгах мудрецы и историки упоминали, — сказал он Вортигерну, — что немало людей появилось на свет подобным образом. В своем труде “О божестве Сократа” (De deo Socratis) Апулей* утверждает, что между Луной и Землей живут духи-инкубы, которых мы называем демонами. Их природа объединяет ангельское и людское начало, и по

* Апулей (ок. 124 — ок. 170) — языческий философ и прозаик.

желанию они могут принимать человеческий облик и вступать в связь с женщинами. Возможно, один из этих демонов явился этой женщине и подарил ей сына».

Выслушав все сказанное, Мерлин подошел к королю и спросил:

— Зачем нас с матерью привели к тебе?

— Мои колдуны советуют мне, — отвечал Вортигерн, — разыскать сироту-безотцовщину и окропить его кровью фундамент, чтобы укрепить неустойчивую башню.

— Повели своим колдунам прийти ко мне, — ответил Мерлин, — и я докажу, что они лгут.

Король подивился словам Мерлина. Он немедленно призвал колдунов и усадил их перед Мерлином.

— Только потому, что вы сами не ведаете, по какой причине разрушается основание башни, вы советуете окропить моей кровью фундамент, — сказал колдунам Мерлин. — Ответьте мне тогда: что скрывается под основанием? Там прячется что-то, что мешает строению крепко держаться.

Напуганные колдуны хранили молчание. Мерлин, чье второе имя было Амброзий, продолжил дальше:

— Ваше Величество, прикажите выкопать яму, и вы найдете там подземное озеро. Оно-то и мешает башне крепко стоять.

Так и поступили, и действительно под землей обнаружили озеро, которое подмывало почву и фундамент.

Тогда Амброзий-Мерлин снова обратился к колдунам и спросил:

— Ответьте мне, лстивые лжецы: а что находится на дне озера?

Колдуны молчали, не в силах вымолвить ни звука.

— Велите осушить озеро, — сказал Мерлин, — и на дне вы найдете две каменные норы. В каменных норах будут покоиться два спящих дракона.

Король поверил словам Мерлина, ибо тот верно указал на подземное озеро. Он повелел осушить озеро. Мерлин удивил короля,

как никто и никогда раньше. Все присутствующие были поражены его знаниями и узрели в Мерлине нечто сверхъестественное.

И вот когда Вортигерн, король бриттов, сидел на берегу осушенного озера, со дна появились два дракона: один красный, другой белый. Сойдясь поближе, драконы вступили в схватку друг с другом, извергая пламя своим дыханием. Белый дракон начал побеждать и заставил красного отступить на край озера. Красный дракон устыдился того, что вынужден отступать, и с удвоенной силой кинулся на белого, и потеснил его в свою очередь. И пока они так сражались, король спросил у Мерлина о значении этой схватки драконов. Мерлин разрыдался: на него снизошел пророческий транс, и он начал вещать: «Увы красному дракону, ибо конец его близок. В его пещерах поселится белый дракон, который воплощает приглашенных тобою саксонцев. Красный дракон воплощает народ Британии, который покорится белому дракону, и горы Британии сравняются с долинами, а в руслах рек будет струиться кровь»⁴⁸.

ДЬЯВОЛ — ВЕЛИЧАЙШИЙ ЗМЕЙ

Средневековые бестиарии, естественно-научные труды о животных, создавались по образцам поздней Античности и достигли пика своей популярности в XII–XIII вв. Они состояли из подробных рассказов о природе животных (а часто еще и растений, и минералов), объяснявших их символическое значение в христианском мировоззрении раннего Средневековья. Там встречались обычные животные вроде лошади и собаки, попадались экзотические звери вроде слона и пантеры, но были также и мифические создания, такие как единороги и гидры. Средневековые бестиарии различались по объему и содержанию, здесь могло быть от пятидесяти до сотни историй, но все они служили единой цели — просвещать и развлекать читателей

рассказами о проявлениях христианской истины в творениях Божьих. Драконы занимали важное место в средневековых бестиариях, они служили олицетворением дьявола, который завлекал неосторожные души в капкан греха, подобно змею, который опутывает ноги слона своими кольцами и губит его.

ПАНТЕРА

Существует животное, именуемое пантерой, окраска пантеры бывает разной, но она очень красива и послушна. Натуралисты* утверждают, что пантера — единственный соперник дракона. Когда пантера насытится добычей, она возвращается в свое логово и впадает в трехдневную спячку. Восстав ото сна, пантера испускает громкий рык и при этом издает изумительно приятный аромат, и этот рев и непередаваемо сладкий запах разносятся далеко по воздуху. Все звери, близкие и далекие, следуют за пантерой, почуяв этот запах и заслышав громкий рык. И только дракон испытывает страх при звуке голоса пантеры, и он прячется в свои подземные пещеры. Там он сворачивается

Изображения пантеры, посрамляющей дракона,
в средневековых манускриптах

* Натуралистом (или физиологом) называли предполагаемого автора сборника христианских нравоучительных историй о животных, датированного II в. и вдохновившего средневековых авторов на создание бестиариев.

в тугие кольца и, не в силах вынести чудесный аромат, лежит недвижимый, подобно труп. Другие звери, напротив, следуют за ароматом, куда бы он их ни повел. Так и наш Господь Иисус Христос воистину пантера, спас человечество из тенет дьявола и от неминуемой гибели, ведя их за собой в образе человеческом, и воистину «пленил плен и дал дары человеку»⁴⁹.

ДРАКОН

Дьявол — величайший змей, и он подобен дракону. Он часто вылезает из пещеры и взлетает в воздух; и воздух вокруг него сияет, ибо с самого начала дьявол превозносил себя и преображал себя в ангела света, и обманывал глупцов ложными посулами славы и счастья. Говорят, он украшен перьями, ибо является царем гордыни. Яд его не в зубах, а в языке его, ибо, утратив истинную власть, он ложью привлекает своих последователей. Он прячется на тропе, по которой ходят слоны, ибо дьявол вечно преследует могучих мужей. Он обвивает их ноги хвостом и заманивает их в свои сети, и ставит он тенета греха на пути к небу, и душит он в своих объятиях и губит в оковах греха, и жертвы его будут вечно прокляты в аду.

ДЕРЕВО ПЕРИДЕКСИОН

Есть в Индии дерево, ветви которого клонятся к земле. И фрукты его сладкие и приятные на вкус. Голубки обожают эти фрукты и селятся на дереве, питаются его плодами. Дракон же, заклятый враг голубок, боится дерева и его тени, в которой прячутся голубки, и он не приближается ни к дереву, ни к тени. И если тень от дерева падает на запад, то дракон спасается на востоке, или наоборот. Но если голубка будет за пределами дерева и тени, то дракон ее сразу убьет. Знайте же, что древо это представляет Бога Отца, тень древа — это Сын, ибо благовестил архангел Гавриил Деве

Изображение дерева перидексион в средневековом bestiarii

Марии: «Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя»⁵⁰. А плод воплощает Духа Святого, небесную мудрость Всевышнего. Узри же, человече, что, обрета Дух Святой, то есть святую голубку, осеняющую тебя крыльями свыше, не можешь ты отречься от бессмертия и отвернуться от Отца и Сына и Святого Духа, если только дьявол-дракон не погубит тебя. Ибо в присутствии Святого Духа дракон не может приблизиться к тебе. Слушай же меня, человек, и не покидай католической веры. Поберегись, ибо окажешься ты вне укрытия церкви, и дракон, этот древний змий, изловит тебя и пожрет, как Иуду, который покинул дом своих братьев-апостолов и погиб, проглоченный демоном^{*}.

^{*} Новый Завет дает две версии смерти Иуды (Евангелие от Матфея 27: 1–10; Деяния 1: 18), но ни одна из них прямо не указывает на демона как виновника его гибели.

ОХОТА НА ЧУДИЩ В КАРАЯНЕ

К концу XIII в. венецианский купец Марко Поло (1254–1324) прибыл ко двору Кублай-хана (Хубилая), правителя Монгольской империи. Марко Поло провел в Китае семнадцать лет, много путешествовал по его необъятной территории и направлялся с дипломатической миссией в соседние земли Южной Азии.

По возвращении в Европу в 1290-е гг. Поло был заключен в тюрьму в Генуе, где пересказал свои приключения сокамернику, жителю Пизы по имени Рустикелло. Путешествуя, Марко Поло собственными глазами увидел культуру многих народностей Азии, до тех пор неведомых европейцам. В королевстве Караян (провинция Юньнань в современном Китае) он встретил огромных змеев, похожих на драконов. Скорее всего, это были китайские аллигаторы (сейчас этот вид находится под угрозой исчезновения), чьи размеры и аппетиты заметно разрослись в воображении Марко Поло по прошествии времени и расстояния. Без свойственного средневековым bestiариям морализаторства Марко Поло описывает в подробностях местные способы охоты на этих существ — как ради мяса, так и ради целебных свойств их желчи⁵¹.

Иллюстрация из «Книги чудес света», повествующей о путешествиях Марко Поло, XIII в.

В этой провинции водятся огромные змеи, их размеры потрясают всех, кто хотя бы раз слышал о них. Это отвратительные на вид создания. Сейчас я расскажу вам, насколько они велики. Представьте себе, некоторые из них достигают до десяти шагов в длину, а толщиной они с немалый бочонок: в объёме они до десяти ладоней. Это самые крупные из них. Вблизи головы у них две маленькие передние лапы без ступней, но с тремя когтистыми пальцами: с двумя короткими и одним длинным когтем, как у сокола или льва. У них громадные головы, а глаза выпучены так сильно, что напоминают караваи хлеба. Пасть у них настолько велика, что они могут проглотить человека. Зубы у них огромные. Эти чудовища такие большие и свирепые, что их боятся и люди, и звери. Среди них встречаются и более мелкие особи, короче восьми шагов или даже пяти-шести шагов в длину.

Сейчас я поведаю вам, как ловят этих чудовищ. Знайте же, что в дневное время они прячутся от жары под землей; ночью они выползают на охоту и хватают и пожирают все, что им попадется. Они спускаются на водопой к источникам, рекам и озерам. Они настолько тяжелы и неуклюжи и такие толстые, что по дороге к водопою оставляют на песке борозду, похожую на ту, что проделывает полная бочка вина, если катить ее той же тропой. Так вот, охотники устанавливают ловушки в нескольких местах на их привычной тропе, судя по следам, ведущим к берегу водоема. Ловушки состоят из мощного деревянного кола, к нему крепится стальное острие в виде бритвенного лезвия или наконечника копья, которое выступает над деревянным колом на ширину ладони и расположено под уклоном навстречу ползущему зверю. Эту конструкцию присыпают песком, и кол остается невидимым. Таких ловушек ставят огромное множество. Когда змея, а точнее змей, ползет по тропинке к водопою, он всем телом напарывается на острие, которое протыкает его грудь и разрезает живот до самого пупка, так что зверь умирает на месте. Охотник узнаёт, что змей уже мертв, по крикам птиц,

Охота на дракона. Иллюстрация Тани Дюрер

и только тогда он осмеливается приблизиться к добыче. В противном случае он держится как можно дальше от чудовища.

Добыв змея таким способом, охотники извлекают желчь из его живота и продают ее по высокой цене, так как всем известно, что из желчи змея получают чудодейственное лекарство. Если человека укусит бешеный пес, то ему дают выпить каплю желчи весом в половину мелкой монеты — и он моментально излечивается. Или если женщина во время родов кричит от невыносимой боли при схватках, то ей тоже дают каплю желчи змея, и она тут же разрешается от бремени. И третье применение для желчи: если кто-либо страдает от растущей опухоли, то достаточно на нее капнуть желчью — и опухоль проходит через

Драконы пугают благочестивых парижанок на миниатюре, XV в.

день-другой. Вот почему змеиная желчь высоко ценится в этих провинциях. За мясо также платят хорошую цену, поскольку оно очень вкусное и считается деликатесом.

Существует еще одно поверье об этих змеях: они пробираются в логова медведей, львов и других хищных животных и пожирают их детенышей вместе со взрослыми особями, если им это удастся.

ЧАСТЬ V

ДРАКОНЫ И ДЕМОНЫ
И ЛЮДОЕДЫ:
ИСТОРИИ ИЗ ВИЗАНТИИ

Спустя столетия после падения Римской империи в V в. н. э. имперское наследие расцвело в Восточном Средиземноморье, где успешно просуществовало еще тысячу лет вплоть до захвата Константинополя армией османского султана Мехмеда II Завоевателя в 1453 г. В тот период жители Восточной Римской империи (чаще именуемой Византией) размышляли над тайнами драконов в религиозных и научных трудах, а также и в народной поэзии, изображая их безжалостными противниками

Святая Маргарита и дракон на гравюре Яна ван дер Страта

святых и великомучеников. Византия располагалась на границе между Западной Европой и Восточной Азией, поэтому мыслители черпали информацию о драконах из античных исламских и христианских источников, однако они приукрашивали ее, добавляя новые страшные описания. Драконы появлялись в византийской литературе в виде гигантских рептилий, под этим обликом могли скрываться и демоны. Куда интереснее то, что они могли принимать человеческое обличье и питать вожделение к женщинам. Хищнические повадки драконов-людоедов нашли отклик в современном греческом слове *drakos*, которым называют жестоких серийных насильников, охотящихся на своих жертв в определенной местности.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ТЕОЛОГА О ПРИРОДЕ ДРАКОНОВ

Иоанн Дамаскин (ок. 675–749) был выдающимся православным византийским богословом. Он жил в Сирии и Палестине под властью арабов-мусульман. Среди его многотомных трудов сохранилось краткое рассуждение о драконах и еще более лапидарное — о ведьмах (суккубах). Однако ученые отрицают авторство Иоанна, так что эти произведения фактически считаются анонимными. (Религиозные труды часто приписывали знаменитым авторам, чтобы к их содержанию относились с уважением.) Рассуждение о драконах переписал в XI в. автор «Стратегикона» Кекавмен, внося небольшие изменения, так что сам оригинал может датироваться концом VIII — началом XI в. Автор текста доказывает, что драконы — обычные создания природы, таков его ответ тем, кто выдумывает о них небылицы⁵².

Некоторые воображают, что драконы могут принимать человеческое обличье или иногда превращаться в маленьких змей, а порой — в огромных змеев, колоссальных по своей величине.

Гравюра Яна ван дер Страта

Иногда встречаются упоминания, что они становятся людьми и вступают в беседу с другими людьми или заявляются к женщинам и принуждают их к половой связи⁵³. Потому мы обращаемся к людям, верящим в такие чудеса: сколько видов мыслящих тварей создал Господь? И если они не знают ответа, то мы говорим им: «Всего два: ангелов и людей. Дьявол относится к ангельским созданиям, хотя он добровольно отрекся от света и бродит во мраке. Господь сотворил только эти два вида мыслящих созданий. А как же драконы? Ведь они беседуют с людьми, меняют свое обличье и вступают в связь с женщинами, и порой они змеи, а порой люди, затерявшиеся в толпе. Так могут ли они быть разумными творениями, превосходящими человека по своему достоинству? Но такого не было, нет и не будет».

Предположим, нас могут спросить: «Кто может разъяснить подобное?» А мы им отвечаем: «Мы верим в учения Моисея, вернее, Духа Святого, который вещал устами Моисея. И вот его слова: “Господь привел всех животных к Адаму, чтобы он нарек их именем. И как их нарек Адам, так они и называются”»⁵⁴. Так что дракон, вероятно, был среди других животных. Я не утверждаю, что драконов не существует. Драконы существуют, но они являются

змеями, рожденными от других драконов. В младенчестве и детстве драконы невелики по размеру, но с возрастом и к старости они достигают крупных размеров и толщины, значительно превосходя по величине прочих змей. Говорят, что драконы вырастают до тридцати локтей в длину, а толщиной равняются большому стволу дерева. Римский историк Дион Кассий*, автор «Римской истории» и истории императоров Рима, повествует о знаменитых Пунических войнах. Он сообщает, что, когда римский консул Регул вел сражение против Карфагена, к римскому лагерю неожиданно подполз дракон и улегся поблизости. По приказу Регула римляне убили дракона, сняли с него шкуру и отправили эту шкуру Римскому сенату. Сенаторы измерили ее, она достигала ста двадцати футов** в длину, по утверждению самого Диона. Ширина шкуры была пропорциональна ее длине.

Встречаются и другие виды драконов с широкой головой и золотыми глазами. У одних имеются рога на сухожилии***, а у других — бороды под нижней челюстью. Этот вид именуется агатодемоном, или Благим Духом. Говорят, что эти драконы не ядовиты. Так что дракон является обычным животным, как и прочие виды. У него может быть борода или рога, как у козла. Глаза у них большие и по цвету напоминают золото. Драконы бывают большие и маленькие. Прочие виды змей ядовиты, и только драконы не обладают ядом.

В мифах также говорится, что драконов преследуют грозы: их подхватывают и губят потоки ветра. Но я только смеюсь над подобными историями. Как можно представлять драконов в человеческом обличье и наделять разумом, а затем изображать

* Дион Кассий — римский сенатор греческого происхождения, живший в начале III в. н. э. В «Римской истории» приводится рассказ о Регуле и драконе с реки Баграда, хорошо известный из эпической поэмы «Пуника» Силия Италика (см. выше).

** Около 36,5 метра.

*** Неясно, какое «сухожилие» имеет в виду автор.

их в виде змея? Или в виде врага Господня, в некоторых мифах преследуемого Богом? Воистину, невежество — опасная вещь. Во избежание вреда нам следует читать и изучать священные писания и Слово Божие. Но солдат говорит: «Я — солдат, и мне нет нужды читать». Крестьянин прикрывается своим трудом, и ремесленники тоже находят себе оправдание, и так мы все остаемся невежами. Грозы не преследуют драконов, но порождаются тучами. Когда те насыщаются влагой, то разбухают и несутся по воздуху, гонимые ветром. Когда ветер проникает в тучу и разрывает ее, тогда раздается звук. Этот грохочущий раскат в небе называется громом. А молнию ветер с силой гонит к земле. Если молния попадает в дерево или в дом, то она разрушает их и разбивает на части. Если молния попадет в человека или в животное, то она убивает их. Нам известно много случаев, когда молния убивала людей или животных, но не драконов.

ПОЧЕМУ ДРАКОНЫ БОЯТСЯ МОЛНИИ

Михаил Пселл (ок. 1018–1075) был в числе самых разносторонних византийских интеллектуалов. Как политик, он принимал непосредственное участие в событиях своего времени, а еще написал увлекательную книгу по истории под названием «Хронография». Он также стремился возродить философию и науку Античности, которые пришли в упадок в его времена. Пселл писал практически во всех жанрах византийской литературы, а также читал лекции в школе, основанной им при поддержке императора. Некоторые его лекции посвящены науке и обобщают теории Античности, но это явно не относится к приведенному ниже докладу о драконах: в нем Михаил Пселл рассматривает возможные причины, объясняющие ужас драконов перед молниями⁵⁵. Причем эта тема больше никогда не затрагивалась ни в античной, ни в средневековой науке о драконах.

Сегодня вы впервые спросили меня о радугах, но давайте пока повременим с обсуждением этого вопроса, ибо тема эта сложная и объемная и требует подробного изучения... А сегодня я в меру своих способностей постараюсь дать научное толкование по другим интересующим вас вопросам. Вот эти вопросы: какова природа пламени, заключенного в молнии, и откуда возникает сверкающая молния? Способен ли обжечь любой небесный огонь, вылетающий из туч? Правду ли говорят люди, что драконье племя опасается огня молний, и даже более того, что небесный огонь ведет борьбу с драконами и притягивается к ним непреодолимой и целенаправленной силой? И как понимать образы, возникающие при вспышках молнии, похожие то на одно животное, то на другое?

Что касается драконов, мне до сих пор не попадалось трудов, достоверно объясняющих с позиций науки о природе, отчего же драконы боятся молнии. Но как только первый ученый займется этим исследованием [Пселл имеет в виду себя самого. — С. Б.], так вскоре и другой ученый даст более точное разъяснение этому феномену, что вполне соответствует моей естественно-научной концепции.

Поэтому я заявляю, что племя драконов сухое по своей природе, но огненное по своей сути. Даже глаза их мечут огонь, а извергаемый ими яд дымится и растворяет любые предметы, пришедшие с ним в соприкосновение. Следовательно, в силу своей природной сухости драконы легко уязвимы для огня. Вот почему они боятся молнии и носятся по воздуху в поисках подземных укрытий, желательно близ озер и водоемов, ибо, как было отмечено выше, они уязвимы перед огнем за счет своей сухости, и молния способна поджечь их на значительном расстоянии. Именно поэтому молния бьет в то место, где только что появлялся шипящий дракон, и уничтожает огнем все прилегающие участки. Иногда шипящие, гремящие и хрипящие звуки раздаются в тех местах, где драконы отсутствуют... Но если злой демон

вселяется в тело дракона и, убегая от небесного огня, приводит дракона в те места, где раньше творил свои злые деяния, то мы не можем безосновательно отбросить подобное свидетельство. Ибо это древняя цель расы демонов, следуя которой они уже довели нас до изгнания из рая, а теперь снова стараются с помощью зловещих нечистых умыслов выдворить нас за пределы Земли.

СКРЫТЫЙ ДЕМОН

Когда Пселл упоминал о превращении демонов в драконов, он мог подразумевать «Мученичество святой Марины Антиохийской» — агиографический роман⁵⁶, написанный до начала VII в. Он посвящен легендарной деве из Антиохии Писидийской (ныне Алания в Турции), жившей во времена, когда Римская империя была языческой. Как часто случается в подобных историях, Марине не давал прохода имперский чиновник, очарованный ее красотой. Подвергнув девушку пыткам, он бросил ее в темницу, куда в виде дракона явился демон по имени Руфус, чтобы убить пленницу. Марине удалось одолеть дракона, и тогда возник демон, чтобы закончить начатое, но и он не устоял перед силою ее молитв. Фрагменты этой истории позже встречались в средневековой Европе в легендах о святой Маргарите (см. ниже).

Когда Марина завершила свои молитвы, земля сотряслась в том месте, и тюрьма покачнулась. Вдруг из темного угла возник дракон с разноцветной шкурой, являвший жуткое зрелище. Его борода и волосы были подобны золоту. Его зубы мерцали в темноте, а глаза были словно жемчуг. Из его ноздрей вырывались густой дым и пламя. Язык его был цвета крови, и множество змей обвилось вокруг его шеи. Углы его глаз были серебряными, и так стоял он посреди темницы, издавая рев и шипение. Затем он обежал вокруг Марины, сжимая обнаженный меч, и от его шипения тюрьма наполнилась невыносимым смрадом.

Святая дева была напугана: она побледнела и тело ее задрожало. От страха позабыла она слова молитвы. Но Господь снизошел к ее мольбам и явил перед ней врага и погубителя человечества. Тогда, преклонив колено, она начала молиться такими словами: «Невидимый Бог, чей образ иссушает глубины морские, ты один положил пределы аду; ты тот, кто ослабил узы земли, и она больше не колеблется; пред кем смиряется мощь дракона, врага добродетели; кто распахнул врата ада и освободил томящиеся там души. Не оставь же меня своим покровительством и сжался надо мною. Не допусти злого демона надругаться надо мной безнаказанно. С Твоего позволения и по Твоей воле, Господи, я одолею пламя того, кого не смогла распознать».

Святая Маргарита Антиохийская (под этим именем святая Марина известна поздней западной католической традиции). Ханс Штруб, Якоб Штруб, 1505 г.

Когда она произнесла эти слова, дракон разъярился и злобно зашипел. Но святая дева Марина перекрестила свой лоб и тело. В слезах и молитвах она вещала: «О Боже, заставь этого злобного волка, этого пса бешеного покинуть мою келью и избави меня от смрада его. И да снизойдет на меня святая благодать и сладостное присутствие Святого Духа». И после этих ее слов дракон страшно разозлился и схватил ее... Лапы его крепко стояли на земле, а змеи, обвивавшие его шею, скользнули к его пасти и распахнули ее широко. Он подтащил к себе святую деву и пастью схватил ее за шею, а длинным языком подхватил ее под пятки. Затем он вскинул ее вверх, подобно рогатому волу, и проглотил целиком. Руками она начертала крестное знамение, и знак этот устремился вниз в брюхо чудовища прежде девы и разорвал внутренности дракона. Он с грохотом свалился на пол, распался на куски и издох. Святая дева невредимой вышла из брюха дракона. Обернувшись к нему, она промолвила: «Воистину по заслугам тебе! Ты получил лишь то, к чему стремился».

Дракон лежал распростертый на земле. И вдруг опять, откуда ни возьмись, из другого угла темницы выскочил огромный демон и кинулся к святой Марине. Узрев его, она начала молиться: «Господи мой, Иисус Христос, да святится имя Твое, да пребудет слава Твоя во веки веков. Радуюсь я и славлю имя Твое, Отец наш Небесный, наш могучий Создатель Христос...» И после этих слов демон поднялся с воем, взял ее за руку и произнес: «Помолчи хоть немного, Марина. Ты уже все сказала. Я открою тебе великие тайны. Ибо послал я родича своего Руфуса в виде дракона, чтобы убить тебя, но ты одолела его своими молитвами, а теперь хочешь убить и меня. Пощади меня, Марина, не погуби меня». В ответ на это святая Марина осенила себя крестным знамением и схватила демона за волосы и бороду. Но демон подтащил ее к себе, и они стали бороться. И демон вскричал: «О, как же больно моей бороде!»

ДРАКОН ИЗ СОКРОВИЩНИЦЫ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Ипатий, епископ Гангрский, был одним из участников Никейского собора 325 г., который осудил еретические учения Ария и объявил Отца и Сына плотью единой. Инициатором созыва собора в Никее стал император Константин (306–337), а вот сын его Констанций II (337–361) был сторонником арианства и полагал, что Сын Божий подчиняется Богу Отцу. Эти разногласия, касавшиеся природы Христа, проявились веками позже в рассказах о чудесах епископа Ипатия. В одной из легенд описывается дракон, поселившийся в императорской сокровищнице Константинополя⁵⁷. Молитвы еретических священников императора Констанция были бессильны против чудовища, и тогда на борьбу с драконом призвали Ипатия, твердого сторонника никейского православия.

Эта легенда была создана в одно время с «Беовульфом», и в ней также описан змееподобный дракон и бесценные сокровища, но на этом сходство двух историй заканчивается. В отличие от дракона из Северной Европы, византийский змей был ниспослан Богом в наказание за еретические воззрения Констанция на природу Иисуса Христа.

Яркий свет величайших и славных чудес святого сиял повсюду, и даже сам император обратился к нему за помощью. То был Констанций, сын истинно верующего Крестоносителя Константина, который по своей наивности обратился к нечестивой ереси Ария. Сила Господня удивительным образом направила его на путь истинный.

Государственные доходы со всех частей света поступали в императорскую казну, и уже оттуда император черпал средства и направлял их на текущие нужды государства. Огромный зверь, именуемый драконом, величины невиданной и неслыханной, проник в хранилище и улегся вокруг груды сокровищ, не давая императору доступа к богатству. Множество людей погибло от нужды или же от ядовитого дыхания зверя. Ибо любой,

Дракон обращает в бегство других животных. Антонио Темпеста, 1600 г.

приблизившийся к золоту во исполнение воли императора и не осведомленный о драконе, был иссушен его дыханием и искрами, летящими из глаз дракона. И любой, пожелавший удостовериться в гибели посланца, встречал точно такой же конец.

Вот уже гора мертвых тел громоздилась близ запасов золота, а дела государства пришли в чрезвычайный упадок. Подданные императора стонали и жаловались, но он был испуган и не знал, что делать. Была у него единственная надежда на молитвы священников одних с ним взглядов и убеждений. И он призвал их и повелел усердно молиться Господу, чтобы покончить с этим несчастьем. И священники, разделявшие арианское безумие, охотно подчинились его приказу. Но когда они приблизились к воротам сокровищницы и приказали им отвориться, то даже стоявшие в отдалении мгновенно погибли от смертельного дыхания чудовища. Множество дурно мыслявших священников полегло там, где они грозились уничтожить дракона силою своих молитв.

Так с треском провалились ложь и обман Ария, а император, городские чиновники и все жители града, носящего имя

Великого Константина, утратили последнюю надежду и впали в глубокое уныние. И вот когда император целиком ушел в свое горе, некто доставил ему спасительную весть, гласившую: «О наш тишайший повелитель, если ты призовешь Ипатия из церкви в Гангре, то он легко обратит твою горе в радость». Когда посланник поделился с императором этим прекрасным советом, тот немедленно отправил за святым архимандритом почетную делегацию высокопоставленных придворных и упросил как можно скорее прийти на помощь горожанам, оказавшимся в опасности и замешательстве.

Навстречу ему вышло множество жителей, и все они молили слугу Господнего о своем спасении. Они проводили великого Ипатия к логовищу дракона. В борьбе с чудовищем этот послушник истины последовал примеру святого Павла как в мыслях, так и в деяниях. Так же, как Павел стряхнул ужалившую его змею и повелел ей гореть огнем, так и иерарх поступил с драконом⁵⁸. Исповедуя веру апостола и помня свершенное им чудо со змеей, Ипатий убедил императора, народ и всех прочих, подверженных безумию арианства, что даже диких зверей и ядовитых змей можно победить, признав Единосущную Троицу.

Не медля ни минуты, Ипатий, благородный последователь Христа, распахнул двери сокровищницы и вступил в сражение, единственный из многих, ибо все прочие покинули его и обратились в бегство в своем еретическом заблуждении... Большая часть горожан собралась как можно дальше от дверей сокровищницы на круглой площади, на которой воздвигнута колонна воистину верующего императора Константина и которую местные жители называют форумом. Тогда великий Ипатий сотворил горящий огонь, и, когда очаг разгорелся, Ипатий приблизился к вечному погубителю человечества, сжимая в руках свой посох. Сначала он устрасил дракона словами мирными и крестом на посохе, как если бы крест был оружием и верной защитой, величайшим даром Господа ученикам своим. Ибо сказано, что животные

могут не владеть речью, но и они не лишены трепета перед своим Создателем. Дракон стал извиваться от боли. Он поднял взгляд на святого Ипатия и вновь опустил голову на золотые монеты. Он свернулся и попытался спрятать голову, укрыв ее среди колец своего тела. Он позабыл о своем предназначении убивать людей и почувствовал приближение смерти. Ему было велено покинуть сокровищницу и ползти сквозь распахнутую дверь. Нехотя дракон подчинился. Старый священник нанес ему резкий удар посохом, и дракон пополз быстрее. Так, осыпаясь градом ударов, дракон внезапно вздыбился, и свершилось великое чудо. Все узрели левиафана, который вздымался высоко над всеми, не в силах устоять перед ударами посоха, бессильного перед своим карателем.

Пока длилось сражение, день стал клониться к вечеру. Толпа собравшихся на площади жителей начала волноваться. Они подумали, что дракон сожрал представителя Господа или погубил его, как и прочих. Но тут святой медленно вышел из сокровищницы, волоча по земле свой посох; другой рукой он тащил за собой дракона, как будто тот был на крючке. Но даже в таком

Огнедышащие драконы стали излюбленным сюжетом современных художников.
Иллюстрация Tithi Luadthong

виде дракон внушал всем ужас. Архиепископ повелел дракону немедля вползти на костер. Дракон приблизился к очагу, обвился вокруг него и бросился в огонь. И на глазах у толпы пламя поглотило его.

После этого император снова получил возможность войти в свою казну, и он повесил изображение архиепископа у входа в сокровищницу, дабы то охраняло его богатства. Этот образ служит памятником чуду, и он сохранился до наших дней, не подверженный ни тлению, ни изменению.

УЖАС ИЗ ТРАПЕЗУНДА

Святого Евгения почитают как великомученика, погибшего в ходе преследований христиан императором Диоклетианом (284–305). Его культ достиг особого расцвета в городе Трапезунде (современный Трабзон на северо-востоке Турции). Также святой Евгений считался покровителем Трапезундской империи, которая просуществовала с 1200 по 1461 г. В XIV в. епископ Трапезундский Иоанн (Иосиф) Лазаропулос (1364–1367) собрал в одной книге истории о чудесных деяниях святого, передававшиеся из уст в уста на протяжении многих столетий⁵⁹. Было среди них и сказание об императоре, победившем дракона с помощью великомученика. Вероятно, имеется в виду император Трапезундской империи Алексей II Комнин (1279–1330).

Как святой помог убить дракона. Дойдя до этого места в нашем повествовании и отдавая дань святому, теперь мы поведаем вам об умерщвлении дракона, случившемся в наши дни. На востоке от города Трапезунда стоит высокая гора, которую древние греки называли Митрос, видимо, в связи с обрядами в честь бога Митры, проводившимися в этом месте. Даже сейчас местные жители называют ее Митрион. На этой горе, невдалеке от озера и впадающего

в него родника, повадился бродить крупный дракон, и в память об этом место это исстари зовется Драконовым Колодцем. Дракон был злобным и жутким на вид. Глаза его метали огонь, а с губ сочился яд. Зверь этот был страшным, свирепым и непобедимым, и никто не решался к нему приблизиться. Он нанес этой местности огромный вред, и она стала совершенно непроходимой. Городу было туго, ведь все необходимые товары доставлялись по этой дороге, а городские торговцы не могли по ней ездить из страха перед драконом. Прославленный император знал о таком состоянии дел и не мог примириться с уроном, который наносило жестокое чудовище. Он понял, что ему предстоит с ним сразиться. Узнайте же, в какую схватку он вступил!

Император со своей свитой немедленно отправился в монастырь великомученика Евгения как проситель, в душе готовый к смирению, ибо с юности своей глубоко почитал он этого святого. Он всегда уделял его монастырю большое внимание, оказывал всяческую поддержку и относился к святому Евгению как к своему покровителю и надежному защитнику в войне, в беде, в горе и в серьезной болезни, случись с ним такое. Он часто бывал в церкви и простирался пред источающими мирру мощами святого, крепко обнимая и лобызая их, вознося святому славу и распевая гимны в ознаменование его подвигов и побед, восхваляя святого Евгения в благодарственных речах. Так он поступил и в этот раз: по прибытии к монастырю обратился к святому с мольбой о помощи против ядовитого дракона. Он молил о быстрой помощи и скорейшем избавлении от этого врага.

Окончив моление, император призвал лучших командиров и обратился к ним: «О мужи, я не колеблюсь перед схваткой с драконом и не испытываю трепета сердечного или недостатка отваги. Нет у нас иного пути избавиться от зверя. Да поможет нам Бог и святой его, могучий Евгений, чьей помощи в битвах я всегда молил у Господа. Вы, братья мои, молитесь также по разумению своему». Молвив так, он облачился в доспехи

Победа над драконами. Иллюстрация в Клойстерском Апокалипсисе

и вооружился, не забыв при этом Креста Христова, оседлал коня и тронулся в путь в поисках своей добычи.

И вот дракона заметили — это был огромный огнедышащий зверь. Император выступил против него со стальной решимостью, как истинный воитель, потрясая копьем и сверкающим мечом. Казалось, будто и он дышал огнем в ответ на пламя дракона. Тут же он вызвал зверя на схватку, полагаясь на Бога и великомученика. При виде такой отваги дракон кинулся на него с еще большей решимостью. Но в яростной битве с императором монстр получил смертельное ранение и рухнул бездыханный. Труп его, свернувшийся в кольца, представлял собой величественное зрелище.

Совершив этот мужественный подвиг, император возрадовался и направился обратно в монастырь Святого Евгения воздать благодарность за победу, а его соратники несли за ним голову дракона, и голова эта по сей день хранится в том монастыре. Новости об этом разнеслись повсюду, и множество

людей — и благородные, и простолюдины — собралось в монастыре Святого, и там они дивились свершенному, возносили благодарения Богу и пели гимны святому великомученику. В своих речах они величали героического императора новым могущественным гигантом и воителем от Бога.

БЕЗЖАЛОСТНОЕ СЕРДЦЕ ДРАКОНА-ЛЮДОЕДА

«Каллимах и Хрисорроя»⁶⁰ — романтическая поэма поздней Византии. Этот жанр литературы создавался на простонародном греческом языке, значительное влияние на него оказала популярная в Западной Европе устная французская поэзия. Автор поэмы — Андроник Палеолог, племянник императора Михаила VIII Палеолога (1259–1281). Произведение было создано приблизительно в 1310–1340 гг. в традиционном жанре «юноша встречается девушку»: в этой поэме молодой человек спасает красавицу из лап «дракона», который больше похож на огромного людоеда-великана, чем на змея.

Поэма начинается с рассказа о трудном выборе, который стоит перед королем варваров: у него три сына, всех троих он любит одинаково и не может решить, кому передать свой трон. Он отправляет сыновей с армией в поход и объявляет, что трон унаследует тот из них, кто совершит величайший подвиг. После длительных переходов они добрались до крутой горы, на которую их убедил вскарабкаться младший сын по имени Каллимах. На вершине горы они обнаружили крепость дракона, высокие стены которой были сложены из золота, а ворота охраняли огромные змеи. Один лишь Каллимах отважился перелезть через стену (при помощи волшебного кольца) и проникнуть в зеленый сад. Дворец дракона и спальня его были пусты, Каллимах обнаружил там только красивую девушку по имени Хрисорроя, подвешенную за косы к потолку:

Она рекла: «Кто ты? Откуда ты пришел?
 Быть может, мне мережится твой образ?
 Ты храбр иль глуп, умен или отчаян?
 Кто ты? Зачем молчишь? Зачем стоишь,
 тараща на меня?

Мои несчастья искушают ли тебя мою
 ухудшить пытку?

Но нет, ничто моих мучений не усилит.

Ты видишь, как мое терзают тело?

Но если жалость есть в тебе

к моим мученьям,

И если злоключеньям есть моим конец,
 Финал моим терзаньям многолетним будет,

И если избавитель мой явился,

То прекрати мои безмерные мученья,
 Убей меня, и я судьбу свою благословлю!

Скажи же что-то, не молчи,

позволь вздохнуть мне.

Дворец дракона это, людоеда крепость.

Ты слышишь гром, а молнии ты видишь?

Он возвращается. Не стой, беги отсюда. Скройся.

Он отпрыск людоеда с силами дракона.

Исчезни, спрячься, коль в живых

остаться хочешь.

Серебряный котел стоит в углу —

Влезай в него, прикройся крышкой,

И может, не заметит он тебя, не тронет.

Скорей влезай. Тихонько, он уж близко».

Он ей поверил и укрылся тут же.

Прикрывшись крышкой, как велела дева,

Подвешенная за косу высоко.

Дракон вошел, исполнен злобы,

Как описать дракона ярость,

*Как уберечь и ум, и сердце от испуга?
Безжалостное сердце у дракона
и хладнокровный ум.
И каменная печень у дракона.
Слов не найти, чтоб описать такое.
Схвативши розгу, стал он сечь
Подвешенную деву в упоеньи —
От головы до пят, до кончиков
девичьих пальцев.*

Дракон и рыцарь на картине Кэтрин Пайл

Нажрался он отменных яств и смежил
очи, забыв про деву.
Она увидела, что спит он, с набитым
брюхом и вином упившись,
Раскинувшись на ложе, храпом заливаясь,
Спит сном обжоры и пропойцы,
Увидев это, Хрисоррея зовет
укрывшегося парня:
«Ну что, не умер ты от страха? Не пугайся,
Час пробил показать себя мужчиной.
Иди сюда. Не бойся, ты сумеешь
Преодолеть свой страх
и боль мою от пыток.
Скорей иди, рази быстрее дракона!»
Призыв ее он слышит и выходит,
дрожа от ужаса,
Но дева говорит:
«Не медли в колебаньях.
Твой пробил час, убей во сне дракона.
И душу ты спасешь свою, и тело.
Достань свой меч, пусть людоед
его почует!
Рази того, кто загубил людей немало,
Убей того, кто сердце мне терзал».
Он поднялся, взмахнул своим мечом,
Исполнив мужества
и длань свою, и сердце,
Нанес удар храпящему дракону.
Дракон того удара не заметил,
Он не проснулся и храпеть не перестал.
Со стоном молвит дева Каллимаху:
«Оставь свой детский меч,
напрасную игрушку,

Спеши, коль жизнью дорожишь,
 Достань скорее ключ у изголовья,
 Открой им шкафчик, видишь, там в углу?
 В шкафу хранится меч дракона.
 Рубин бесценный вставлен в рукоятку.
 Коль хватит сил достать его из ножен
 и страха дрожь преодолеешь,
 То этот меч его прикончит,
 и сможешь зверя ты убить».

И взял он ключ у изголовья,
 И отомкнул им шкаф драконий,
 И, вынув меч, сразил дракона насмерть.
 Освободив подвешенную деву,
 Он развязал густые косы,
 на том ее закончив пытки.

Из плена вызволил он деву
 и прекратил ее мученья,
 Свободу дал прекрасной деве,
 прелестной, сладостной и зрелой.

[Хрисорроя просит Каллимаха рассказать о себе, а затем уже Каллимах предлагает деве поведать свою историю.]

В слезах и муках говорит она ему:
 «Ты обнаженным видишь это тело,
 Прикрой меня сначала от стыда,
 Моя семья мою одежду отдала
 Уроду этому со мною вместе.
 Достань мне платье
 и избавь нас от обжоры,
 Мне ненавистен даже труп дракона.
 Зажги огонь и труп сожги скорее,

Я расскажу тебе про все,
когда золой он станет,
Откуда я и кто мои родные».
Тут Каллимах схватил его за плечи
И выволок убитого наружу,
Он в очаге развел огонь немедленно
И сжег дотла чудовищное тело.
Придя назад, он подал ей одежду
Из тонкой шерсти, и она оделась.
Затем, присев, к рассказу приступила,
Поведав обо всем: о родине,
о детстве, о семье
И о судьбе своей несчастной.
«Я благородная, ученая девица,
Моя семья богата и золотом,
и царственной родней.
Дракон влюбился в красоту мою,
и что же?
Меня он в жены взять себе решил.
Родители не поддавались на угрозы,
Отдать принцессу в жены не желая.
Тогда он перекрыл источники воды,
что вниз текут с вершины этой,
И наше царство, замки и владенья —
все иссушил дракон проклятый.
И согласились обменять меня на воду,
Ведь нет в стране моей
источников других.
Но я свое согласие не давала —
Как можно жить с чудовищем таким?
Тогда он принял вновь драконий облик,
Хотя, по правде, зверем был всегда.

*И он пожрал весь скот четырехногий,
Как воду сквозь соломинку всосал.
И снова требовал меня себе в награду.
Мои родители тогда затосковали,
Но только пуще зверя разожгли.
Он угрожал мне, но не мог*

меня заставить,

*Любая участь лучше, чем такая!
Кошмар такой ужасней, чем во сне.
Тогда сожрал он весь народ:*

детей и взрослых,

*Мужчин и женщин, старых, молодых...
Всех проглотил он в свой желудок мерзкий,
Переварил их всех до одного.
Моих родителей он тоже проглотил:
Царя с царицей съел урод проклятый!
Такая мука мне и горе от потери,
Как дальше жить и где конец страданиям?
Совсем одна без счастья и надежды,
Хотя ко мне он уваженье проявил:
Он съел моих родителей отдельно,
Их не смешав с толпой иных страдальцев,
Простых и благородных.*

Как же он не лопнул!

*Вонючее нутро его огромно.
Опустошив страну, дракон меня хватает
И пробует принудить ко всему,
Что мне противно, и тогда на пытки
Дракон обрек меня, но я и в муках
Сумела девственность свою сберечь».*

ЧАСТЬ VI

ДРАКОНЫ
И ИХ ИСТРЕБИТЕЛИ:
В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

К XII в. драконы занимали особое место в литературе средневековой Европы. Целое тысячелетие в воображении христиан они олицетворяли дьявола, который когда-то в виде змея искусил Еву и заставил ее совершить поступок, имевший ужасные последствия для всего человечества. Во времена более позднего Средневековья дракон превратился во врага человечества и в первую очередь христиан, что отразилось в легендах и песнях, воспевающих добродетели святых и героев. В этих рассказах храбрые рыцари и святые девы побеждали дьявола в облике дракона силой меча и крестного знамения.

Подобно раннехристианским авторам, рассказчики и сочинители песен позднего Средневековья не наделяли образ дракона особой значимостью и глубиной. Эти чудовища выглядели как огромные рептилии, обладали мощными челюстями, крыльями и хвостами, огненным дыханием и ядовитыми зубами. В тот период подобное описание драконов было привычным, читатели не нуждались в дополнительных изысках. Символическая сила дракона намного превосходила исходящую от него физическую угрозу. Несомненно, читатели могли содрогаться при мысли о змееподобных существах, более крупных и опасных, чем любое животное, с которым они когда-либо сталкивались, но литературная ценность дракона заключалась прежде всего в его иносказательном значении. Когда святые и крестоносцы убивали этих чудовищ, они не только избавляли крестьян от опасности, но и побеждали ложные верования, противоречащие христианству, они гасили огонь человеческой похоти и помогали людям избегать ловушек, расставленных самим дьяволом.

ДРАКОН И ЛЕВ

Кретьен де Труа — французский поэт конца XII в. Его стихи о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, написанные на старо-французском, снискали ему уважение при дворе Марии Французской, графини Шампани (1145 — ок. 1198). Среди поэм Кретьена де Труа наиболее известна «Ивейн, или Рыцарь со львом» (ок. 1180)⁶¹. Ивейн, соратник Артура, выделялся среди рыцарей Круглого стола тем, что его повсюду сопровождал свирепый лев. Рыцарь обзавелся таким необычным питомцем, когда случайно оказался свидетелем битвы между львом и драконом в темном лесу. Нужно было действовать, и Ивейн встал на сторону льва, потому что дракон был «полон злобы». После победы над драконом благородный лев признал Ивейна своим другом и спасителем и преданно следовал за ним в его рыцарских приключениях.

Милорд Ивейн в глубокой задумчивости ехал через густой лес, как вдруг услышал очень громкий, полный страдания крик, доносившийся из лесной чащи. Он сразу же направился к месту, откуда раздавался этот крик, и, выйдя на поляну, увидел

Дракон и лев, рисунок Леонардо да Винчи

Сражение сэра Ивейна с драконом

дракона. Тот крепко держал льва за хвост, обжигая его бока своим огненным дыханием. Милорд Ивейн не стал тратить время попусту на созерцание этой необычной картины, он спросил себя, кто из этих двоих животных достоин его помощи. После некоторого раздумья милорд решил принять сторону льва, так как ядовитый и злой дракон приносит только вред: он источает яд, извергает из пасти огонь, и его переполняет злоба. Поэтому милорд Ивейн принял решение убить дракона.

Он выхватил меч и вышел вперед, прикрывая лицо щитом, чтобы ему не причинило вреда пламя, вырывавшееся из драконьей пасти размером с большой котел. Если бы лев напал на него позже, ему бы пришлось вступить в бой и с ним, но Ивейн не думал о последствиях, ибо был полон решимости помочь величественному и благородному зверю. Жалость переполняла его. Он напал на злобного дракона и перерубил его своим острым мечом насквозь до земли, а затем снова разрубил пополам обе половины; рыцарь продолжал кромсать тело дракона, пока не разрубил его на мелкие кусочки. Однако Ивейну пришлось отрезать и кончик львиного хвоста, который злой дракон все

еще сжимал зубами. Но рыцарь отрезал ровно столько, сколько было нужно, чтобы освободить льва, ни на сантиметр больше.

Лев был спасен, но Ивейн понимал, что зверь может напасть на него и ему придется с ним сражаться. Однако послушайте, как благородно и великолепно повел себя лев: он встал на задние лапы, склонил голову, соединил передние лапы и протянул их к Ивейну в знак полного подчинения. Затем он опустился на колени, и слезы смирения струились по его морде. Милорду Ивейну стало понятно, что лев благодарит его и подчиняется ему, потому что, убив дракона, он избавил его от смерти. Такое поведение льва доставило ему большое удовольствие. Он стер следы яда дракона со своего меча, вложил его в ножны и снова отправился в путь. А лев с тех пор оставался рядом с ним и никогда не покидал его; с этого дня он вознамерился сопровождать Ивейна, чтобы служить ему верой и правдой и защищать его.

ДЬЯВОЛ ВСЕЛИЛСЯ В ДРАКОНА

Французская эпическая поэма *Les Chetifs* («Пленники»⁶²), созданная в период с 1180 по 1220 г., относится к жанру *chanson de geste*, или жеста, то есть «песнь о деяниях». Такие песни были широко распространены в средневековой Франции, суть их заключалась в описании подвигов и великих событий. «Пленники» входят в состав старофранцузской литературы жеста Крестовых походов, посвященной событиям Первого крестового похода (1095–1101). В поэме описаны истории нескольких крестоносцев, захваченных в плен после катастрофического разгрома в битве у Циветота (1096) и вернувшихся в войско накануне разграбления Иерусалима (1099). В длинном повествовании рассказывается о том, как вымышленный герой, Болдуин де Бовэ, сразился с драконом по имени Сатанас. Эрнуль де Бовэ, брат Болдуина, первым вступил с драконом в схватку, но вскоре погиб. Охваченный горем

и гневом, Болдуин кинулся на дракона, чтобы отомстить за гибель брата. Но Сатанас оказался не простым драконом — он был одержим самим дьяволом. Поэтому крестоносцу потребовалась помощь Господа Бога, архангела Михаила и целого сонма святых, чтобы одолеть одержимого монстра.

*В пещере глубокой на Тигре-горе**
 Давно поселился чудовищный зверь.
 Длиной девять метров. Огромен, могуч,
 Со шкурой столь крепкой,
 что меч не пробьет
 И лезвие острое ранить не может.
 А цвет этой шкуры никак не назвать:
 Смешались оттенки индиго, фиалки,
 Зеленый, и синий, и черный, и алый,
 И желтая краска на красном хребте.
 На страшную голову уши надеты,
 Крупнее, чем щит боевой весь в насечках,
 Дракон прикрывается ими в сраженьи.
 А хвост его толстый длиной метра три,
 Уж вы мне поверьте, любого дробил.
 Сам дьявол вселился в дракона и злобой
 Исполнил. Он в ярости выл
 и ревел очень громко,
 В двух лье** от пещеры слышны
 были вопли.
 Сияющий камень во лбу у дракона,
 Что светит во мраке как яркая лампа.
 Ни люди, ни звери к пещере не ходят,

* Действие поэмы происходит в Таврских горах в восточной Турции, через которые протекает река Тигр.

** Лига (лье) была гибкой единицей измерения расстояния в Средние века, варьировалась от региона к региону, но в среднем составляла около трех миль.

Дьявол верхом на Левиафана.
Иллюстрация из манускрипта Liber Floridus, 1460 г.

*На два с лишним лье минуют то место.
Господа, слушайте славную песню;
Песни такой не слыхали еще христиане.
Песни подобной не слышал
народ со времен Соломона.
Песня такая заменит
вам проповедь в церкви,
Слава Иисусу, Спасителю слава,
Спасшему Болдуина в битве
с драконом Сатанас*.
Милостью Божьей исполнилась
месть над драконом,
Слушайте песню об этих
чудесных деяньях**.*

* Имя Сатанас вызывает в памяти Сатану, который часто ассоциируется с драконом (см. выше).

** Болдуин отомстил дракону за убийство своего брата Эрнуля.

Тот, кто уверовал, тот одиноким не будет.
 Семь тысяч франков,
 пленных в языческих тюрьмах,
 Вызволишь ты из застенков
 ужасных и рабства,
 Прежде чем явишься
 в храм Соломонов *.

Петр Пустынник был
 их командиром до плена **.

Часто они обращали моления к Богу,
 Внял им Господь и тебя им
 пошлет в избавленье».

Поднял понижию голову Болдуин,
 И на уступ он присел в облегченьи,
 ангел к нему снизошел.

Радостью наполнилось Болдуина сердце,
 Слыша святые реченья Иисуса
 из уст Михаила.

Знал он теперь, что его
 не оставит Господня помощь.

Трижды крестом осенил он себя,
 поднимаясь с камня,

Душу свою отдавая на волю Иисуса,
 Двинулся в путь он и вскоре
 увидел кошмарного зверя.

* Отсылка к мечети Аль-Акса в Иерусалиме, построенной при династии Омейядов (661–750). После взятия Иерусалима во время Первого крестового похода крестоносцы назвали это здание храмом Соломона, в честь одноименного святого храма в древнем Иерусалиме, разрушенного вавилонянами в 587 г. до н. э.

** Проповедник Петр Пустынник был командиром в известном отряде армии крестоносцев, участвовавшем в Крестьянском крестовом походе. Этот отряд потерпел сокрушительное поражение в битве при Циветоте (1096); франков, попавших в результате разгрома в плен к сарацинам, стали называть *chétifs*.

Змей его тоже почуял и тут же проснулся.
Быстро вскочил он на мощные лапы.
Глянув на Болдуина, страшно
дракон разозлился.
В ярости двинулся он на врага
(что за жуткая морда!);
Дыбом стояла щетина на теле дракона.
Страшное зрелище —
злое чудовище рядом.
Искры летят от когтей,
раздирающих камень,
Уши прикрыли драконову морду.
Чудо великое Бог сотворил в это время:
Зверь обожрался Эрнуловым телом,
Лишь голова уцелела, покоясь на камне,
Змей задушил и осла, погубивши Эрнуля.
Дрогнуло Болдуина сердце
при виде печальной картины.
Поднял он голову бедного брата,
а Змей налетел в это время,
Пасть широко раскрывая на морде ужасной.
Боже, Создатель миров, сохрани и помилуй!
Рыцарю смерть, коль Бог
от него в этот миг отвернется,
Но не оставит Господь
своего крестоносца!
Ныне поведаю вам о сраженьи
Болдуина с драконом.
Болдуин наш — воин достойный
и рыцарь отважный.
Вот он увидел огромного змея.
Змей нападает с огромной
разверстою пастью,

Только барон наш не дрогнул
и зорко следил за атакой.
Грудь он свою осеняет
крестом чудотворным.
Лук натянув, он вскричал громогласно:
«Бог наш Отец, Иисус наш Христос,
к вам взываю!
Зверь, я тебя заклинаю
заклятием страшным,
Именем славным Дионисия святого*,
Господнею волей,
И искупленьем распятия,
и даже прощеньем Лонгина.
Я заклинаю тебя именами
святых исповедников**:
Святого Георгия из Рамле
и благородного святого Маврикия,
В помощь мне будет апостол Петр,
привратник рая,
Святой Лаврентий, именем Господа
муки жаровни познавший,
Святой Леонард —
заточенных освободитель,
И Николай Чудотворец,
любимец Господень;
Вновь заклинаю дракона

* Святой Дионисий — легендарный епископ, живший в Париже в III в., покровитель Франции. Часто появляется в фольклорных произведениях средневековой Франции.

** Обращение именно к этим святым не было случайным. Их деяния находили значительный отклик в сердцах франков и ассоциировались с маршрутами Крестовых походов, либо они были надежными заступниками для тех, кто оказался в плену, либо святыми воителями, что нравилось знати. Святой Георгий также известен как истребитель драконов (см. далее).

Именем Якова, в Галиции
 чтимого людом,
 Храброго Жияя святого,
 в Провансе которого я посетил,
 И именами апостолов — слуг Иисуса,
 Святым Крестом, на котором
 оставили мертвое тело,
 Тайной Гробницей,
 в которой восстал Он из мертвых,
 И небесами, и твердью земною,
 чудом творенья и чудным творцом,
 Чтобы дракон обессилел и мне не вредил».
 Так, наложив заклятье именем Иисуса,
 Царя царей во всей небесной славе,
 Он отступил слегка, немного помедлил
 И выпустил в чудовище каленую стрелу.
 Послушайте мое предание,
 могучие и гордые христиане!
 Нет, не смогла стрела пробить
 стальную шкуру
 И отскочила, будто бы от камня.
 Тот выстрел был силен,
 И наконечник разлетелся,
 у стрелы древко сломалось.
 Скрывался дьявол в теле змея
 и хранил его как мог.
 И мощь, и злобу дьявол дал дракону,
 Но Бог в великой милости своей
 изгнал его, и змей лишился силы.
 Когда Сатанас ощутил, что дьявол изгнан,
 Он в злобе испустил ужасный вопль,
 И горы вторили тем крикам отовсюду.
 Змей продолжал нападать и грозиться,

Сгинул бы Болдуин, когда б
 не Господняя помощь,
 Царь он царей, непорочной Мариин он отпрыск,
 Он, кто рожден в Вифлееме,
 помог Болдуину,
 От неминуемой гибели рыцаря спас!
 Воззрися змей на храбреца в сомненьи:
 Никто не мог сражаться с ним столь долго,
 И гибели никто не избежал.
 Кинулся Болдуин вперед на дракона в атаку.
 Зверь от него отбивался когтями,
 острые когти разрезали щит.
 Не устояла стальная кольчуга
 перед лапой когтистой!
 Гнулись и рвались тяжелые кольца,
 где когти достали.
 Плоть разодрал он от ребер до бедер,
 и кость обнажилась —
 Так говорит нам история
 подвигов славных.
 Господом Богом клянусь,
 испугался наш Болдуин.
 Громко вскричал он священное
 имя Иисуса,
 И ухватил он тот меч,
 что знаком креста был украшен.
 И попытался дракона сразить, но Сатанас
 Меч раскусил пополам,
 ухватив его пастью.
 Вздумал он меч проглотить,
 но свершилось чудо:
 Бог-миротворец тот меч
 растянул прямо в горле,

Так что бока у чудовища были пробиты.
 Слушайте дальше, какие деяния
 здесь совершились
 Божьим веленьем;
 святой Николай и Всевышний,
 Архангел святой Михаил
 и святой Жерве благородный —
 Все заступились за Болдуина в битве.
 Меч он втыкает чудовищу в нёбо,
 да так, что фонтаном
 Брызнула кровь, жуткую пасть наполняя.
 Обезопасив себя от клыков от драконьих,
 Смог Болдуин от когтей защититься умело.
 Бог духовенства, мирян покровитель,
 в битве его не оставь!
 Счастьем исполнился Болдуин,
 гордо взглянув на дракона,
 Бóльшим, чем если бы он получил
 Рохаис во владенье*,
 Вновь дракон к нему рванулся,
 разевая пасть широко,
 Только Болдуин призывает
 всех святых себе на помощь.
 Царь Небесный Всемогуций
 для него свершает чудо:
 Выскочил дьявол из пасти,
 разверстой и жуткой,

* Иными словами, Болдуин обрадовался больше, чем если бы получил в качестве феода процветающий город Рохаис (современная Эдесса на юго-востоке Турции). В Средние века слово «честь» было своеобразным техническим термином, означавшим что-то наподобие феода.

И налетел на дракона, мечом потрясая.
Мощный удар он нанес
по вискам над ушами,
Шкура драконья удар отразила —
Сталь закаленная ей уступила.
Болдуин не дрогнул, клинок
бесполезный сжимая:
«Боже, увы мне! Как трудно
с драконом сражаться!
Нет ему равного в землях Господних».
Болдуин наносит удары и справа,
и слева, рубит с плеча,
Но не может пробить его шкуру
даже на сумму безанта*.
Змей оцетинился в ярости,
но Иисусовым веленьем
Меч, что вошел в его пасть,
не позволяет кусаться дракону.
Хвост его, длинный и мощный,
Хлещет Болдуина нещадно,
попадая в щит золоченый,
Трижды увернулся Болдуин от дракона,
но в четвертый раз он выбил
Щит у Болдуина из рук.
Но Спаситель наш Небесный,
Наш Отец и Дух Священный,
не оставили героя.
И опять к нему спустился
с неба ангел-утешитель.

* Безант был византийской или исламской денежной единицей, измеряемой в золотых монетах. Его стоимость варьировалась в зависимости от места выпуска.

Болдуин щит поднял с каменьев,
 Меч зажал в своей деснице
 и помчался на дракона.
 Эту битву на закате
 описать никто не может:
 Ни священник монастырский,
 ни жонглер*, ни менестрель.
 Болдуин де Бовэ отважный,
 рыцарь Богу посвященный,
 Сохранит его Всевышний!
 Щит побитый поднимает
 и в руке сжимает меч,
 Острый меч, хоть и погнутый.
 Ангел смог его утешить
 и поднять его на битву.
 Снова в ярости напал он
 на чудовище-дракона,
 Резвость Сатанас утратил,
 Потерявши много крови,
 Силы дьявольской лишившись.
 Все же злобно он дерется,
 бьет когтями в гнутый щит,
 Десять дыр пробив когтями.
 И срывает щит он с ляжки,
 что держала щит на шее,
 С крепкой ляжки серой ткани.
 И теперь дерет когтями
 он надежную кольчугу,

* Жонглер в средневековой Франции — странствующий профессиональный музыкант-исполнитель или автор песен, менестрель. Они были исполнителями жеста, песен о героических поступках, при дворе знати.

Святой Августин и Сатана на картине Михаэля Пахера, между 1471 и 1475 г.

*Разрывая и ломая
все крепления кольчуги.
Но Господь не допускает,
чтобы плоти он коснулся.
В жутких лапах Сатанаса
неужели он погибнет?
Но хранят его Святые,
Дух Святой его хранит,
Светлый ангел прикрывает от чудовища его.
Бой был яростный и долгий,
В этом вы не сомневайтесь!
Болдуин — гордость христианства.
А теперь хочу поведать
о Всесильности Господней,
Нету лучшего примера,
чем сражение с драконом.*

Болдуин выпрямился гордо,
 меч зажав в своей деснице,
 Резво кинулся на зверя.
 Но его Сатанас встретил
 Широко разверстой пастью
 и с мечом, застрявшим в нёбе.
 От такого неудобства
 задыхаться стал Сатанас,
 Так что Болдуин торопился
 поскорей прикончить змея,
 Устрашающего змея.
 Божье чудо совершилось,
 Бог пришел ему на помощь:
 Ослабев, дракон свалился,
 потеряв немало крови.
 При виде павшего дракона
 возликовал счастливый рыцарь.
 Ни плодородная долина,
 ни горы золота не стоят
 Такой победы над драконом.
 Вот он к Сатанасу подходит,
 Бесстрашно меч вгоняет в горло
 и насквозь пронзает змея.
 Но сердце твердое драконье
 меч отводит прямо в печень.
 Свалился замертво дракон
 и испустил свое дыханье,
 А душу дьяволу он вверил,
 и в ад отправился Сатанас.
 Болдуин меч извлек из раны
 и ушел под сень скалы.
 В голове его мутилось
 от большой потери крови,

Побледнев, он покачнулся
 и упал без чувств на камень.
 Вот в себя приходит Болдуин
 и тотчас встает на ноги,
 Озирается вокруг он,
 и вблизи на мишистом камне
 Видит голову он брата,
 с бородой и подбородком,
 Узнаваемыми всюду,
 со знакомыми чертами.
 Опустившись на колени,
 так над братом причитает:
 «Бедный брат мой, что за горе,
 Сын с женою не дождутся
 своего отца и мужа,
 И, увы, родную землю
 не увидит сын барона».

ЧЕТВЕРО СВЯТЫХ ИСТРЕБИТЕЛЕЙ ДРАКОНОВ

«Золотая легенда» (Legenda aurea) — всеобъемлющее собрание христианских легенд и житий святых, датируемое XIII в. Его популярность была безграничной как среди мирян, так и у духовенства. Составителем «Золотой легенды» был монах-доминиканец Иаков Ворагинский (ок. 1228–1298). Сборник стал самой читаемой книгой позднего Средневековья, по количеству сохранившихся рукописей (более тысячи экземпляров), ранних печатных изданий и переводов на местные языки уступая только Библии.

Иаков Ворагинский построил содержание сборника в соответствии с литургическим календарем, начиная с Пришествия (которое отмечается в четвертое воскресенье перед Рождеством),

Святой Георгий побеждает дракона на картине испанского художника
Берната Марторея, 1434–1435 гг.

чтобы подчеркнуть центральную роль вочеловечивания Христа в истории спасения. Несколько святых, описанных в «Золотой легенде», противостояли драконам, и эти деяния были мерилom их святости.

Символический смысл таких сражений был хорошо понятен средневековым читателям. В рассказе о святом Георгии, который жил в III в., дракон олицетворял язычество ливийского народа, а его поражение означало обращение ливийцев в христианство. Подобным образом святой Сильвестр освободил народ Рима от поклонения ложным идолам, приручив дракона, скрывавшегося под городом. Святой Маргарите дракон явился в образе переодетого дьявола, он пытался напугать ее, чтобы Маргарита отказалась от своей девственности и от веры. Иакову

Ворагинскому претила форма ее победы над монстром (ей удалось вырваться на свободу из чрева дракона, проглотившего ее), поэтому монах-доминиканец отказался от этой трактовки истории, усомнившись в ее достоверности. Однако популярность этого деяния Маргариты сыграла немалую роль в том, что ее назначили святой покровительницей рожениц. Укрощение дракона Тараска святой Марфой, как и подвиг святого Георгия, символизировало победу христианства и искоренение языческих суеверий в долине реки Рона.

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ, ПРОКЛЯТИЕ ДРАКОНА

Георгий, уроженец Каппадокии, был трибуном в римской армии⁶⁴. Однажды он прибыл в Силену, город в ливийской провинции. Рядом с этим городом находилось бескрайнее озеро, огромное, словно внутреннее море, а в нем поселился ужасный дракон. Люди часто восставали против него с оружием в руках, но дракон всегда обращал их в бегство, подходил прямо к городским стенам и грозился отравить жителей своим ядовитым дыханием. Поэтому горожанам ничего не оставалось, как скармливать чудовищу двух овец каждый день, чтобы усмирить его ярость, иначе он мог направиться прямо к городским стенам и отравить воздух, погубив жителей.

Но со временем запасы овец начали иссякать, поскольку стада их были невелики, и горожане решили отдавать дракону одну овцу и одного человека. Чтобы выбрать жертву, кидали жребий, который мог указать на любого. Спустя некоторое время почти все юноши и девушки в городе были съедены, и однажды жребий пал на единственную дочь короля. Люди схватили ее, чтобы скормить дракону. Король был убит горем. «Возьмите мое золото и серебро, — вскричал он. — Заберите половину моего королевства, но отпустите мою дочь, избавьте ее от этой ужасной гибели!» Но горожане в ярости набросились на него: «Вы

сами издали этот указ, ваше величество, и теперь, когда наши дети мертвы, надеетесь спасти собственное дитя? Если вы не пожертвуете своей дочерью и не сделаете то, к чему принудили всех нас, мы сожжем вас заживо, вас и всю вашу семью!»

Услышав эти слова, король принялся оплакивать свою дочь. «Горе мне! — воскликнул он. — Мое милое дитя, что же мне делать? Что я могу сказать? Неужели мне не суждено увидеть день твоей свадьбы?» Повернувшись к горожанам, он сказал: «Умоляю, дайте мне неделю отсрочки, чтобы оплакать дочь». На это люди согласились, но в конце недели они вернулись и сердито потребовали: «Как вы можете согласиться на истребление подданных только ради жизни своего ребенка? Мы все умрем от дыхания дракона!» Тогда король, видя, что не может спасти свою дочь, облачил ее в царственный наряд и, обняв, сказал со слезами на глазах: «Увы, моя милая дочь, я думал увидеть королевских наследников у твоей груди, а вместо этого увижу, как тебя сожрет дракон! Увы, мое милое дитя, я надеялся пригласить всю знать на твою свадьбу, украсить дворец жемчугами, услышать музыку тамбуринов и труб, а вместо этого тебя сожрет дракон!» Он поцеловал ее и отпустил, сказав напоследок: «О дочь моя, лучше бы мне умереть, чем потерять тебя именно так!» Она упала к ногам отца, и попросила его благословения, и, когда он, заливаясь слезами, благословил ее, направилась к озеру.

Тем временем святой Георгий, случайно проходивший мимо, увидел девушку в слезах и спросил ее, что случилось.

— Добрый юноша, — ответила она, — садись на коня и скачи отсюда во весь опор, или ты разделишь мою судьбу и погибнешь, как суждено погибнуть мне.

— Не бойся, дитя мое, — сказал ей Георгий. — Но скажи мне, чего ты здесь ждешь и почему все эти люди наблюдают за тобой?

— Добрый юноша, — ответила она, — я вижу, у тебя благородное сердце, но неужели ты хочешь разделить мою участь и умереть вместе со мной? Поторопись же и беги отсюда!

Георгий сказал ей:

— Я не сдвинусь с места, пока ты не объяснишь мне, в чем дело.

И когда она поведала ему всю историю, Георгий сказал:

— Дитя мое, не бойся, ибо во имя Христа я помогу тебе.

— Ты храбрый рыцарь, — промолвила девушка. — Но я не хочу, чтобы ты погиб со мной. Достаточно уже моей смерти, ибо ты не сможешь спасти меня!

Пока они разговаривали, дракон поднял голову из озера. Дочь короля задрожала и вскричала: «О Боже милостивый, беги же скорее, поторопись!» Но Георгий вскочил на коня, осенил себя крестным знамением и храбро бросился навстречу дракону, едва тот приблизился к нему. Размахивая копьем и вознося молитву Богу, он нанес зверю смертельную рану — и тот упал на землю. Георгий крикнул принцессе: «Набрось свой пояс на шею дракона! Не бойся, дитя мое!» Она сделала так, как он велел, и дракон смиренно последовал за ней, подобно щенку. Девушка привела его в город, а когда люди увидели это, они бросились бежать

Святой Георгий побеждает дракона на картине неизвестного художника, XV в.

в горы с криками: «Помогите! Мы погибли!» Но святой Георгий махнул им рукой, приказывая вернуться. «Не бойтесь, — сказал он им. — Господь послал меня, чтобы я освободил вас от тирании дракона. Как только вы все поверите во Христа и окреститесь, я убью вашего дракона!»

Итак, король и все его подданные крестились, и святой Георгий обнажил свой меч и убил дракона, а потом приказал вынести его за городские стены. Четыре пары волов выволокли зверя за пределы города и оставили его тело на широкой открытой равнине. В тот день окрестились двадцать тысяч жителей, не считая женщин и детей. А король построил в городе большую великолепную церковь в честь Святой Девы Марии и святого Георгия, и из ее алтаря до сих пор струится природный источник, воды которого излечивают от всех болезней.

К тому же король предложил святому Георгию огромную сумму денег, но святой не согласился их принять, а повелел раздать их бедным. Затем он наказал королю следовать четырем кратким правилам жизни: лелеять Церковь Божию, почитать священников, добросовестно посещать мессы и всегда внимательно относиться к бедным. С этими словами он поцеловал короля на прощание и ушел.

Однако в некоторых источниках мы находим такое упоминание: когда дракон бросился на девушку, чтобы сожрать ее, Георгий вначале осенил себя крестным знамением и только потом напал на дракона и убил его.

СВЯТОЙ СИЛЬВЕСТР УКРОЩАЕТ ЧУДОВИЩЕ

Несколько дней спустя жрецы идолопоклонников пришли к императору и сказали: «Святейший император, с тех пор как принял ты христианскую веру, дракон, живущий в пещере, убивает своим дыханием более трехсот человек каждый день»⁶⁵. Константин обратился с этой бедой к Сильвестру. И сказал святитель: «Силой

Чудо святого Сильвестра с драконом. Мазо ди Банко, ок. 1340 г.

Христа я помешаю дракону снова причинить кому-либо вред». Жрецы пообещали, что примут христианскую веру, если ему это удастся.

Во время молитвы к Сильвестру явился Святой Дух и сказал ему: «Возьми с собой двух пресвитеров и смело спускайся к дракону. Когда вы доберетесь до него, произнесите такие слова: “Господь наш Иисус Христос, рожденный от девы, распятый и погребенный, воскресший и восседающий одесную Отца, тот, кто придет судить живых и мертвых. А ты, Сатана, должен ждать его в этой пещере до его пришествия”. Свяжи ему пасть ниткой и запечатай ее печатью с изображением креста. Сделав это, вы все вернетесь ко мне целыми и невредимыми и вкусите хлеб, который я приготовлю для вас».

Вместе с двумя пресвитерами Сильвестр спустился в пещеру по лестнице, имевшей сто пятьдесят ступеней. Они несли с собой два светильника. Затем святитель произнес те слова дракону и, как было велено, запечатал ему пасть, издававшую шипение и свист. Когда Сильвестр поднимался по лестнице обратно, он заметил двух магов, следовавших за ними, чтобы удостовериться, что христиане действительно спускались к дракону. Маги эти едва

не умерли от зловонного дыхания чудовища. Сильвестр вывел их с собой наружу целыми и невредимыми, и они немедленно обратились в христианскую веру, и их примеру последовало неисчислимое множество людей. Так римляне были спасены от двойной гибели, а именно от поклонения демону и от яда дракона.

СВЯТАЯ МАРГАРИТА — ИСТРЕБИТЕЛЬНИЦА ДРАКОНОВ

Маргарита, дочь Феодосия — жреца язычников, была родом из Антиохии⁶⁶. В детстве ее отдали на воспитание кормилице, а когда она достигла разумного возраста, крестили, что навлекло на нее гнев отца. Однажды, когда ей было пятнадцать лет, Маргарита с несколькими девушками пасла овец своей кормилицы. В то время мимо случайно проезжал префект Олибрий. Очарованный красотой Маргариты, он воспылал к ней страстью и сразу же послал за ней своих людей. «Идите и схватите ее, — приказал он, — и если она дочь свободного гражданина, то я сделаю ее своей женой, а если она рабыня, я возьму ее в наложницы».

Девушку привели к нему, он узнал ее имя и расспросил о семье и религии, которую она исповедует. Дочь Феодосия ответила, что она благородного происхождения, что зовут ее Маргарита и что она христианка. Префект сказал:

— Ну что же, определение «благородный» и имя Маргарита идеально тебе подходят; ты явно знатного происхождения и красотой своей напоминаешь настоящую жемчужину*. Но христианство не делает тебе чести! Как может такая красивая и благородная девушка поклоняться Богу, который был распят?

— Откуда вы знаете, — спросила Маргарита, — что Христос был распят?

— Из христианских книг, — ответил он.

* Margarita по-латыни значит «жемчужина».

— Значит, вы читали о страданиях Христа и его славе, — сказала Маргарита. — Как вы можете верить в одно, но отрицать другое?

Она продолжала объяснять ему, что Христос добровольно умер на кресте ради искупления наших грехов, чем заслужил вечную жизнь. Но эти речи разозлили префекта, и он бросил ее в темницу.

На следующий день он вызвал девушку и сказал:

— Глупая девчонка, пожалей свою красоту! Поклоняйся нашим богам — и тебе нечего бояться.

Маргарита ответила:

— Я поклоняюсь тому, перед кем дрожит земля, море трясется от страха и перед кем все существа благоговеют!

— Если ты не станешь повиноваться мне, — сказал ей префект, — я разорву твое тело на куски.

Маргарита Антиохийская в средневековом манускрипте

Маргарита ответила ему:

— Христос не пощадил себя и принял смерть за меня, поэтому я не хочу ничего иного, чем умереть за Христа!

Префект приказал подвесить ее на дыбу, затем красавицу жестоко избивали розгами, а плоть ее раздирали железными гребнями, пока кости не обнажились и кровь не хлынула из ее тела, как из чистейшего источника. Все присутствовавшие плакали, наблюдая за пытками.

— О Маргарита, — говорили люди, — нам искренне жаль тебя! Невозможно видеть, как твое тело жестоко терзают и разрывают на части! Какую красоту ты теряешь из-за своего неверия! Но время еще есть: поверь — и ты сохранишь жизнь!

— Вы советники зла! — воскликнула Маргарита. — Убейтесь, оставьте меня! Подвергая свою плоть пыткам, я спасаю свою душу! — И она сказала префекту: — Ты бесстыдный пес! Хищный лев! Ты имеешь власть над моей плотью, но моя душа принадлежит одному лишь Христу!

Префект закрыл лицо плащом, не в силах вынести вида крови. Он велел прекратить истязания Маргариты и бросить ее обратно в камеру, которая тотчас же наполнилась чудесным сиянием. Лежа в камере, Маргарита молила Господа явить ей образ врага, который сражался с ней. Внезапно чудовищный дракон предстал перед ней и бросился на нее, чтобы сожрать, но она перекрестилась — и дракон исчез.

Существует еще одна версия этого рассказа: дракон якобы сомкнул челюсти над головой Маргариты, обхватил языком ее ноги и проглотил ее, но, когда он был готов переварить ее, она осенила себя крестным знаменiem. Дракон не смог этого вынести, его разорвало на части, а дева вышла невредимой из чрева его. Однако этот вариант истории о драконе, проглотившем деву и разорвавшемся на части, считается выдумкой, не имеющей исторической ценности.

СВЯТАЯ МАРФА УКРОЩАЕТ ДРАКОНА ТАРАСКА

Марфа, принимавшая Христа в своем доме, относилась к царскому роду⁶⁷. Она происходила от отца Сируса и матери Евхарии. Ее отец был правителем Сирии и многих приморских областей. От своей матери Марфа унаследовала три города, которыми владела совместно с сестрой: Магдалу и две Вифании, а также часть Иерусалима. Нигде не упоминается, что она была замужем или когда-либо жила с мужчиной. Эта благородная христианка служила Господу и хотела, чтобы ее сестра также посвятила себя ему. Марфа считала, что населения всего мира недостаточно, чтобы оказать подобающие почести столь великому Господину.

После вознесения Господа, когда его ученики расстались и каждый пошел своим путем, Марфа с братом Лазарем, сестрой Марией Магдалиной и праведным Максиминем (который крестил двух сестер и которому их вверил Святой Дух) вместе с другими христианами были брошены неверующими отступниками в утлые суденышки без весел, парусов и руля. Их лишили и пищи,

Святая Марфа. Иллюстрация из Часослова Генриха VIII

но Господь не оставил несчастных: ведомые Господом, они высадились в Марселе, а оттуда направились в Экс, где обратили в истинную веру местных жителей. Святая Марфа славилась своим красноречием и пользовалась всеобщей любовью.

В то время в лесу вдоль берегов Роны между Арлем и Авиньоном жил дракон, наполовину зверь, наполовину рыба, крупнее быка и длиннее лошади, с зубами острыми, как мечи, по бокам покрытый непроницаемой чешуей, защищавшей его как два щита. Это чудовище скрывалось в реке, убивало всех, кто пытался пройти мимо, и топило лодки. Дракон приплыл по морю из Галатии, он был потомком Левиафана, невероятно кровожадного водяного змия, и зверя по имени Онахус, тоже уроженца Галатии, который выпускал свои нечистоты, как дротики, на расстояние до акра в каждого, кто бросался за ним в погоню, и обжигал, словно пламенем, все, к чему прикасался.

Люди умоляли Марфу о помощи, поэтому она отправилась с ними. Она обнаружила дракона в лесу — он пожирал какого-то несчастного. Марфа окропила чудовище святой водой и осенила крестом. Мгновенно побежденный зверь стоял кротко, как ягненок, пока святая Марфа связывала его своим поясом. Люди убили его, забросав камнями и копьями. Местные жители называли этого дракона Тарасконус. Именно поэтому та местность до сих пор носит название Тараскон — в ознаменование произошедшего чуда (раньше она была известна как Нерлюк, то есть «черное место», потому что лес там был темным и мрачным).

С разрешения сестры и своего наставника Максимиана Марфа осталась здесь и посвятила себя неустанной молитве и посту. Позже она основала в этом месте большую общину сестер и построила огромную базилику в честь Пресвятой Девы Марии. Она вела очень аскетичную жизнь, избегая мяса, яиц, сыра и вина, вкушала пищу всего лишь раз в день и преклоняла колени в молитве по сто раз каждый день и столько же раз каждую ночь.

ЧАСТЬ VII

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ
АНТИХРИСТА:
ДРАКОНЫ В ЛИТЕРАТУРЕ
РАННЕГО НОВОГО
ВРЕМЕНИ

Средневековые представления о драконах сохранялись в воображении европейцев еще долгое время после того, как протестантская Реформация в XVI в. разрушила тысячелетнее единство христианской веры. В этот период религиозных раздоров образ дракона наполнился новым смыслом. И католики, и протестанты использовали печатный станок для создания полемических памфлетов, в которых всячески поносили оппонентов, в том числе с помощью изображений. Мартина Лютера,

Сатана в обличье дракона. Иллюстрация Уильяма Блейка к поэме «Потерянный рай»

бросившего вызов традиционным христианским ценностям, католики осуждали как проповедника порочной ереси. Его представили в образе семиглавого монстра, похожего на дракона из Откровения Иоанна Богослова, причем каждая его голова извергала различную ложь. Протестанты, в свою очередь, ответили серией карикатур, изображавших папу и его советников в виде отвратительного зверя с семью головами, который сидел на алтаре, представлявшем сундук, и сундук этот был набит деньгами, собранными Римской церковью за счет продажи индульгенций. Если существование и изучение мест их обитания оставались темами научных рассуждений на протяжении всего раннего Нового времени, то XVI и XVII вв. стали свидетелями массового возрождения дракона как олицетворения Антихриста в христианской полемике и поэзии.

ДРАКОНЫ ИЗ ВОЛШЕБНОЙ СТРАНЫ

Самые продолжительные и яркие битвы с драконами в современной литературе можно найти в аллегорической рыцарской поэме Эдмунда Спенсера «Королева фей»⁶⁸. Это масштабное произведение, опубликованное в несколько этапов в течение последнего десятилетия XVI в., снискало Спенсеру уважение королевы Елизаветы I (1533–1603) и признание современников, его считали одним из самых значительных поэтов Елизаветинской эпохи.

Поэма «Королева фей», отмеченная особым поэтическим очарованием, считалась не только источником развлечения для королевского двора — она также служила полемической цели. Добродетельные герои Спенсера представляли собой приверженцев англиканского христианства и сторонников королевы, покровительницы Англиканской церкви. Они борются против папского престола, показанного в образе Антихриста и его чудовищных сообщников.

В первой книге поэмы Рыцарь Алого Креста и его леди Уна сталкиваются в Волшебной стране с двумя драконоподобными чудовищами. Одно из них — существо по имени Эррур*, обитающее в пещере. Этот ужасный гибрид — наполовину женщина, наполовину змея — был задуман как тонко завуалированная аллегория ошибочных учений Римской церкви. Когда Рыцарь Алого Креста убил Эррур, отпрыски чудовища толпой напали на ее тело, чтобы выпить кровь. Этой сценой поэт намекнул, как трудно искоренить ошибки ложных убеждений.

Во второй противник был еще более устрашающим — огнедышащий монстр, осаждавший замок родителей Уны, короля и королевы Эдема. Эпическая битва Рыцаря с этим драконом представляет аллгорию победы Христа над дьяволом и неприятие греха благочестивым христианином. Их поединок продолжался три дня, в течение которых Рыцаря исцелила вода из Источника Жизни (олицетворяющего крещение) и освежил бальзам древа жизни** (символ евхаристии). Подобно Христу, восставшему из гроба через три дня после распятия, Рыцарь восстал от мнимой смерти на третий день битвы, чтобы одержать победу над своим древним врагом.

В первой песне Рыцарь Алого Креста и Уна обнаруживают пещеру в лесу. Уну сопровождает карлик, олицетворяющий здравый смысл. Рыцарь отдает ему копье, оставшись безоружным.

Уна просит Рыцаря Алого Креста быть осторожней, тот отвечает ей, что тому, кто хранит честь и добродетелен, тайный враг не страшен. Уна рассказывает, что в лесу обитает чудовище по имени Эррур. Карлик прибавляет, что рыцаря поджидает ловушка.

* Спенсер называет это чудовище *Erroug*, от англ. *error* — «ошибка, ложное представление». *Прим. пер.*

** Древо жизни — одно из двух деревьев в Эдемском саду, другим было древо познания добра и зла (см. Бытие 2: 9).

Битва Рыцаря с драконом. Иллюстрация Уолтера Крейна
к поэме «Королева фей»

Отважный рыцарь все же входит в пещеру и видит отвратительную змею с женским телом. Ее мерзкий выводок окружает Эррур. Она пытается сбежать от приближающегося Рыцаря, уstraшенная сиянием его кольчуги:

Неуcтрашимый рыцарь в бой рванулcя,
Как на добычу разъяренный лев;
Гад на клинок сверкающий наткнулся,
Во тьме пещеры cкpытьcя не успев,
И овладел змеею лютый гнев;
Она хвостом колючим угpожала,*

* Рыцарь Алого Креста — «доблестный эльф», то есть рыцарь из Волшебной страны.

*От бешенства свирепого вскипев;
От рокового уклонившись жала,
Он в шею поразил противницу сначала.*

*Лучом ослеплена, оглушена,
Взъярилась все же хищница дурная,
Ударом смелым не сокрушена;
И сила пробудилась в ней двойная,
Громаду мышц чудовищных взрывая;
Змея взвилась, как дьявольский аркан,
Врага воинственного обвивая;
О Господи! Так душит нас обман,
Палач безжалостный и мерзостный тиран*.*

По настоянию Уны Рыцарь Алого Креста освобождается и хватает Эррур за глотку. Но из ее пасти извергается поток мерзостной отравы, и Рыцарь, дрогнув, отступает. Гаденыши — отродье Эррур — кишат вокруг Рыцаря, облепляют его, раздражают Рыцаря, подобно гнусу, но не могут причинить ему вреда.

Выводок Эррур пожирает ее тело, но погибает, попробовав кровь матери.

Уна поздравляет Рыцаря Алого Креста с его первой победой.

В одиннадцатой песне Уна и Рыцарь Алого Креста приближаются к замку Эдема. Уна помнит, что ее отец и мать, законные король и королева, томятся в темнице замка.

Когда герои достигают родного края Уны, она предупреждает Рыцаря Алого Креста, что его поджидает дракон.

Они тайком наблюдают за замком родителей Уны, ставшим для них темницей.

* Здесь и далее отрывки из поэмы приводятся в пер. В. Микушевича. Цит. по: Спенсер Э. Королева фей. Кн. 1. Легенда о Рыцаре Алого Креста, или О святости. М. : Энигма, 2019.

Появляется дракон:

*Свирепым ревом отозвался склон,
Мир содрогнулся от вершин до впадин;
На солнечном холме лежал дракон,
Сам, словно холм, чудовищно громаден;
Не видывал никто подобных гадин.
Небесный герб для зверя нестерпим;
Он ринулся, к сиянью беспощаден
И гневом сокрушительным томим,
Рванулся, яростью дыша, навстречу к ним.*

Рыцарь Алого Креста просит Уну укрыться в безопасном месте перед битвой.

Поэт пробуждает Музу Истории и обращается к ней с призывом воспеть этот бой.

Спенсер описывает огромное тело дракона, сверкание его чешуйчатой брони, подобные парусам крылья, хищные когти и челюсти, чудовищный жалящий хвост и зубы:

*Подобье сокрушительной дубины,
Хвост защищал чудовищу хребет;
Пестрели на хвосте его пластины:
Чередовался с черным красный цвет.
Хвост в битве причинял смертельный вред,
Окрестность перед гадиной дрожала;
Тянулся хвост почти на милю вслед*,
И были на хвосте два страшных жала,
Которыми живым погибель угрожала.*

* Спенсер в этих строках использует слово furlong. Фарлонг — средневековая единица длины, равная приблизительно 660 футам, или 1/8 мили (200 метров).

*...И зубы в каждой челюсти кровавой,
 Железные, торчали в три ряда,
 От крови же казалась челюсть ржавой,
 И загнивала меж зубов еда:
 Останки тел, которые туда
 Попали, алчным схваченные голодом;
 Там побывали целые стада,
 Разжеванные ненасытным гадом,
 И воздух был вокруг отравлен
 чадным смрадом.*

Дракон приближается к Рыцарю, и сердце того сжимается от страха.

Рыцарь пытается поразить дракона копьем, но не может пробить чешую. Ударом хвоста дракон сбивает с ног коня вместе со всадником.

Рыцарь вскакивает и опять наносит удачный удар. Дракон свирепеет и взмывает в воздух, унося Рыцаря и его коня. Но сопротивляющаяся добыча тяжела, и скоро схватка возобновляется на земле.

Рыцарю удастся ранить дракона мощным ударом копья:

*Он заревел, как завывает море,
 Когда ночной бушует ураган,
 Свирепствуя во мраке на просторе,
 И в исступление грозном океан
 Бросается на побережье стран
 Разбуженных, и в небо бьет громада
 Волн, — зыбкий, но безжалостный таран, —
 Которому неведома преграда;
 Взрыв сокрушительный
 стихийного разлада.*

Дракон истекает черной кровью и извергает из пасти пламя. Даже раненый, он все еще силен. Чудовищным хвостом он обхватывает коня — и Рыцарь падает в грязь. Он снова встает и разит дракона своим мечом, но удар отскакивает от чешуи. Взмешенный Рыцарь снова разит дракона, тот начинает слабеть, но не сдается:

*Зверь зарычал, завыл, заверещал
И пламень жгучий изрыгнул из чрева;
Щит рыцаря уже не защищал:
Горело справа, полыхало слева.
Так не щадит огонь лесного древа;
Тянулись мириады языков
К нему из огнедышащего зева;
В доспехах раскаленных жар таков,
Что рыцарь сбросить их в отчаянье готов.*

Устав от битвы, Рыцарь в изнеможении падает на землю. Он изнывает в раскаленных латах и призывает смерть. Дракон, увидев слабость противника, сбивает его с ног. Но случается чудо: Рыцарь падает в целительный родник с живой водой, хотя поначалу сам об этом не подозревает.

Наступает ночь. Дракону кажется, что он одержал победу в битве. Он горделиво восседает на своем насесте и хлопает крыльями.

Уна молится о своем Рыцаре всю ночь. Наступает второй день битвы. Уна видит, что родник с живой водой вернул Рыцаря к жизни. Он выходит из него преображенный и помолодевший.

Рыцарь застигает дракона врасплох и наносит ему удар по голове, рассекая гребень.

Раненый дракон ревет и встает на дыбы:

*Дракона разъярила злая рана;
Он заревел, как сто голодных львов,*

*И вызвал он подобье урагана,
 Который землю потрясти готов
 До самых вековых первооснов;
 Дракон рассек воздушные просторы
 И, на стихийный посягнув покров,
 Лишил бы всю вселенную опоры;
 Валил он деревья, и сокрушал он горы.*

Дракон пронзает Рыцаря острым хвостом, Рыцарь же отсекает его. Дракон в ярости снова атакует, но его подводит раненое крыло. Он вцепляется в рыцарский щит и виснет на нем. Рыцарь сражается, чтобы освободить свой щит от хватки дракона, и вынуждает его разжать одну лапу. Другую лапу Рыцарь отрубает.

Терзаемый злобой дракон извергает пламя:

*Вновь изрыгнул дракон огонь и дым,
 Кровавая его бесила рана;
 Был небосвод подернут огненным
 Подобием сернистого тумана;
 Казалось, извержение вулкана
 Свиристствует в долинах и в горах,
 Дыханьем раскаленным урагана
 Утесы превращая в drobный прах,
 Распространяя мрак и страх
 в иных мирах*.*

Рыцарь отступает перед огнем и падает. В этот раз он оказывается у подножия древа жизни. Бальзам, струящийся по дереву, спасает Рыцаря.

Дракон не может приблизиться к дереву; наступает ночь. Уна непрерывно молится о выздоровлении Рыцаря.

* Гора Этна — действующий вулкан на Сицилии.

Наступает рассвет третьего дня битвы. К ужасу дракона, Рыцарь встает, полностью исцелившись.

Рыцарь Алого Креста вонзает свой меч в пасть дракона:

*Так пал дракон, и дрогнула земная
Твердь, по которой кровь его текла;
Так пал дракон, и туша кровавая
Была земле и небу тяжела;
Так пал дракон, как рушится скала,
Которую подтачивал упорный
Безжалостный прибой, пока дотла
Не разорил скалы Нептун злотворный;
Так пал дракон, как будто
кряж низвергся горный.*

*И содрогнулся победитель сам,
Увидев неподвижную громаду,
Еще не веря собственным глазам,
Приблизиться к поверженному гаду
Едва решилась дева, чтобы взгляду
Открылся весь чудовищный массив:
Зверь, павший вопреки огню и смраду;
Героя нежно поблагодарив,
Уверилась она: Всевышний справедлив.*

ДРАКОН, ПУСКАЮЩИЙ ГАЗЫ: БУРЛЕСК XVII В.

Популярность возвышенной христианской поэзии Спенсера обусловила появление забавных пародий вроде похабных стишков «Дракон из Вонтли»⁶⁹. Этот бурлеск впервые был опубликован в 1685 г., на протяжении нескольких веков сохранял свою популярность и даже лег в основу известной оперы Генри

Кэри (1737) и романа Оуэна Уистера (1892). Автор оригинала насмехался над традиционными схватками с драконом, искажая их религиозный символизм и повествуя об абсурдных героях вроде высокомерного рыцаря в латах с шипами, из-за которых он походил на дикобраза, или пукающего дракона размером с троянского коня. В то время как благородные герои старинных легенд приканчивали дракона ударами верного меча, в «Драконе из Вонтли» хулиганистый воин наносит смертельный пинок в задницу монстру. И в заключительной строфе поэмы выясняется, что анус и был ахиллесовой пятой этого дракона.

*В старинных мифах Геркулес
Убил дракона в Лерне,
На семь голов по паре глаз —
Четырнадцать, наверно.
Геракл был вооружен —
Дубинкой, в битве нужной,
А рыцарь Мур из замка Мур
Дракона с Вонтли победил*,
Сражаясь безоружным.*

*Есть у дракона пара крыл
И хвост, как цеп шипастый,
И пасть огромную раскрыл
Драконнице зубастый.
Длинные когти, и острые локти,
И сорок четыре железных клыка,
И с толстою шкурой, и с круглой фактурой**
Легко отразит нападение стрелка.*

* Как и в случае с Рыцарем Алого Креста, персонажем Спенсера, боевые подвиги Мура из Мур-Холла превосходят подвиги древнего героя Геракла.

** Описание дракона из Вонтли многим обязано Спенсеру.

Слыхали? — Семьдесят мужчин
 троянский конь вмести́л.
 Дракон размером был с коня
 И полон злобных сил.
 В один присест съел трех невест —
 Никто не заступился,
 Дракон жесток — в один глоток,
 Ну чтоб он подавился!

Любой домашний скот мог съесть,
 И дерево сжевать,
 И, говорят, мог целый лес
 Переварить — и спать.
 Гуси-индейки иль церкви-скамейки —
 Всё без остатка глотал.
 Только ни в жисть не мог он разгрызть
 Обломки острых скал.

В Йоркшире близ Ротерхэма*
 Знакомые мне места;
 Милях в двух-трех оттуда
 И дальше в шагах с полста;
 На вершине холма, где ограда видна,
 Жилище Мэтью стоит,
 На этом-то склоне схрон был драконий,
 Вделанный прямо в гранит.

Иной твердил: «Дракон — колдун!» —
 «Нет — дьявол!» — считали иные.
 Он дым выдыхал через ноздри большие,

* Современная деревня Уортли находится в 14,5 километра от Ротерхэма в Южном Йоркшире.

«Дракон из Вонтли». Иллюстрация Джона Джуна, XVIII в.

И сопли сочились гнилые.
 Те сопли драконьи в колодец текли,
 Подобно горящему бренди,
 Случись харкануть или в речку сморкнуть
 Дракону из этой деревни.
 Отважный рыцарь рядом жил,
 О нем гремела слава:
 Боец на палках, кулаках,
 он оскорблял всех и дразнил
 Налево и направо.
 За хвост и за гриву коней он игривых
 Руками хватал и до смерти мотал.
 И в настроении гневливом
 Он целиком коня съедал.

Сожрал дракон и трех невест,
 Я раньше поминал.
 И вот крестьяне этих мест
 Идут в приемный зал.
 Отважный рыцарь Мур, хозяин замка Мур,
 Никем еще в бою не победим,
 Дракона победы, несчастья отведи,
 Тебя мы щедро отблагодарим!

«Ну нет, — он рёк, — что мне оброк?
 Я одинок и вдов,
 Хочу я жениться — ищите девицу
 Шестнадцати годов.
 Шуструю и ловкую, с темною головкою,
 С кожей белоснежной и с румянцем нежным.
 Ночью чтоб меня любила
 И на битву проводила».
 Женильбу справив, он готов
 С драконом тем сразиться;
 И он отправился в Шеффилд*,
 Чтоб там вооружиться;
 С шипами латы заказал с насечкою стальной,
 Шипы снаружи, не внутри,
 и дюймов шесть длиной.

В таком обличье боевом
 Увидь его хоть раз,
 Могли подумать вы, что рыцарь был
 Как дикий дикобраз.
 Перепугал он всех зверей, перепугал людей,
 Котов, собак, коров, свиней;

* Уорли находится примерно в 16 километрах к северу от Шеффилда.

*Он на чудовище похож —
Как странный экзотичный еж.*

*Чтоб лучше видеть этот бой,
Все влезли повыше:
На трубы, ветки и дома,
На церкви и на крыши.
Придавши храбрости себе,
Чтоб сделать бой коротким,
Шесть кружек эля выпил он
И кварту крепкой водки.*

*В сражение силы и ума
Исход вам и не снился,
И вот наш хитрый рыцарь Мур
В колодце затаился.
Он знал, что дракон взберется на склон,
Чтоб выпить воды из колодца.
И вот он дождался, и с воплем поднялся,
И начал с драконом бороться*.*

*«Ты что, очумел? — дракон заревел. —
Напиться ты мне помешал!»
Напрягся и сразу он выпустил газы,
И как же он сильно вонял!
Гори ты в огне, тошнотворен ты мне,
Навоз твой совсем не бальзам,
Смердящий козел, упрямый осел,
Вонючка, засранец и срам!*

* Эта строфа — отсылка к Источнику Жизни в битве Рыцаря Алого Креста с драконом в «Королеве фей» Спенсера.

Наш славный защитник, не знающий страха,
 Залез на колодезный край
 И задал дракону ужасную трепку,
 Запомнит он тот нагоняй.
 Нехорошими словами отсылает его к маме,
 Растакой ты идиот,
 И пинками, и шлепками
 Бьет дракона он в живот.

«О чем ты толкуешь?» — промолвил дракон,
 И сыпятся снова удары,
 Сражаются снова, как два кабана,
 Под крики толпы разудалой.
 Два дня и две ночи дракон все не хочет
 В той битве врагу уступить.
 Их силы равны, и нет их вины,
 Что трудно друг друга свалить.

Земля колебаться уже начала,
 Наносит удары дракон,
 Сэр Мур покачнулся, дракон потянулся,
 Чтоб сбросить его под уклон.
 Но истинный воин восторга достоин —
 Наш рыцарь его развернул,
 Пинком он ударным, приемом коварным,
 Дракона под задницу пнул.

Предсмертный стон испустил наш дракон
 И шесть раз вокруг обернулся,
 Он клял нецензурно хозяина Мура
 И в мерзких соплях захлебнулся.
 «Ох, рыцарь проклятый с тяжелой пятой,
 Откуда ты только пришел?

*Ты шпорою на сапоге попал не только по ноге —
Мне задний проход пропорол».*

*«Я помираю, я погиб! — вскричал дракон,
В тоске предсмертной взыв. —
Не попади ты в анус мне,
Остался бы я жив».*
В предсмертной дрожи
по драконьей коже,
Он пал на колени и лег.
Взбрыкнул до отказа и, выпустив газы,
Испустил и последний свой вздох.

ВЕЛИКИЙ ЗМИЙ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Ни в одном произведении западной литературы образ Сатаны не был раскрыт так глубоко, как в «Потерянном рае»⁷⁰ — эпической поэме английского поэта Джона Мильтона (1608–1674), изданной в 1674 г. в двенадцати книгах. В поэме Мильтона изображается война, которую вели Люцифер и мятежные ангелы против Бога, их поражение и изгнание в ад, сотворение мира и первых людей — Адама и Евы. Дьявол желает помешать Божественным планам, он проникает в этот новый мир, где, приняв облик Змия, лживыми речами искушает Еву вкусить запретный плод с дерева познания добра и зла, обрекая тем самым человеческий род на смертную жизнь. Сатана торжествует, он бросает Адама и Еву, чтобы те в одиночку переживали свой позор и вину, и возвращается в ад. Там он наслаждается победой над человечеством и восторженно сообщает павшим ангелам, что рай потерян для человека. Закончив свою речь, дьявол ожидает похвалы и аплодисментов, но вместо этого слышит «мрачное вселенское шипение» и видит, как его последователи на глазах

Фрагмент иллюстрации Гюстава Доре к поэме «Потерянный рай»

превращаются во множество отвратительных змей. Затем в наказание за преступление в Эдеме Бог превращает Сатану в огромного змея и лишает его способности говорить — это расплата за то, что он своими искусительными речами привел человека к грехопадению.

*Умолкнув, чаял он согласный клич
Восторга и рукоплесканий гром
Услышать лестный, но со всех концов,
Напротив, зазвучал свирепый свист
Несметных языков — презренья знак
Всеобщего. Владыка изумлен,
Но ненадолго, ибо сам себе
Он вскоре изумился, ощутив,
Как ссохлось, удлиненно заострясь,
Лицо, и к ребрам руки приросли,
И ноги меж собой перевились*

И слиплись. Обезножев, он упал
 Гигантским Змием, корчась и ползя
 На брюхе, и пытался дать отпор,
 Но тщетно; Сила высшая над ним
 Господствует, осуществляя казнь
 В том образе, который принял он,
 Ввергая Прародителей в соблазн.
 Враг хочет молвить, но его язык
 Раздвоенный шипеньем отвечал
 Раздвоенным шипящим языкам.
 Его сообщники по мятежу
 Отважному равно превращены
 В ползучих змиев! Свистом весь чертог
 Стозвучным огласился. Вкруг Врага
 Кишели густо чудища, сплетя
 Хвосты и головы: бессчетный сонм
 Зловещих Аспидов и Скорпионов,
 Керастов рогоносных, Амфисбен
 Ужасных, злобных Эллопов, Дипсад
 И Гидр (в количестве не столь большим,
 Скользя, клубились гады на земле,
 Где кровь Горгоны древле пролилась,
 И остров Офиуза не давал
 Убежища таким скопленьям змей*).
 Но был наикрупнейшим — Сатана
 В драконьем образе; превосходил
 Нифона он, что Солнцем зарожден
 В пифийском доле илистом, но власть

* Мильтон заимствовал этот реестр экзотических змей из описания потомства Медузы в поэме Лукана «Фарсалия, или О гражданской войне» (см. выше).

Отступник не утратил^{*}: все Князя
 И Полководцы следуют за ним
 На площадь, где Гееннские войска,
 Отверженцы Небес, блюдя ряды,
 Во всеоружье восхищенно ждали
 Победного явления Вождя,
 Увенчанного славой, но узреть
 Им довелось противное: толпу
 Презренных гадин. Ужас обуял
 Мятежников, почувствовавших вдруг,
 Что под влияньем страшного сродства
 Невольно превращаются теперь
 В подобья тех, кто взорам их предстал.
 Броня, щиты и копья, грохоча,
 На землю падают; за ними вслед
 И сами воины. Раздался вновь
 Свирепый свист; змеиный, гнусный вид
 На всех, как заразительная хворь,
 Равно распространился, покарав
 Равно преступных. Так рукоплесканья
 Желанные, преобразясь во свист,
 В шипенье злобное из тех же уст,
 Принудили самих бунтовщиков
 Свое же опозорить торжество.^{**}

^{*} В греческой мифологии питон был гигантским змеем, обитавшим в дельфийском святилище, пока его не убил Аполлон. В средневековой Европе питона часто изображали в виде дракона с крыльями и конечностями.

^{**} Пер. А. Штейнберга. Цит. по: Мильтон Дж. Потерянный рай. М. : Художественная литература, 1982.

ЧАСТЬ VIII

БОГИ И ЧУДОВИЩА: ДРАКОНЫ ВОСТОКА

Цивилизации средневековой Азии породили богатые литературные традиции, в которых природа драконов трактовалась совершенно иначе, нежели в культуре греко-римской Античности или христианской Европы. Восточные драконы обладали некоторыми общими чертами со своими западными аналогами: они были гибкими, имели форму рептилии, часто умели летать, в легендах их изображали как противников великих героев, а их появление, как правило, предвещало бедствия. Несмотря на такое обилие сходств, у драконов Востока имелись черты, сильно отличавшие их от западных сородичей. Они обладали способностью менять облик и часто появлялись в виде привлекательного мужчины или миловидной женщины; они умели говорить и иногда просили людей помочь им в борьбе с еще более чудовищным врагом. Более того, в отличие от европейских драконов, они отдавали сокровища, а не хранили их, а их кости обладали особыми лечебными свойствами, поэтому восточным драконам отводилась важная роль в азиатских медицинских трактатах.

ДРАКОН ЗАСУХИ

В Южной Азии между 1500 и 1200 г. до н. э. появилось древнее собрание написанных на санскрите религиозных гимнов, известных под названием «Ригведа»⁷¹. В нем содержится древнейшее в истории человечества описание битвы с драконами. Многие из гимнов «Ригведы» восхваляют Индру — бога грома, молнии и войны, чьим самым большим достижением стало убийство дракона Вритры. Это было чудовище, которое олицетворяло засуху, оно проглотило и сковало воды всего мира

и замуrowало их в горах. Индра, выпив ритуальный напиток под названием сома, с помощью грома и молнии сумел сокрушить «первороденного из змеев» и высвободил реки на благо человечества.

Из описания в «Ригведе» трудно определить, в каком облике предстал Вритра, но в гимне его называют «безруким», что наводит на мысль, что враг Индры имел форму гигантского змея. За тысячелетие до героев греко-римской мифологии ведическое божество оказалось первым в мире истребителем драконов.

Позвольте мне воспеть героические деяния Индры, первого бога, умевшего сражаться молнией и громом. Он убил дракона, освободив для нас воду; он рассек недра гор, чтобы выпустить потоки наружу.

Он убил дракона, лежавшего на горе; Тваштар* смастерил для него оружие из грохочущей молнии. С громким шумом, напоминающим мычание коров, освобожденные потоки воды хлынули вниз к океану.

Разъярившись, как бык, он налил себе сому и выпил экстракт из трех кубков во время трехдневной церемонии. Индра Великодушный схватил оружие — гром и молнию, чтобы поразить своего противника; он убил первороденного из драконов.

Индра, когда ты убил первороденного из драконов и победил своим колдовством колдовство магов и волшебников, в тот самый момент ты породил солнце, небо и утреннюю зарю. С тех пор не существует на земле противника, который мог бы тебя победить.

Своим главным оружием, громовой молнией, Индра убил Вритру — своего величайшего врага, у которого не было плеч. Подобно стволу дерева, чьи ветви были обрублены топором, дракон лежит, распластавшись на земле.

* Ведическое божество, мастер-кузнец.

В индийской мифологии был еще один легендарный змей — Калия.
Это многоголовое чудовище укротил Кришна

Ибо, одурманенный пьянством, подобно тому, кто никогда не был солдатом, Вритра бросил вызов великому герою, который побеждал самых могущественных и испил сому до дна. Не в силах сдержать натиск его оружия, он осознал, что Индра — это противник, который может ему противостоять, и был он разбит вдребезги, а его нос был сломан.

Дракон, не имевший ни ног, ни рук, сражался с Индрой, который своей громовой молнией рассек ему затылок. Словно бычок, который мнил себя равным быку, переполненному семенем, Вритра распластался на земле, изрубленный на куски.

В то время как он валялся на земле, подобно сломанному тростнику, полноводные потоки потекли для человека. Теперь тело Вритры лежало перед водами, скованными когда-то силой дракона.

Жизненная сила матери Вритры* иссякла, когда Индра метнул в нее свое смертоносное оружие. Мать была сверху, а сын был внизу; Дану лежала, словно корова со своим теленком. Тело

* Дану — воплощение первобытной воды, мать Вритры.

было спрятано посреди каналов, в которых вода никогда не оставалась и не отдыхала. Воды текут над тайным местом, где спрятано тело Вритры; тот противник, которого победил Индра, погрузился в вечную тьму.

Воды, у которых злой демон Даса служил мужем, а дракон — охранителем, были заключены в тюрьму, как украденные коровы, лишённые свободы кланом Панис. Убив Вритру, Индра открыл ранее закрытый выход для воды.

Индра, ты стал волосом с конского хвоста, когда Вритра нанес тебе удар в уголок рта. Ты, единый и храбрый Бог, ты побеждал коров; ты вкушал сому; ты выпустил на волю семь потоков, чтобы они свободно потекли.

Бесполезны были молнии и гром, туман и град, которые он [Вритра] рассеял вокруг, пока дракон и Индра сражались. Индра Великодушный остался победителем на все грядущие времена.

Какого мстителя в драконе ты увидел, Индра, если после его убийства страх проник в твоё сердце? Затем ты пересек девять потоков, подобно испуганному орлу, пересекающему воздушную и земную сферы.

Индра, держащий громовую молнию в руке, является царем всего, что движется, и всего, что покоится, покорных и мятежных. Он правит народом, как король, охватывая мир, как обод объединяет спицы.

ЧЕРНЫЙ ВЕТЕР С МОРЯ

В мусульманских государствах Ближнего Востока в Средние века арабские ученые составляли обширные энциклопедии, выдававшие им неослабевающий интерес к драконам и другим мифическим чудовищам. Один из наиболее ранних сборников известен

под поэтическим названием «Золотые копи и россыпи самоцветов»⁷². Его автор аль-Масуди (ок. 896–956) был неутомимым путешественником. Он исследовал Персию, Аравию, Сирию и Египет. Аль-Масуди отважился добраться до долины Инда на востоке и до побережья Восточной Африки на юге. Он странствовал по Средиземному морю, Индийскому океану и посетил многие земли, лежащие между ними.

Подобно древнегреческому историку Геродоту, аль-Масуди собирал информацию о чужеземных народах и местах. Во время своих путешествий он написал один из самых ранних рассказов на арабском языке о природе драконов. Как и другие средневековые авторы, он поселил этих существ далеко от своей родины (в данном случае — в Атлантическом океане), изложил множество теорий об их происхождении, характере и повадках и в конечном счете пришел к выводу, что лишь одному Богу известна тайна их истинной природы.

Морской змей на иллюстрации к собранию сказок «Тути-наме», составленному индо-персидским автором Нахшаби

Tinníns (драконы) совершенно не встречаются в Абиссинском море и его многочисленных устьях и заливах. Чаше всего их можно увидеть в Атлантике. Высказывались разные мнения относительно природы дракона: кто-то считает, что это черныи ветер на дне моря, который поднимается в воздух, то есть в атмосферу, достигая облаков, подобно урагану, закручивая водоворот из пыли, исходящей от дракона и уничтожающей растения. Чем выше дракон поднимается в воздух, тем больше вытягивается в длину.

Некоторые люди верят, что дракон — это черная змея, поднимающаяся в воздух, при этом появляются черные облака и наступает темнота, за которой следует ужасный ветер.

Кто-то придерживается мнения, что это животное, обитающее на дне моря. Когда оно становится слишком высокомерным и властным, Бог посылает ангела в облаке, который заставляет его выйти из моря наружу. Дракон имеет форму черной сверкающей змеи. Когда он переносится по воздуху, поднимается так высоко, что хвост его задевает разве что самые высокие здания или деревья. При этом он часто повреждает много деревьев. Облака переносят его к Гогу и Магогу*. Облака убивают дракона холодом и дождем и отдают его на съедение Гогу и Магогу. Таково мнение ибн Аббаса.

Биографы Мухаммеда и других пророков приводят известные предания относительно природы дракона, отличные от этих, но мы не можем процитировать их здесь в полном объеме. Например, в них говорится, что драконы — это черные змеи, живущие в пустыне, откуда они переходят в море по рекам, заполняемым дождем. Там они питаются морскими животными, вырастают до огромных размеров и живут долго, но когда какой-нибудь дракон достигает возраста пятисот лет, он начинает настолько

* Гог и Магог — в авраамической эсхатологии названия народов, которые пойдут войной на народ Божий, но будут повержены огнем с неба.

угнетать морских животных, что происходит нечто подобное тому, о чем повествует в своем рассказе ибн Аббас. Предания утверждают, что некоторые драконы белые, а другие — черные, как змеи.

Персы не отрицают существования драконов. Они верят, что у них семь голов, называют их горгонами и часто упоминают о них в своих повествованиях. Богу лучше известно, кто такие драконы на самом деле.

НИКТО НЕ УСКОЛЬЗНЕТ ИЗ МОИХ КОГТЕЙ

Средневековые персы полностью разделяли западные представления о драконах. Это нашло отражение в «Книге царей» («Шах-наме»⁷³), эпической поэме о героических подвигах царей, правивших в Персии с древних времен до VII в. н.э., когда арабы-мусульмане завоевали Иран. Легендарный Рустам был одним из самых могущественных среди этих прославленных царей. Подобно греческому герою Гераклу, Рустам прошел серию трудных испытаний, в которых одолел мифологических чудовищ. В сопровождении своего верного скакуна Рахша, который оказывал немалую помощь хозяину, Рустам сразился с драконом на пустынной равнине.

В азиатской традиции герои и чудовища часто вступали в перепалку. Считалось, что драконы способны разговаривать с людьми, тогда как западноевропейские драконы в основном рычали и шипели.

На равнине появился дракон, от которого никогда не мог спастись ни один слон. Логово чудовища располагалось рядом, и даже демоны боялись ступить на его тропу. Когда дракон приблизился, он увидел спящего Рустама, но Рахш, конь Рустама, бодрствовал, бдительный, как лев. Дракон удивился, что человек посмел улечься здесь спать, потому что никто никогда не отважился сюда забрести — ни демоны, ни слоны, ни львы, а те, кто все-таки решался появиться здесь, не избежали его зубов и когтей.

Он повернулся к Рахшу, который рысью подбежал к Рустаму, чтобы разбудить его. Рустам немедленно вскочил, готовый к битве, но в кромешной тьме не смог рассмотреть страшного дракона. Раздраженный Рустам пожурил Рахша за то, что тот разбудил его. Он вновь вернулся ко сну, а дракон снова возник из темноты. Рахш топнул копытом по подушке Рустама, а потом начал бить копытами по земле и опять разбудил Рустама. Тот вскочил на ноги, его лицо побледнело от дурного предчувствия, но, внимательно осмотревшись по сторонам, он опять ничего не увидел, кроме тьмы. И тогда он обратился к своему доброму, мудрому коню: «Ты должен спать с наступлением ночной

Рустам убивает дракона. Иллюстрация к «Шахнаме» Исмаила II.
Казвин, 1576–1577 гг.

темноты, а вместо этого продолжаешь будить меня. Почему ты так спешишь меня разбудить? Если ты еще раз побеспокоишь меня, я отрублю тебе ноги мечом. Тогда я пойду пешком и понесу свое копьё и тяжелую булаву в Мазендеран».

В третий раз Рахша улегся спать, а конскую упряжь использовал вместо тюфяка и покрывала. Грозный дракон взревел, его дыхание, казалось, извергало пламя, и Рахш ускакал прочь, боясь приблизиться к Рустаму. Его сердце разрывалось пополам: он боялся и Рустама, и дракона. Но беспокойство за судьбу хозяина превысило страх, поэтому верный конь возвратился назад к герою. Он громко заржал и встал на дыбы, а его копыта яростно ударили по земле.

Рустам пробудился от сладкого сна, разозлившись на своего коня, но на этот раз Бог сотворил достаточно света и не оставил дракона невидимым, поэтому Рустам сумел разглядеть его в темноте. Он быстро выхватил свой меч, и земля содрогнулась от яростного боя. Он крикнул дракону:

— Назови мне свое имя, ведь отныне ты уже не увидишь мир таким, каким привык его видеть. Мне не следует убивать тебя, не узнав твоего имени.

Страшный дракон ответил:

— Никто никогда не ускользал из моих когтей. Вся эта равнина принадлежит мне, как небо и воздух над ней. Орлы не осмеливаются летать над этой землей, и даже звезды не смотрят на нее сверху вниз. — Он ненадолго умолк, а затем спросил: — А как тебя зовут? Потому что твоя мать будет тебя оплакивать...

Герой ответил:

— Я Рустам, сын Зала, который был сыном Сэма, из семьи Наримана.

Затем дракон налетел на него, но все же не смог спастись от Рустама благодаря Рахшу. Когда конь понял, какой могущественный и сильный враг противостоит его хозяину, он прижал уши и вонзил зубы в плечо дракона. Словно лев, он начал

яростно разрывать драконью плоть, и его свирепость поразила Рустама. Рустам изловчился и ударом меча отрубил дракону голову. Яд рекой потек из раны. Земля под поверженным телом дракона скрылась в потоках крови. Рустам издал глубокий вздох, взглянув на дракона, и увидел, что вся темная пустыня залита кровью и ядом.

В ужасе от этого зрелища, он снова и снова повторял имя Бога. Он вошел в ручей и омыл свое тело и голову, признавая власть Бога над миром. Он сказал: «Великий Боже, ты награди меня силой, разумом и умением, так что для меня ничего не значат ни демоны, ни львы, ни слоны, ни безводные пустыни и великие реки, подобные Нилу. Но врагов много, а жизнь коротка». Закончив молитву, он оседлал Рахша, вставил ногу в стремя и продолжил свой путь верхом на верном коне через страну магов.

ВОСЬМИГЛАВЫЙ ЗМЕЙ

Древнейший сохранившийся памятник японской письменности — «Записи о деяниях древности» («Кодзики»⁷⁴). По легендам, их составил государственный деятель О-но Ясумаро для двора императрицы Гэммэй, сорок третьей правительницы Японии. Ясумаро преследовал две цели — научную и политическую. Опираясь на народные сказки, старинные песни и исторические хроники, он создал искусный миф о происхождении императорского рода от небожителей. Главным среди этих божественных героев был Сусаноо (в буквальном переводе «доблестный быстрый ярый бог-муж из Суса»), который победил огромного восьмиглавого змея. Совершив этот подвиг, он получил в жены Кусинаду-химэ, а также оказался обладателем легендарного меча Кусанаги, символа доблести, который со временем стал одним из трех священных сокровищ, составляющих императорские регалии Японии.

После изгнания с неба Сусаноо спустился в местечко под названием Тори-ками у истоков реки Хи в провинции Идзумо. В то время мимо него по течению проплыли несколько палочек для еды. Сусаноо решил, что в верховьях реки проживают щедрые люди, и захотел подняться вверх по течению, чтобы найти их. Он обнаружил старика и старуху, между которыми стояла молодая девушка. Все они горько плакали. Он спросил:

— Кто вы?

Старик ответил, что они — здешние божества земли, потомки божеств долины, и что их зовут Асинадзуте и Тэнадзуте, а их дочь — Кусинада-химэ.

Сусаноо снова спросил:

— А почему вы плачете?

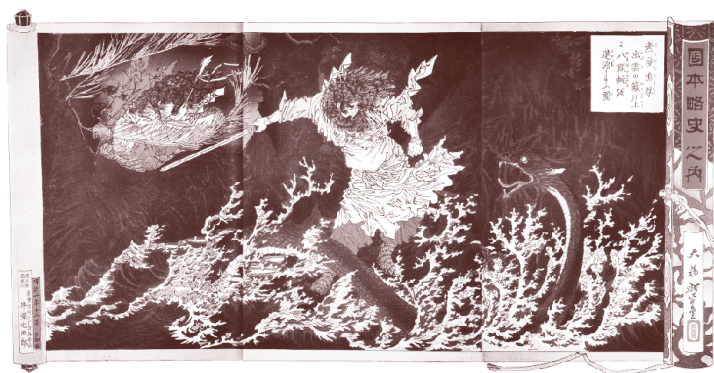
Старик ответил:

— Раньше у меня было восемь юных дочерей, но восьмиглавый змей Коши приходил каждый год и пожирал их одну за другой. Теперь пришло время его очередного появления, и поэтому мы плачем.

Затем он спросил старика:

— А как выглядит этот страшный дракон?

Старик ответил:

Сусаноо против восьмиглавого дракона. Иллюстрация Цукиоки Ёситоси, 1887 г.

— Его глаза похожи на зимние вишни, на одном туловище у него восемь голов и восемь хвостов. Мох и кипарисы растут на теле его. Его длина простирается на восемь долин и восемь холмов, а его брюхо всегда покрыто кровью и пламенем.

Тогда Сусаноо сказал старику:

— Если это твоя дочь, отдашь ли ты ее мне в жены?

Старик ответил:

— Для меня это будет огромная честь, но я даже не знаю твоего имени.

Сусаноо ответил старику:

— Я младший брат великой богини Аматаэрасу. Я недавно спустился с небес.

Тот же сюжет на гравюре Тории Киёмасу II, 1748 г.

Затем Асинадзути и Тэнадзути сказали:

— Если это правда, то мы с почтением предлагаем тебе нашу дочь в жены.

Тогда Сусаноо взял за руку девушку, превратил ее в гребень с короткими зубьями, который воткнул в свои густые волосы, и сказал ее родителям:

— Перегоните немного саке восемь раз, чтобы сделать его крепким. Затем обнесите это место оградой. В этой ограде сделайте восемь ворот. У каждого ворот свяжите вместе восемь платформ. На каждой платформе поставьте бочку, в каждую бочку налейте крепкое саке, а дальше нам останется только ждать.

Они подготовили все в полном соответствии с его инструкцией. Восьмиглавый змей пришел точно в назначенное время, как и обещал старик. Он немедленно опустил голову в каждую бочку и выпил саке. Змей сразу же опьянел от выпивки, все его головы легли и уснули. Затем Сусаноо выхватил из-за пояса свой священный длинный меч и разрубил змея на куски. Немедленно по реке Хи красным потоком заструилась кровь дракона.

Однако когда он рубил средний хвост, лезвие священного меча сломалось. Сусаноо удивился. Он вонзил в змеиную плоть сломанное острие и обнаружил внутри хвоста дракона большой меч. В изумлении взял он этот великий меч и почтительно поведal богине Аматэрасу, что нашел великий меч Кусанаги.

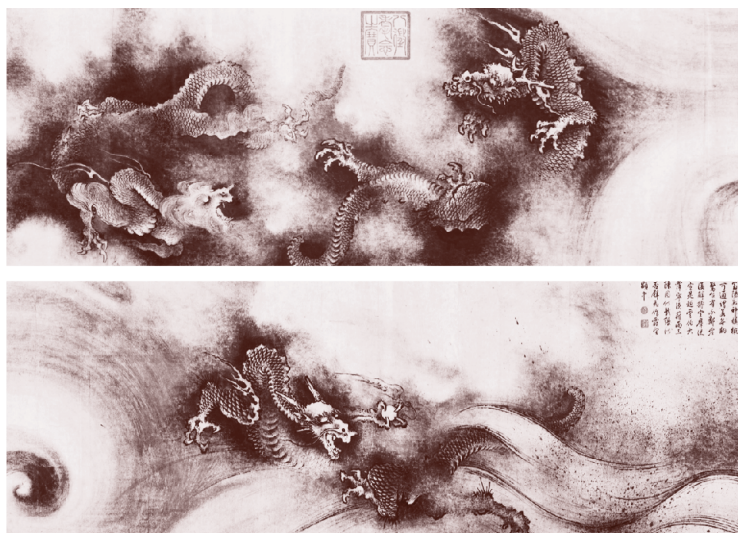
ЦАРЬ СУЩЕСТВ, ПОКРЫТЫХ ЧЕШУЕЙ

В средневековой китайской культуре широко бытовало мнение о пользе драконов. Это представление совершенно не вписывается в рамки древних легенд о неукротимых героях, где драконам отводилась роль злобных противников. Во времена династии Мин (1368–1644) ученые писали о лечебных свойствах костей дракона,

обнаруженных в отложениях вдоль берегов великих рек Китая (по всей вероятности, это были кости динозавров). Для того чтобы практикующие врачи могли правильно использовать столь драгоценный природный ресурс, требовалось понимание природы дракона как квазирелигиозного существа, знание его сходства с определенными животными и его антипатии к определенным насекомым и предметам. В обширном сборнике медицинских знаний «Бэньцао ганму»⁷⁵ знаменитый травник Ли Шичжэнь (1518–1593) собрал откровения о драконах, почерпнутые у средневековых китайских авторов, и создал портрет этого таинственного зверя, гораздо более яркий, чем любые описания, сохранившиеся в эпической литературе древней Азии.

Ли Шичжэнь говорит: «Как утверждает Ло Юань в толковом словаре “Эръя”, дракон — царь существ, покрытых чешуей». Ван Фу писал, что в его облике наблюдается девять черт, роднящих его с другими животными: у него голова верблюда, рога оленя, глаза кролика, уши быка, шея змеи, брюхо моллюска, чешуя рыбы, когти орла и лапы тигра. На его спине восемьдесят одна чешуйка, что равняется произведению чисел 9 на 9 и дает число *ян*. Его голос подобен удару в медные тарелки. По бокам его рта растут бакенбарды. Под подбородком у него яркий жемчуг. Под его горлом расположены перевернутые чешуйки. В верхней части его головы находится *бошань*, также называемый *чиму*, или гребень. Без чиму дракон не смог бы взлетать в небо. Он выдыхает энергию *ци*. Его выдохи образуют облака, трансформируясь как в воду, так и в огонь. Лю Диань в книге «Пийя» утверждал: «...огонь дракона будет пылать во влажном воздухе и гореть в присутствии воды. Но человеческий огонь способен погасить огонь дракона...

...Дракон рождается из яйца. Родители высиживают яйца и добросовестно их защищают. Когда самец призывает самку с наветренной стороны, а самка призывает самца с подветренной

Свиток «Девять драконов». Чен Жун, XIII в. Фрагмент

стороны, образуется ветер, в котором происходит зачатие нового дракона. Как говорит *Шидянь*, когда драконы спариваются, они превращаются в двух маленьких змей. Кроме того, согласно некоторым рассказам, по природе драконы грубы и жестоки, однако они любят красивые нефриты и камни *кунцит* и любят есть мясо ласточек. Они боятся железа и травы *мангкао* (бадьян), сороконожек и сросшихся ветвей лианы, а также многоцветного шелка. Поэтому тот, кто ел ласточек, избегает пересекать реку; тот, кто молится о дожде, использует ласточек; тот, кто хочет, чтобы уровень воды в реке спал, использует железо; тот, кто хочет спровоцировать дракона, использует траву *мангкао*; а тот, кто приносит жертву духу поэта Цюй Юаня, заворачивает рисовые клецки в листья лианы и цветной шелк и бросает их в реку. Практикующие врачи, применяющие кости дракона, должны понимать родственные связи дракона и знать, к чему и кому именно дракон питает неприязнь».

ХИДЭСАТО И КОРОЛЬ-ДРАКОН

В отличие от драконов средневековой европейской традиции, азиатские чудища могли менять свою форму и появляться в образе людей, а также демонстрировать многие черты аристократической культуры: они были способны говорить красноречиво и убедительно, жили в роскошных домах, где слуги удовлетворяли их потребности, а при необходимости драконы умели находить союзников. Все эти особенности можно наблюдать в японской народной сказке «Тавара Тода»⁷⁶, которая появилась в начале периода Эдо (1603–1868). В этой сказке дракон-змея умоляет о помощи героя по имени Фудзивара-но Хидэсато и просит сразиться с его заклятым врагом — гигантской сколопендрой. Хидэсато с готовностью соглашается.

Сначала герой развлекается и отдыхает в подводном дворце дракона, а затем с помощью хитрости убивает сколопендру, чем заслуживает безграничную благодарность змееподобного хозяина дворца. Среди подарков, полученных Хидэсато за службу дракону, оказывается волшебный мешок риса, который никогда не пустеет, сколько бы из него ни брали.

В отличие от большинства традиционных историй о драконах, в сказке «Тавара Тода» Король-дракон из озера предстает жертвой с человеческими чертами, которому потребовалась помощь героя, чтобы спастись от жестокого хищника.

Давным-давно в Японии жил храбрый воин, известный всем как Тавара Тода, или Тода Соломенный Мешок. Его настоящее имя было Фудзивара-но Хидэсато, и есть очень интересная история о том, почему он сменил свое имя.

Однажды он отправился в путь в поисках приключений, потому что по натуре был воином и не мог сидеть сложа руки. Итак, он пристегнул к поясу два меча, взял в руку огромный лук, намного выше его роста, и, закинув колчан за спину, отправился в путь. Не успел он отойти от дома, как подошел к мосту, перекинутому на другой берег через красивое озеро Бива. Едва

он ступил на мост, как увидел громадного дракона-змея, лежащего прямо поперек пути. Его тело, огромное, как ствол большой сосны, занимало всю ширину моста. С одной стороны моста в парапет упирались его гигантские когти, а с другой стороны лежал хвост. Могло показаться, что монстр спал, а когда он дышал, из его ноздрей вырывались огонь и дым.

Поначалу вид ужасной рептилии, лежащей на его пути, встревожил и озадачил Хидэсато: он должен был либо повернуть назад, либо пройти прямо по ее телу. Однако воин был храбрым, и, отбросив всякий страх, он решительно двинулся вперед. Он ступал то между кольцами дракона, то прямо на его тело, и тогда раздавался жуткий хруст. Миновав мост, даже не оглянувшись, он двинулся дальше в путь.

Не успел он сделать и несколько шагов, как услышал, что кто-то сзади окликнул его. Овернувшись, он с удивлением увидел, что чудовищный дракон исчез, а на его месте оказался странного вида человек, который отвешивал ему церемонные поклоны до земли. Его рыжие волосы ниспадали на плечи и были увенчаны короной в форме драконьей головы, а платье цвета морской волны было украшено ракушками. Хидэсато сразу понял, что это не обычный смертный, и очень удивился этому странному явлению. Куда делся дракон за такое короткое время? Или он превратился в человека? И что все это значило? Пока эти мысли проносились в его голове, Хидэсато подошел к человеку на мосту и обратился к нему:

— Это ты меня только что позвал?

— Да, это был я, — ответил мужчина. — Я хочу обратиться к тебе с серьезной просьбой. Как ты думаешь, ты можешь ее выполнить?

— Если это в моей власти, я помогу, — ответил Хидэсато, — но сначала скажи мне: кто ты такой?

— Я Король-дракон из озера, мой дом находится в этих водах прямо под этим мостом.

— И о чем ты хочешь меня попросить? — поинтересовался Хидэсато.

— Я хочу, чтобы ты убил моего смертельного врага — сколопендру, которая живет на той горе. — И Король-дракон указал на высокую вершину на противоположном берегу озера. — Я уже много лет живу на этом озере, у меня большая семья, много детей и внуков. С некоторых пор мы живем в неизбывном страхе: чудовищная сколопендра повадилась приходить в наш дом, ночь за ночью она появляется и уносит одного члена моей семьи. Я бессилен спасти кого-нибудь. Если так и дальше пойдет, я не только потеряю всех своих детей, но и сам стану жертвой чудовища. Я очень несчастен и в полном отчаянье, поэтому решил обратиться за помощью к человеку. Много дней я ждал на мосту в образе ужасного змея-дракона, которого ты видел, и надеялся, что появится какой-нибудь сильный смельчак. Но все, кто шел этим путем, завидев меня, приходили в ужас и убегали прочь со всей мочи. Ты первый человек, который взглянул на меня без страха, поэтому я сразу понял, что мужества тебе не занимать. Я умоляю тебя сжалиться надо мной. Неужели ты не поможешь мне и не убьешь моего заклятого врага — сколопендру?

Когда Хидэсато услышал историю Короля-дракона, его сердце наполнилось жалостью, и он с готовностью пообещал сделать все, что в его силах, чтобы помочь. Воин спросил, где живет сколопендра, в полной решимости сразу сразиться с этим существом. Но Король-дракон ответил:

— Дом сороконожки находится на горе Миками, но раз она каждую ночь в определенный час приходит в озерный дворец, то лучше подождать до этого времени.

Итак, Хидэсато отвели во дворец Короля-дракона, находившийся под мостом. Когда он последовал за хозяином вниз, воды расступились, чтобы пропустить их, и одежда воина ничуть не намочила, когда он проходил через воду. Никогда еще Хидэсато не видел ничего более прекрасного, чем этот дворец,

построенный из белого мрамора на дне озера! Он часто слышал рассказы о чертогах морского царя на дне океана, где вся прислуга состояла из морских рыб, а сейчас оказался в великолепном здании в самом сердце озера Бива. Изящные золотые рыбки, красный карп и серебристая форель прислуживали Королю-дракону и его гостю.

Хидэсато был поражен устроенным для него пиршеством. Им подали цукаты из листьев и цветов лотоса, а палочки для еды были из редчайшего черного дерева. Как только они уселись, раздвижные двери открылись и появились десять прекрасных танцовщиц — золотых рыбок, а за ними последовали десять музыкантов — красных карпов с кото и сямисэном*. Время незаметно пролетело до полуночи, а великолепная музыка и танцы прогнали все мысли о сколопендре. Король-дракон собирался предложить воину очередную чашу с вином, когда дворец внезапно сотрясся от жуткого топота, будто рядом маршировала мощная армия.

Хидэсато и его хозяин вскочили на ноги и бросились на балкон, и воин увидел, как два огромных пылающих, огненных шара приближаются к дворцу с противоположной горы. Король-дракон стоял рядом с воином и дрожал от страха.

— Сколопендра! Сколопендра! Эти огненные шары — ее глаза. Она идет за своей жертвой! Пришло время убить ее.

Хидэсато посмотрел туда, куда указывал его хозяин, и в тусклом ночном свете увидел, как за двумя огненными шарами извивается вокруг горы длинное тело огромной сколопендры, сияя, как множество далеких фонарей, медленно движущихся к берегу.

Хидэсато не выказал ни малейшего страха. Он попытался успокоить Короля-дракона:

— Не бойся. Я непременно убью сколопендру. Просто принеси мой лук и стрелы.

* Традиционные японские музыкальные инструменты наподобие цитры и лютни.

Хидэсато и дракон. Иллюстрация Цукиоки Ёситоси, 1868 г.

Король-дракон сделал, как ему было велено, и воин заметил, что в колчане осталось всего три стрелы. Он взял лук, вставил в него стрелу, тщательно прицелился и выпустил ее.

Стрела попала сколопендре прямо в середину головы, но вместо того чтобы поразить ее, она отскочила, не причинив вреда, и упала на землю.

Бесстрашный Хидэсато взял еще одну стрелу, вставил ее в лук и выпустил. И снова стрела попала в цель, прямо в голову сколопендре, но опять отскочила и упала на землю. Сколопендра была неуязвима для оружия! Когда Король-дракон увидел, что даже стрелы этого храброго воина бессильны против нее, он пал духом и задрожал от страха.

Воин видел, что теперь у него в колчане осталась только одна стрела, и если она не сработает, то он не сможет убить сколопендру. Он взглянул на воду. Огромное насекомое обмотало свое ужасное тело семь раз вокруг горы и скоро спустится к озеру. Все ближе и ближе становится мерцание огненных шаров ее глаз, а свет от ее тела уже отражается в спокойных водах озера.

Вдруг воин вспомнил: когда-то он слышал, что человеческая слюна смертельна для сколопендры. Но перед ним была не обычная многоножка. Она была настолько чудовищной, что даже мысль о подобном существе заставляла содрогаться от ужаса. Хидэсато решил испытать свой последний шанс. Он взял оставшуюся стрелу и сначала смочил ее слюной, а затем вставил в свой лук, еще раз тщательно прицелился и выпустил ее.

И на этот раз стрела попала сколопендре прямо в середину головы, но не отскочила, как раньше, а поразила существо прямо в мозг. Судорожно вздрогнув, змеиное тело перестало двигаться, а огненный свет огромных глаз и сияющих конечностей сначала помутнел до тусклого блеска, похожего на закат в штормовой день, а затем вообще погас. Великая тьма охватила небеса. Послышались раскаты грома, засверкали молнии, яростно заревел ветер, и казалось, что наступил конец света. Король-дракон, его дети и слуги — все попрятались в разных частях дворца, напуганные до смерти, а здание сотрясало до основания.

Ужасная ночь закончилась. Рассвет нового дня был прекрасным и ясным. Сколопендра исчезла с горы.

Хидэсато позвал Короля-дракона выйти с ним на балкон, ведь его враг убит и ему нечего больше бояться.

Тогда с радостью вышли все обитатели дворца, и Хидэсато указал на озеро. Там в воде плавало тело мертвой сколопендры, а озеро окрасилось в красный цвет от ее крови.

Благодарность Короля-дракона не знала границ. Вся семья пришла поклониться воину, они назвали его своим спасителем и самым храбрым воином во всей Японии.

По этому случаю был устроен еще один пир, еще более роскошный, чем предыдущий. Перед воином поставили множество блюд из всевозможных видов рыбы, приготовленных всеми мыслимыми способами. Сырая, тушеная, вареная и жареная рыба подавалась на коралловых подносах и в хрустальной посуде, а такого отличного вина Хидэсато в жизни своей не пробовал. Солнце своим ярким светом добавило красок этой картине, вода в озере сверкала и переливалась алмазным блеском, а дворец днем выглядел в тысячу раз прекраснее, чем ночью.

Хозяин пытался убедить воина погостить во дворце еще несколько дней, но Хидэсато настаивал, что ему необходимо отправиться домой. Он сказал, что выполнил свое предназначение и должен вернуться назад. Король-дракон и его семья сожалели, что он так скоро покинет их, но воин был непоколебим в своем решении. Тогда они попросили его принять несколько небольших (как они сказали) подарков в знак благодарности за то, что он навсегда избавил их от ужасного врага — сколопендры.

Когда воин, стоя на крыльце, прощался с ними, стая рыб внезапно превратилась в свиту людей. Все они были облачены в церемониальные одежды, а их головы украшены драконьими коронами, чтобы показать, что они слуги великого Короля-дракона. Они несли такие подарки:

во-первых, большой бронзовый колокол;

во-вторых, мешок риса;

в-третьих, рулон шелка;

в-четвертых, кухонный котел;

в-пятых, колокольчик.

Хидэсато не хотел принимать эти дары, но Король-дракон настаивал, и воин не смог отказаться.

Сам Король-дракон вызвался сопровождать героя до моста, а затем простился с ним, много раз поклонившись с добрыми пожеланиями, а процессия слуг сопроводила Хидэсато с подарками до дома.

Домочадцы и слуги воина сильно беспокоились, когда обнаружили, что он не вернулся домой прошлой ночью, но в конце концов решили, что его задержала сильная буря и он где-то укрылся. Когда слуги, ожидавшие его возвращения, заметили процессию, они сообщили домочадцам, что хозяин приближается. Все вышли ему навстречу, недоумевая, что могла означать сопровождавшая его свита людей с подарками и знаменами.

Как только слуги Короля-дракона положили подарки на пороге дома, они исчезли; и Хидэсато поведал историю о своих приключениях.

Оказалось, что дары, полученные от благодарного Короля-дракона, обладают магической силой. Только колокол был самым обычным, но Хидэсато им не пользовался, а подарил ближайшему храму. Звон колокола, разносясь над окрестностями, возвещал о наступлении полудня.

Мешок риса оказался удивительным подарком. Сколько бы воин и вся его семья не брали из него для приготовления еды изо дня в день, риса в нем никогда не становилось меньше. Запас в мешке был неисчерпаем.

Рулон шелка тоже никогда не становился короче, хотя от него раз за разом отрезали большие куски, чтобы сшить воину новый костюм, в котором следовало явиться ко двору на празднование Нового года.

Кухонный котел для приготовления пищи тоже был замечательным: какие бы продукты в него ни клали, он всегда готовил очень вкусно. И для него не нужно было разводить огонь в очаге — действительно, очень выгодное приспособление.

Слава об удаче Хидэсато распространилась повсюду, а поскольку ему не нужно было тратить деньги на рис, шелк и огонь в очаге, он стал очень богатым и преуспевающим человеком и отныне был известен под именем Мой Господин Мешок Риса.

РЫБАК И ПРИНЦЕССА-ДРАКОН

Герой Хидэсато заслужил благодарность от своего хозяина-дракона, победив его смертельного врага. Но другим людям, посетившим подводный дворец Короля-дракона, повезло куда меньше. В японской народной сказке⁷⁷, которая, предположительно, относится к VIII в., великодушный рыбак по имени Урасима Таро спас черепаху от жестоких издевательств детей. Черепаха захотела отблагодарить рыбака за его доброту и предложила отвезти его в далекий подводный дворец Короля-дракона. Когда они туда прибыли, черепаха раскрыла свое истинное происхождение — она оказалась принцессой по имени Ото-химэ, жившей в том дворце. И хотя дворец был великолепный, а красота принцессы — неземной, Урасима Таро отказался от предложения Ото-химэ навсегда остаться с ней в подводных владениях, потому что беспокоился о своих пожилых родителях. Рыбак выбрал свою семью, оставшуюся на берегу, вместо невесты-дракона и покинул дворец на дне моря. Однако, вернувшись в свою деревню, потрясенный Урасима обнаружил, что его трехдневный визит в морское царство на самом деле длился три столетия. Все, кого он раньше знал, давно умерли, и вскоре после возвращения в родную деревню в полном отчаянии он тоже встретил свою смерть.

Давным-давно в Японии, в провинции Танго, в маленькой рыбацкой деревушке жил молодой рыбак по имени Урасима Таро. Его отец тоже был рыбаком, от него Урасима унаследовал рыболовное мастерство и даже во многом превзошел его. Урасима считался самым искусным рыбаком в деревне: за один день мог поймать столько бонито и таи, сколько его товарищи ловили за неделю.

Но в маленькой рыбацкой деревушке он прослыл не только как умелый рыбак, но и как человек с большим добрым сердцем. За всю свою жизнь он никому не причинил вреда — ни большому, ни малому. А когда сам был ребенком, его товарищи смеялись над ним, потому что он никогда не играл с теми, кто мучил животных, и всегда старался удержать их от этого жестокого занятия.

Однажды, когда на землю спустились мягкие летние сумерки, он возвращался домой после дневной рыбалки, как вдруг наткнулся на группу ребят. Все они кричали и громко переговаривались, казалось, были чем-то очень взволнованы. Он подошел к ним, чтобы узнать, в чем дело, и увидел, что они мучают черепаху. Сначала один мальчик тянул ее влево, затем другой мальчик стал тянуть ее вправо, третий ребенок бил ее палкой, а четвертый стучал камнем по ее панцирю.

Урасиме стало безумно жаль бедную черепаху, и он решил спасти ее. Он обратился к ребятам:

— Послушайте, вы так плохо обращаетесь с этой несчастной черепахой, что она скоро умрет!

Мальчишки, уже вступившие в тот возраст, когда дети бывают безжалостны к животным, не обратили внимания на мягкий

Драконья принцесса. Гравюра Кацукавы Сюнсё, XVIII в.

упрек Урасимы и продолжили мучить бедное создание. Один из мальчиков постарше ответил:

— Кого волнует, выживет она или сдохнет? Нам все равно. Давайте продолжим!

И они стали издеваться с еще большей жестокостью. Урасима немного выждал, обдумывая, как лучше поговорить с детьми. Он решил убедить их отдать черепаху ему, поэтому улыбнулся и сказал:

— Я уверен, что вы хорошие, добрые ребята! Не отдадите ли вы мне черепаху? Мне бы так хотелось ее иметь!

— Нет, мы не отдадим тебе черепаху, — сказал один из мальчиков. — Почему это мы должны тебе ее отдать? Мы сами ее поймали.

— Да, это правда, — сказал Урасима, — но я не прошу отдать мне черепаху просто так. Я дам вам за нее немного денег. Вас же устроит такая оплата, ребята? — Он протянул им монеты, нанизанные на веревочку. — Послушайте, мальчики, на эти деньги вы можете купить все, что пожелаете. Они вам пригодятся гораздо больше, чем эта бедная черепаха. Будьте хорошими ребятами и послушайте меня.

По натуре эти озорники вовсе не были дурными или злыми, просто любили пошалить. Когда Урасима заговорил с ними, он покори́л их доброй улыбкой, обходительным поведением и мягкими словами — и они стали ему близкими по духу, как говорят в Японии. В конце концов все ребята подошли к нему, и их заводи́ла протянул ему черепаху.

— Очень хорошо, мы отдадим тебе черепаху, если ты заплатишь нам!

Урасима забрал животное и отдал монеты детям. Те убежали, оживленно перекликаясь между собой, и вскоре скрылись из виду.

Затем Урасима погладил черепаху по спине и сказал:

— Ах ты, бедняжка! Ах ты, бедненькая моя! Ну вот, теперь ты в безопасности! Говорят, что аист живет тысячу лет,

а черепаха — десять тысяч. Ты можешь прожить дольше любого существа на Земле, но тебе грозила большая опасность, эти жестокие мальчишки могли оборвать твою драгоценную жизнь. На твое счастье, я проходил мимо и спас тебя, сохранив твою жизнь. А сейчас я немедленно выпущу тебя в море. Больше не попадайся никому в руки: может случиться, что в следующий раз тебя некому будет спасти!

Так, за разговорами с черепахой добрый рыбак быстро дошел до берега и спустился к морю по скалам, затем опустил ее в воду и наблюдал за ней, пока животное не исчезло вдали. После этого он сам повернул домой, потому что устал, а солнце уже село.

На следующее утро Урасима, как обычно, вышел в море на своей лодке. Погода стояла прекрасная, море и небо были голубыми и спокойными в нежной дымке летнего утра. Урасима сел в лодку и задумчиво оттолкнулся от берега, забросив в море леску. Вскоре он миновал другие рыбацкие лодки, оставив их далеко позади себя. Они уже скрылись из виду, а его лодка уплывала все дальше и дальше по голубым волнам. В то утро, сам не зная почему, он чувствовал себя необычайно счастливым. Он невольно желал, чтобы, подобно черепахе, которую освободил накануне, мог бы прожить на земле тысячи лет, а не короткую человеческую жизнь, отпущенную ему при рождении.

Внезапно из задумчивости его вывел чей-то голос, окликнувший рыбака по имени:

— Урасима, Урасима!

Голос, произносивший его имя, ясный, как звук колокола, и мягкий, как летний ветер, разносился над спокойным морем.

Рыбак привстал и огляделся по сторонам. Он подумал, что одна из лодок обогнала его, но как ни всматривался в широкую водную гладь, ни вблизи, ни вдали не было никаких признаков лодки, так что это не был голос человека.

Пораженный рыбак в недоумении силился понять, кто или что могло назвать его по имени. Он еще раз огляделся по сторонам

и увидел, что к борту лодки незаметно подплыла черепаха. Урасима с удивлением обнаружил, что это была та самая черепаха, которую он спас накануне.

— О уважаемая черепаха, — сказал Урасима, — это ты только что назвала меня по имени?

Черепаха несколько раз кивнула и произнесла:

— Да, это была я. Благодаря твоему великодушному поступку вчера мне удалось спастись от неминуемой смерти, поэтому я пришла выразить тебе благодарность и сказать, как я ценю твою доброту ко мне.

— Не надо благодарности, — ответил Урасима, — ты очень любезна. Залезай ко мне в лодку. Я бы предложил тебе закурить, но ведь ты черепаха, и поэтому вряд ли куришь. — И рыбак рассмеялся своей шутке.

— Ха-ха-ха-ха! — засмеялась в ответ черепаха. — Я бы не отказалась от любимого рисового вина, если бы ты мне его предложил, но я действительно не любительница табака.

— Вот как, — сказал Урасима. — Очень жаль, что у меня в лодке нет рисового вина, я бы с удовольствием предложил тебе выпить. Но ты можешь просто залезть ко мне в лодку и погреть свою спину на солнышке — черепахи всегда любят так делать.

Рыбак помог черепахе забраться в лодку, и после традиционного обмена любезностями черепаха спросила:

— Дорогой Урасима, а ты когда-нибудь бывал в Рюгу-дзё, дворце морского Короля-дракона?

Рыбак покачал головой и ответил:

— Нет. Год за годом море было моим домом, но, хотя я часто слышал о подводном царстве Короля-дракона, я никогда еще своими глазами не видел этого чудесного места. Должно быть, это очень далеко отсюда. Если, конечно, такое место вообще существует!

— Вот как! Ты никогда не видел подводный дворец морского царя? Тогда ты пропустил одно из самых замечательных зрелищ

во всей Вселенной. Да, это место далеко отсюда, на самом дне моря, но, если я отвезу тебя туда, мы скоро доберемся до цели. Если ты хочешь взглянуть на владения морского царя, я могу тебя туда проводить.

— Конечно, я бы хотел отправиться туда, и с твоей стороны это очень великодушно — взять меня с собой. Но ты же понимаешь, что я всего лишь бедный смертный и не умею плавать, подобно морскому существу, как ты.

Рыбак собирался еще что-то добавить, но черепаха остановила его:

— Но тебе совсем не обязательно уметь плавать. Если сядешь мне на спину, я живо домчу тебя туда без всяких проблем.

— Но, — спросил Урасима, — как я смогу уместиться на твоей маленькой спине?

— Хотя в это трудно поверить, уверяю тебя, это возможно. Просто попробуй! Забирайся мне на спину — и ты убедишься, как удобно будет сидеть на ней!

Когда она закончила говорить, Урасима взглянул на ее панцирь и, к своему великому удивлению, заметил, как сильно черепаха увеличилась в размерах: теперь человек мог легко разместиться на ее спине.

— Как странно! В этом случае, уважаемая черепаха, с твоего любезного разрешения я принимаю твое приглашение. Я согласен! — воскликнул он, запрыгивая к ней на спину.

Черепаха совершенно невозмутимо, как будто это необычное происшествие было самым заурядным событием, сказала:

— А теперь, с твоего позволения, мы двинемся в путь-дорогу. — С этими словами черепаха прыгнула в море с Урасимой на спине и нырнула глубоко-глубоко.

Очень долго эта необычная пара плыла по морю. Урасима совсем не устал, и его одежда не намокла от воды. Наконец вдалеке показали величественные ворота, а за ними на горизонте виднелись длинные покатые крыши дворца.

— Ух ты, — воскликнул Урасима, — это похоже на ворота какого-то большого дворца! Уважаемая черепаха, скажи мне, что это за место мы сейчас видим?

— Это большие ворота дворца Рюгу-дзё. А большая крыша, которая виднеется за воротами, — это сам дворец морского царя.

— Ну наконец-то мы прибыли во владения морского царя и в его дворец, — сказал Урасима.

— Так и есть, — ответила черепаха. — А тебе не кажется, что мы доплыли сюда довольно быстро? — За разговорами черепаха и рыбак добрались до самых ворот. — Мы прибыли, теперь можешь слезть с моей спины и пойти пешком.

Черепаха приблизилась к воротам и обратилась к привратнику:

— Это Урасима Таро из Японии. Я имела честь привезти его как гостя в это царство. Пожалуйста, проводите его.

Привратник в образе рыбы провел их через ворота, которые сразу же распахнулись перед ними.

Придворные рыбы — красный лещ, камбала, палтус, каракатица — и все главные вассалы морского Короля-дракона вышли с учтивыми поклонами, чтобы приветствовать прибывшего незнакомца.

— Урасима-сан, Урасима-сан! Добро пожаловать в подводный дворец, дом морского Короля-дракона. Трижды приветствуем тебя, гостя из такой далекой страны. Мы все в большом долгу перед тобой, уважаемая черепаха, за твои старания и за то, что ты доставила к нам Урасиму. — Затем, снова повернувшись к Урасиме, они сказали: — Пожалуйста, следуй за нами. — И отсюда уже в сопровождении многочисленной свиты из рыб Урасима направился дальше.

Урасима был всего лишь бедным рыбаком, он не знал правил придворного этикета, но, к своему удивлению, не испытывал стыда или смущения, а совершенно спокойно следовал за своими добрыми проводниками, которые вели его внутрь дворца.

Морской дракон на японской гравюре

Когда он подошел к дверям во внутренние покои, прекрасная принцесса в сопровождении своих прислужниц вышла поприветствовать его.

Она была красивее любой земной женщины. Принцесса была облачена в струящиеся одежды красного и нежно-зеленого цвета, какой бывает в глубине морской волны, и золотые нити мерцали сквозь складки ее платья. Ее прекрасные черные волосы струились по плечам — когда-то, много сотен

лет назад, царские дочери так причесывали волосы. Когда она заговорила, ее голос звучал словно музыка над волнами. Восхищенный Урасима засмотрелся на нее и потерял дар речи. Затем он вспомнил, что по этикету должен поклониться, но, прежде чем он успел склонить голову, принцесса взяла его за руку, повела в красивый зал, к почетному месту в верхней части помещения, и велела ему сесть.

— Урасима Таро, мне доставляет величайшее удовольствие приветствовать тебя в царстве моего отца, — сказала принцесса. — Вчера ты освободил черепаху, и я послала за тобой, чтобы поблагодарить тебя лично за то, что ты спас меня от неминуемой смерти, потому что той черепахой была я сама. Тебе стоит только захотеть — и ты останешься жить здесь, в стране вечной молодости, где лето продолжается круглый год и куда никогда не приходит печаль. Только скажи да — и я стану твоей невестой, и мы будем жить вместе вечно в счастливом браке!

Когда Урасима слушал ее сладкие речи и смотрел на ее прекрасное лицо, его сердце наполнялось великим удивлением и радостью. На мгновение ему даже показалось, что он видит сказочный сон. И он так ответил принцессе:

— Тысячу раз благодарю тебя за твои добрые слова. Я ничего не желаю больше, чем остаться с тобой в этой прекрасной стране, о которой я часто слышал, но никогда доныне не видел. Трудно описать словами, что я чувствую, но это самое замечательное место, в котором я когда-либо бывал.

Пока он так говорил, появилась вереница рыб, одетых в церемониальные одежды со шлейфом. Одна за другой, храня молчание, величественно придворные рыбы всплывали в зал и несли на коралловых подносах деликатесы из рыбы и морских водорослей — такие блюда, о которых можно только мечтать. И этот чудесный пир был устроен в честь жениха и невесты.

Свадьбу отпраздновали с ослепительной пышностью, все подданные во владениях морского царя радовались и ликовали.

Как только молодая пара дала клятву друг другу, по очереди трижды выпив sake из трех свадебных чашек, заиграла музыка, зазвучали песни и рыбы с серебряной чешуей и золотыми хвостами вышли из волн и начали танцевать. Урасима наслаждался этим зрелищем от всего сердца. Никогда еще за всю свою жизнь он не участвовал в такой чудесной трапезе.

По окончании пиршества принцесса спросила жениха, не хочет ли он прогуляться с ней и осмотреть дворец. Счастливый рыбак последовал за своей невестой, дочерью морского царя, и она показала ему все чудеса этой волшебной земли, где молодость и радость идут рука об руку, где ни время, ни старость не могут их коснуться. Дворец был построен из кораллов и украшен жемчугом, а владения морского царя были полны таких красот и чудес, что ни в сказке сказать ни пером описать.

Но сад, окружавший дворец, показался Урасиме еще чудеснее и удивительнее, чем сам дворец. Здесь можно было одновременно наблюдать четыре времени года: в этом саду потрясенный гость мог сразу лицезреть красоты лета и зимы, весны и осени.

Сначала, взглянув на восток, он увидел цветущие весной сливовые и вишневые деревья. Соловьи пели в розовых аллеях, а бабочки порхали с цветка на цветок.

На юге царствовало лето, зеленели леса; днем в них громко пели цикады, а ночью оглушительно стрекотали сверчки.

На западе осенние клены пылали, как закатное небо, а цветущие хризантемы поражали своей совершенной красотой.

Бросив взгляд на север, Урасима вздрогнул от разительной перемены: земля была укрыта серебристо-белым снежным покровом, деревья и бамбук тоже стояли в снегу, а пруд был скован толстым слоем льда.

Каждый день приносил Урасиме новые радости и новые чудеса. Так велико было его счастье, что он забыл обо всем на свете, даже о доме, который оставил, и о своих престарелых родителях, и о далекой родине. Незаметно промелькнули три дня, в которые

он ни разу не вспомнил о своей прошлой жизни, о покинутой семье... Затем разум вернулся к нему, Урасима вспомнил, кто он такой и откуда родом. Вспомнил он и то, что не принадлежит этой чудесной земле и дворцу морского царя. И тогда он сказал себе: «Великий Боже! Я уже достаточно здесь погостил и должен вернуться назад, потому что дома меня ждут старые отец и мать. Что могло с ними случиться за время моего отсутствия? Как они? Должно быть, они волновались, когда я не вернулся с рыбалки, как обычно. Мне нужно сейчас же возвратиться домой, не медля ни единого дня». И он начал торопливо готовиться к путешествию назад.

Урасима пришел к своей прекрасной жене-принцессе и, низко поклонившись ей, сказал:

— Я долго наслаждался счастьем с тобой, Ото-химэ-сама, и это чистая правда. Невозможно описать словами, как ты была добра ко мне. Но теперь пришло время попрощаться с тобой. Я должен вернуться к своим старым родителям.

Тогда Ото-химэ-сама заплакала и произнесла тихо и печально:

— Разве тебе не нравится здесь, Урасима-сан? Почему ты хочешь так скоро покинуть меня? К чему такая спешка? Остаешься со мной еще хотя бы на день!

Но мысль о старых родителях не давала Урасиме покоя. В Японии долг перед родителями сильнее всех остальных обязанностей и чувств, он превосходит по силе даже удовольствия или любовь. Поэтому Урасима был непреклонен в своем решении, и его трудно было переубедить.

— Но мне действительно нужно уйти. Не думай, что я хочу оставить тебя. Дело не в этом. Просто я должен проведать своих старых родителей. Отпусти меня на один день — и я вернусь к тебе назад.

— Ну что же, — печально ответила принцесса, — ничего не поделаешь. Сегодня я отправлю тебя обратно к твоим отцу и матери. Вместо того чтобы пытаться удержать тебя еще хотя

бы на день, я подарю тебе кое-что в знак нашей любви. Пожалуйста, возьми этот подарок с собой.

И она вручила ему красивую лакированную шкатулку, перевязанную шелковым шнуром с кисточками из красного шелка. Урасима пользовался таким вниманием во дворце принцессы, что почувствовал угрызения совести, получая от нее шкатулку, поэтому сказал:

— Мне очень неудобно принимать от тебя еще один подарок после всех многочисленных милостей, которыми меня осыпали в твоём дворце. Но поскольку это твоё желание, я не буду перечить и приму этот дар. — А затем он добавил: — Скажи мне, что это за шкатулка?

— Это, — ответила принцесса, — шкатулка для драгоценных камней, и в ней хранится кое-что очень ценное. Но ты *никогда* не должен открывать эту шкатулку, что бы ни случилось! Если ты откроешь ее, с тобой случится непоправимая беда! А теперь пообещай мне, что ты *никогда* не откроешь эту шкатулку!

И Урасима пообещал, что он никогда, ни при каких условиях не откроет шкатулку, что бы ни случилось.

Затем, попрощавшись с Ото-химэ, он спустился на берег моря, где большая черепаха уже ожидала его. Он быстро забрался ей на спину, и черепаха помчала его над сверкающим морем на восток. Он долго оглядывался и махал рукой Ото-химэ, пока не перестал различать ее силуэт, а владения морского царя и крыши чудесного дворца не затерялись вдали. Затем, с нетерпением повернувшись лицом в направлении родной земли, он наконец увидел возвышающиеся на горизонте голубые холмы.

Вскоре черепаха доставила его в хорошо знакомую бухту, к берегу, откуда он когда-то отправился в путешествие. Он ступил на сушу и огляделся по сторонам, а черепаха, распрощавшись с ним, двинулась обратно во владения морского царя.

Но что за неизъяснимый страх охватывает Урасиму, пока он стоит, оглядываясь? Почему он так пристально смотрит

на людей, проходящих мимо него? И почему они останавливаются, чтобы взглянуть на него? Берег вроде бы тот же, и холмы те же, но он совершенно не узнаёт прохожих, которых встречает по пути, он не видит ни одного знакомого лица.

Гадая, что все это может означать, он быстро идет к своему старому дому. Но даже дом выглядит иначе, хотя и стоит на прежнем месте. Подойдя к дому, он зовет:

— Отец, вот я и вернулся! — И уже собирается войти внутрь, как вдруг из дома ему навстречу выходит незнакомый мужчина.

«Возможно, за время моего отсутствия родители переехали в другое место», — подумал рыбак, но в этот момент его охватило странное беспричинное беспокойство.

— Извините меня, — сказал он мужчине, который пристально смотрел на него, — но до последнего времени я жил в этом доме. Меня зовут Урасима Таро. Куда делись мои родители, которых я здесь оставил?

На лице мужчины появилось растерянное выражение, и, все еще пристально вглядываясь в лицо Урасимы, он сказал:

— Что? Вы сказали, ваше имя Урасима Таро?

— Ну да, — подтвердил рыбак, — я Урасима Таро!

— Ха-ха! — засмеялся мужчина. — Вы, наверное, шутите. Действительно, когда-то в этой деревне жил человек по имени Урасима Таро, но это было триста лет назад. Он не может быть до сих пор жив!

Когда Урасима услышал эти странные слова, он испугался и сказал:

— Пожалуйста, прошу вас, не нужно так шутить со мной, я и так нахожусь в замешательстве. Но я действительно Урасима Таро, и, естественно, я никак не мог бы прожить триста лет. Всего каких-то четыре или пять дней назад я жил в этом доме. Пожалуйста, вы не могли бы ответить на мои вопросы без глупых шуток?

Но лицо мужчины становилось все мрачнее и серьезнее, и наконец он ответил:

— Ты можешь быть или не быть Урасимой Таро, я не знаю. Но Урасима Таро, о котором я слышал, — это человек, живший здесь триста лет назад. Может быть, ты его дух, вновь посетивший свой старый дом?!

— Почему ты смеешься надо мной? — спросил Урасима. — Я не призрак! Я живой человек. Разве ты не видишь, что у меня есть ноги?! — И в доказательство своих слов он топнул по земле сначала одной ногой, а затем другой*.

— Но Урасима Таро жил триста лет назад! Это все, что мне известно. Так написано в деревенских хрониках, — настаивал мужчина, который не мог поверить словам рыбака.

Урасиму охватили замешательство и тревога. Он стоял, потерянно озираясь по сторонам. Он заметил, как и правда изменилось все вокруг по сравнению с тем, что он видел в последний раз, перед тем как покинуть родину. Его одолело ужасное предчувствие: слова собеседника могли быть правдой. Казалось, он видел странный сон. Те несколько дней, которые он провел в далеком дворце морского царя, вовсе не были днями. За время его отсутствия прошли сотни лет, и его родители умерли, и все люди, которых он когда-то знал, тоже ушли из жизни, а его историю записали в деревенских хрониках. Остаться здесь больше не имело смысла. Он должен вернуться к своей прекрасной жене на морское дно.

Он вновь пришел на берег моря. Но как найти путь в морской дворец? Он не сможет обнаружить его в одиночку! Внезапно он вспомнил о шкатулке для драгоценностей, которую дала ему принцесса: «Когда принцесса давала мне эту шкатулку, она сказала, чтобы я никогда ее не открывал и что в ней хранится очень ценная вещь. Но теперь, когда я лишился дома, когда я потерял здесь все, что было мне дорого, и мое сердце сжимается от печали, думаю, наступило самое подходящее время открыть

* В японском фольклоре призраки изображаются без ног или ступней.

шкатулку. Я наверняка найду в ней что-то, что поможет мне, укажет путь к моей прекрасной морской принцессе. Мне больше ничего не остается. О да, я открою шкатулку и загляну внутрь!»

Его сердце боролось с искушением, но он пытался убедить себя, что поступает правильно, нарушая обещание, данное принцессе.

Не торопясь, очень медленно он развязал красный шелковый шнурок и с любопытством поднял крышку драгоценной шкатулки. И что же он там обнаружил? Не поверите: лишь красивое маленькое фиолетовое облачко, которое поднялось из шкатулки тремя мягкими клубами дыма. На мгновение это облако закрыло его лицо и окутало его, словно не желая уходить, а затем уплыло в небо, рассеявшись туманом над морским простором.

Урасима, который до этого момента выглядел как сильный и красивый юноша двадцати четырех лет, внезапно сильно состарился. Его спина от возраста согнулась пополам, голова покрылась снежно-белой сединой, лицо сморщилось, его избороздили глубокие морщины. Он замертво упал на берегу.

Бедный Урасима! Он не повиновался и нарушил обещание и теперь никогда не сможет вернуться во владения морского царя к своей прекрасной принцессе.

Маленькие дети, никогда не будьте непослушными, не нарушайте данные обещания и всегда слушайте тех, кто мудрее вас, ибо непослушание было и остается началом всех несчастий, бед и печалей в жизни.

ЧАСТЬ IX

ЗДЕСЬ ЖИВУТ ДРАКОНЫ:
ОБИТАЛИЩА ЧУДОВИЩ
РАННЕГО НОВОГО
ВРЕМЕНИ

Глобус Ханта — Ленокса, созданный в 1504 г., — одна из первых известных нам попыток разработать трехмерную модель Земли. На глобусе у восточного побережья Азии художник оставил надпись по латыни *Hic Sunt Dracones* («Здесь драконы»), что совсем не вписывалось в традиционные европейские представления о местах обитания этих чудовищ. Перекликаясь с мнением древних и средневековых авторитетов, которые селили драконов в отдаленных местах, таких как Африка и Индия, эта причудливая надпись изгнала драконов в самые глухие уголки Азии. Эпоха раннего Нового времени (ок. 1500–1800) — это период глобальных географических открытий и развития торговли,

Лесной дракон на иллюстрации Марины Клейман

и даже чудовищным рептилиям пришлось отступить под натиском безжалостной цивилизации.

И вместе с тем увлечение драконами росло по мере того, как сокращался ареал их обитания. Натуралисты с удовольствием сообщали о встречах с чудовищами в отдаленных болотах и пустынных горных массивах, а букинисты собирали и издавали объемистые труды о драконах, почерпнутые из анналов древних и средневековых авторов, и приправляли свои публикации слухами о современных наблюдениях. Самые свежие сообщения о встречах с драконами поступали из американской глубинки. В конце XIX в. драконы обосновались преимущественно на бесплодных землях Аризоны и в густых лесах Калифорнии. А где еще они могли спрятаться, если мир оказался почти полностью лишен тайн из-за неумолимого умножения человеческих знаний?

СТРАННЫЙ — НО ТЕПЕРЬ ОН НАШ СОСЕД

Брошюры и листовки с жуткими историями о появлении странных существ и чудовищ нередко можно было увидеть в Англии раннего Нового времени⁷⁸. Одна такая брошюра о молодом, но крайне опасном драконе, жившем в лесу в Сассексе, вызвала значительный интерес в XVII в. Эта история была опубликована в 1614 г. Джоном Трандлом (1575–1629), «пожалуй, самым предприимчивым и беспринципным издателем эпохи правления первых Стюартов»⁷⁹. Сообщение взволновало и переполошило городских читателей, в нем говорилось об ужасном змее, который оставлял за собой след из «липкой и скользкой субстанции» и плевался ядом в людей и собак, если они имели неосторожность приблизиться к нему. Хотя змей представлял большую угрозу для кроликов, нежели для жителей деревни Хоршам, рассказчики этой истории опасались, что монстр в скором времени обзаведется крыльями и станет по-настоящему опасным для

соседних общин. Разумеется, лондонской аудитории Трандла было трудно усомниться в достоверности этой небылицы, поскольку описываемые события происходили в глухих лесах Сассекса, вдали от человеческих жилищ.

В Сассексе есть симпатичный торговый городок под названием Хоршам, по соседству с которым располагается лес, именуемый Сент-Леонардс. Говорят, что там, в обширном и малолюдном месте, на вересковой пустоши, полной странных теней, среди заросших лощин родился этот змей. Существует масса доказательств, что он, вне всяких сомнений, по-прежнему живет в этом лесу. Обычные места, где встречается этот змей, находятся в пределах трех или четырех миль, часто его видят в местечке под названием Фейгейт, а еще он появлялся в полумиле от Хоршама. Ясно одно: это чудовище представляет собой самую ужасную неприятность для местных жителей.

Когда змей ползет по тропинке, за ним всегда тянется след из липкой слизи (вроде той, что оставляет ползущая улитка). Эта слизь издает тухлый, даже гниlostный запах, вдобавок она каменеет, когда высыхает, что тоже представляет опасность. Разлагаясь, она не сможет поразить кожные покровы человека, но при попадании в кровь будет смертельно опасной. Кроме того, как утверждают все авторы, пишущие на эту тему, если пары от разложения этой слизи попадают в организм человека при вдыхании через любой из органов (рот или нос), они становятся смертоносными, ибо, как говорил древнеримский поэт Лукан, *«яд змей смертелен только тогда, когда смешивается с кровью»*⁸⁰.

Змей, или дракон, как некоторые его называют, по слухам, имеет в длину девять футов, если не больше*, а своей формой напоминает ось телеги: в середине его толщина больше, а с обоих

* 2,7 метра.

концов несколько меньше. Передняя половина туловища, которую он выдвигает вперед как шею, имеет в длину один локоть, вокруг шеи расположено белое кольцо, покрытое чешуей. Чешуя вдоль его спины кажется черноватой, а чешуя под брюхом — красной. Я говорю «кажется», потому что очевидцы могли его рассматривать, лишь находясь на разумном расстоянии, чтобы не подвергать свою жизнь опасности. Ибо те, кто отважился подойти к змею поближе, заплатили слишком дорогую цену, о чем мы расскажем позже.

Также утверждают, что у змея большие ноги, но, возможно, это обман зрения, ибо многие полагают, что у змеев нет ног, так как они скользят с помощью особых ребер и чешуи, которые защищают их от верхней части горла до нижней части живота, а также помогают двигаться намного быстрее. Так оно и есть, и змей при движении может развивать такую же скорость, как бегущий человек. Морда его имеет надменное выражение, и, когда он видит и слышит людей или скот, он поднимает шею прямо вверх и, кажется, слушает и смотрит вокруг с высокомерием. Точно так же по обе стороны его туловища можно заметить два горба размером с большой футбольный мяч, и, как думают некоторые, со временем из них вырастут крылья. Но я надеюсь, Господь Бог защитит бедных людей, живущих по соседству, и уничтожит это чудовище до того, как у него прорежутся крылья.

Змей может плевать ядом на расстояние примерно в четыре рода*, и тому есть печальные доказательства: уже были найдены мертвые тела мужчин и женщин, имевших несчастье пройти рядом с ним. Трупы сильно опухли от действия яда, люди погибли явно от отравления, но убиты они были не ради добычи. Другой мужчина собирался преследовать змея, чтобы уничтожить его, он отправился охотиться на чудовище с двумя мастифами,

* Род — единица меры земли, равная примерно 5 метрам.

не подозревая о большой опасности, ожидавшей его. Обоих его собак убил змей, а сам охотник поспешил оставить эту затею и спастись бегством, чтобы сохранить собственную жизнь. Следует отметить, что змей на собак не охотился, а просто убил и оставил их трупы нетронутыми. Считается, что его пища находится по большей части на кроличьих фермах, которые он повадился посещать. Однако поголовье кроликов все время уменьшается, и скоро змею не будет хватать его излюбленной пищи в тех объемах, которые он имеет обыкновение себе позволить.

Люди, чьи имена напечатаны ниже, воочию видели этого змея, но есть и другие очевидцы. Например, перевозчик из Хоршама, который квартирует в «Белой лошади» в Саутуорке, тоже может подтвердить истинность всего, о чем здесь было рассказано.

Джон Стил.

Кристофер Холдер.

И вдова, живущая неподалеку от Фейгейта.

МИР ПОЛОН ДРАКОНОВ

Ни один из драконоведов раннего Нового времени не относился к науке с такой энергией и энтузиазмом, как английский священник Эдвард Топселл (ок. 1572–1625), который особенно интересовался естествознанием и зоологией. Неустанный исследователь древней и средневековой истории, Топселл составил два объемистых иллюстрированных сборника: «История четвероногих бестий» (1607) и «История гадов» (1608)⁸¹. Обе книги были настолько популярны, что переиздавались на протяжении всего XVII в.

Топселл подходил к своей работе с необычайной тщательностью, он не боялся ссылаться на описания мифологических существ, таких как горгоны и мантикоры. Неудивительно, что многие страницы книги посвящены описанию змей и их более крупных родственников — драконов. Топселл отнюдь

не восторгался этими чудовищами, но они его завораживали, поэтому он собрал всевозможную информацию о физических характеристиках и местах обитания драконов и поделился историями об их взаимодействии с людьми и другими животными — как союзниками, так и противниками. Результатом его трудов стал, бесспорно, самый длинный до нашего времени трактат об истории драконов в западной традиции.

О ДРАКОНЕ

Ни один вид змей на земле не может сравниться с драконом, и ни один вид не предлагает исследователю столько ценного исторического материала о нем. Поэтому здесь я уделю больше времени его описанию, чтобы читатель впредь мог сэкономить время и не стал бы впоследствии обращаться к другим авторам в поисках историй о драконах. Я сделаю все возможное, дабы не упустить ничего, что может послужить моей цели подробно описать природу и нравственное поведение этой змеи. Я постараюсь сделать чтение приятным, для чего буду приводить разнообразные истории. Приготовьтесь к длинным описаниям — я не могу этого избежать, но постараюсь сделать изложение интересным, чтобы бы вы получили удовольствие от чтения (ежели мое перо поможет мне в творческом самовыражении). Надеюсь, интересные факты и легкий слог смогут компенсировать утомительность длинного повествования.

Существуют различные виды драконов, которые отличаются отчасти страной обитания и происхождения, отчасти своим числом и размером, а отчасти формой своих членов... Поверья утверждают, что драконы — величайшие из змеев и что пока змея не съест змею, она не станет драконом, ибо считается, что они стали такими великими, потому что пожирали себе подобных. И действительно, в Эфиопии они вырастают до тридцати ярдов

Иллюстрация к средневековому изданию книги «История Александра Великого», псевдоисторического греческого романа, предположительно написанного ок. II–I веков до н.э. неизвестным автором

в длину*, и этих драконов там называют не иначе как убийцами слонов, и живут они там очень долго.

Онесикрит** пишет, что один индус по имени Аписисарес вскормил двух змеев-драконов, из которых один был длиной шесть и сорок локтей, а другой — восемьдесят. Существует

* Около 27,5 метра.

** Онесикрит (ок. 360—290 гг. до н. э.) — историк-эллинист, который сопровождал Александра Македонского в походе, а позже написал историю о нем.

известное подтверждение этого факта. Онесикрит был верным наставником Александра Македонского и сопровождал его в Индию. Во время пребывания в Индии он предлагал царю пойти взглянуть на этих драконов, но Александр отказался, испугавшись.

Летописцы событий на острове Хиос* отмечают, что в долине, расположенной недалеко от подножия горы Пелинеон, находилась лощина, в которой росли прямые высокие деревья. Именно там родился дракон удивительного размера. Это чудовище одним только жутким шипением приводило в ужас всех жителей Хиоса, и не было человека, который осмелился бы приблизиться к нему, чтобы внимательно рассмотреть и изучить. Люди могли судить о его размере лишь по громкому шипению, пока им, наконец, не представился случай узнать дракона лучше. Но история эта имела трагический конец и осталась в памяти потомков.

Это случилось во время страшного урагана, повалившего все деревья в лесу. От огня молнии загорелись ветви, начался пожар, охвативший лес вокруг. Пламя окружило дракона со всех сторон, лишив его возможности спастись, горящие деревья обрушились на него и сожгли. После того как пожар полностью уничтожил все, что скрывало дракона, люди смогли увидеть его останки и представить его внешний вид. Они обнаружили его голову и множество костей, которые были такой необычайной величины, что находка эта в достаточной степени подтвердила их прежнее представление о нем. Таким образом, свершилось божественное чудо: был уничтожен дракон, которого никогда ни один смертный не видел живым, а жители острова Хиос благополучно избавились от страха, зародившегося в их сердцах.

* Хиос — остров в северной части Эгейского моря у западного побережья Турции.

Также сообщают, что Александр Македонский во время своего похода в Индию среди многих других зверей увидел в одном логове дракона длиной в семьдесят локтей. Индусы почитали его как священное животное и поэтому просили Александра не причинять ему вреда*. Когда дракон подал голос, громко выдохнув, он привел в ужас всю армию Александра. Воины не смогли оценить пропорции его тела целиком, так как видели только одну голову, но уже по ее размеру они составили представление о длине всего туловища, ибо один лишь глаз дракона размером был со щит Македонского**. Максим Тирский описывает еще один невероятный факт. Оказывается, во времена Александра в Индии якобы обитал дракон шириной в пять рудов***. Историк также утверждает, что индусы каждый день скормливали ему множество быков и овец. Возможно, упоминается один и тот же дракон, о котором мы писали ранее, просто некоторым невежественным рассказчикам свойственно преувеличивать сверх меры, и потому им вряд ли стоит доверять.

Известно, что драконы рождаются в Индии и Африке, но самые большие из них обитают в Индии, ибо говорят, что в Эфиопии, Нубии и Гесперии длина драконов ограничивается размером в пять и двадцать локтей. Во времена царя Эвергета**** в Египет было привезено три дракона, один был длиной в девять локтей, и его с большой осторожностью кормили в храме

* Легенды о приключениях Александра Македонского были широко распространены в Средние века — и на латыни, и в переводе на местные языки. В средневековых рукописях часто освещались его встречи с драконами.

** Александр использовал баклер — небольшой круглый щит, обычно 20–40 сантиметров в диаметре.

*** Максим Тирский — греческий философ конца II в. н. э. Руд — архаичная единица измерения земли, равная по длине одной четверти акра. Поскольку сторона одного равностороннего акра равняется приблизительно 209 футам, Максим описывает змею длиной чуть более 50 футов (15 метров).

**** Имя Эвергет («Благодетель») носили несколько эллинистических правителей, поэтому сузить временную привязку Топселла довольно проблематично.

Эскулапа^{*}, а два других были длиной в семь локтей. Рядом с местом, где когда-то была построена Вавилонская башня, обитает огромное количество драконов, а «в равноденствии», как пишет Никифор Каллист^{**}, обитают змеи толщиной с бревно, в доказательство чего их шкуры доставляли в Рим. И поэтому неудивительно, что святой Августин утверждает в 148-м псалме, что «драконы — это определенно великие животные, и нет никого на земле, кто превзошел бы их размером»⁸². Также не следует считать невероятным, что солдаты Аттилия Регула^{***} действительно убили дракона длиной в сто двадцать футов или что драконы, обитающие в логовищах горной цепи Атлас, умудряются вырастать настолько большими, что с трудом могут передвигать переднюю часть своего тела. Я мог бы еще рассказать вам о драконах, обитающих в Эмодских горах, или в горах Арьежа, или в индийском Дахинабаде, или в восточных областях, или о том драконе длиной в пятьдесят локтей, которого Август публично показывал жителям Рима, или о тех драконах, которые обитают в пещерах на южных склонах гор в Альпах. Перечисленных мною фактов будет достаточно, чтобы показать, что драконы многочисленны и что они проживают в разных частях мира. Кроме того, встречаются и другие виды драконов, о которых я не могу не упомянуть, и прежде всего это драконы Эпидавра^{****}, обитающие не где-нибудь, а в этой стране. Их приручают, они имеют желто-золотистую окраску, и по той причине их посвящают Эскулапу.

В Македонии живут и другие виды ручных драконов, они настолько покорные и смиренные, что женщины кормят их своей

^{*} Эскулап — бог медицины и исцеления, его имя часто ассоциируется со змеями. Символ его жезла, обвитого змеей, до сих пор используется в качестве логотипа медицинских учреждений

^{**} «Равноденствие» — это экватор. Никифор Каллист Ксанфопул (ок. 1256 — ок. 1335) — церковный историк, работавший в Византии в течение нескольких десятилетий около 1300 г.

^{***} Историю о Регуле и драконе из реки Баграда см. выше.

^{****} Эпидавр был небольшим греческим городом на западе Пелопоннеса.

грудью, как маленьких детей. Человеческие детеныши также играют с ними, катаются на них и щиплют, как домашних собак, без всякого вреда для себя, и даже спят с ними в одной кровати... Если говорить об индийских драконах, то стоит упомянуть два вида, один из которых — фенни, живущие на болотах. Они медлительны, и на их головах отсутствуют гребни — признак, присущий женским особям. Другой вид проживает в горах, они крупнее по размеру и отличаются большей сообразительностью. На голове у них имеются гребни, их спины коричневого цвета, а тела менее чешуйчатые, чем у болотного вида. Когда они спускаются с гор на равнину, чтобы поохотиться, их не останавливают ни болота, ни бурные воды, они с готовностью бросаются в опасные авантюры. И поскольку их тела длиннее и сильнее, чем у фенни, они отбирают у них мясо и лишают болотных драконов добычи. Некоторые из них имеют желтовато-огненную окраску, а также острые спины, похожие на пилы, также у них есть бороды, а чешуя блестит, как серебро. Их глазные яблоки похожи на драгоценные камни и сияют ярким огнем. По слухам, они помогают излечивать от многих болезней и поэтому приносят охотникам и убийцам драконов немалую выгоду, так же как и шкура, и зубы этих рептилий. Охотники подстерегают драконов, когда те спускаются с гор в долины для охоты на слонов, и тогда убивают сразу и слонов, и драконов.

Их конечности огромны и напоминают конечности гигантской свиньи, но их тела более стройные, они гибко извиваются в любую сторону. Их морды очень мощные, как у самых крупных хищных рыб; их бороды имеют желто-золотистый цвет, а щеки заросли густой щетиной; обычно у горных драконов глаза посажены глубже, чем у болотных. По виду они очень свирепые и мрачные, а когда передвигаются по земле, из-под их век доносится звук, очень похожий на звучание медных тарелок. А иногда драконы отваживаются входить в море и ловить рыбу.

О КРЫЛАТОМ ДРАКОНЕ

Существует разновидность драконов, у которых есть крылья и нет ног, а у некоторых есть и ноги, и крылья, и даже встречаются такие, которые не имеют ни ног, ни крыльев, но зато отличаются от обычных змеев наличием гребня на голове и бороды, растущей под щеками.

Святой Августин утверждает, что драконы обитают в глубоких пещерах и полых впадинах в земле и что иногда, почувствовав влагу в воздухе, они покидают свои убежища и, взмахивая крыльями, будто веслами, оставляют землю и взлетают ввысь. Их крылья, кожистые и очень легкие, способны широко расправляться, чтобы переносить тело дракона по воздуху...⁸³ [Ученые авторы, как и античные поэты] утверждают, что тело дракона черного цвета, брюхо у него зеленоватое, на него очень приятно смотреть, а во рту у него тройной ряд зубов на каждой челюсти, что он обладает очень четким зрением и яркими глазами, красоту которых многие поэты воспевали в своих произведениях, и что эти драконы бдительно стерегут сокровища. У них также есть две складки красного цвета, свисающие вниз из-под подбородка, словно борода, их тела сплошь покрыты очень острой чешуей, а над их глазами размещаются подвижные веки. Когда они широко раскрывают пасть и высовывают язык, можно увидеть ряд зубов, очень похожих на зубы диких свиней. А на их шеях в избытке растут густые волосы, очень похожие на щетину дикого кабана.

Пасть у них очень маленькая (особенно у самых приручаемых драконов), ненамного больше размера трахеи, через которую они втягивают воздух. Они наносят раны противнику не пастью, а своими хвостами, которыми бьют лишь тогда, когда разозлятся. Но у индийских, эфиопских и фригийских драконов, напротив, очень широкие пасти, и они часто заглатывают птиц и животных целиком. Их язык раздвоен, даже может показаться,

что у них два языка. Исследователи драконов утверждают, что у них по пятнадцать зубов с каждой стороны. У самцов на голове есть гребни, а у самок их нет, также самки отличаются от самцов отсутствием бороды.

У них отлично развито и зрение, и слух, и название *дракон* происходит от *Derkein*. Это отчасти объясняет, почему Юпитер, великий бог язычников, превратился в дракона, о чем повествует следующая история. Влюбившись в Прозерпину, он соблазнил ее, явившись в облике дракона и покрыв ее витками своего тела. По этой самой причине народ Сабазия* в своих мистериях и жертвенных церемониях приносит жертвы в форме дракона, свернувшегося спиралью. Когда Церера зачала от Юпитера ребенка, он явился ей в облике быка. Юпитер также ввел в заблуждение ее дочь Прозерпину, придя к ней в облике дракона, но об этих превращениях мы поговорим позже. По моему разумению, подобные представления и верования исходят в первую очередь от африканцев, считавших, что изначально драконы произошли в результате противоестественного соития орла с волчицей. Говорят, что в результате такой связи волчица не рождает волчонка, как задумано природой, но ее брюхо разрывается, и на свет выходит дракон, который клювом и крыльями напоминает своего отца орла, а ногами и хвостом — свою мать волчицу, а шкура его не взята ни у одного родителя. Однако исследователи уже давно подвергли сомнению подобную мифическую гипотезу о происхождении дракона.

Драконы питаются фруктами и травами либо любимыми ядовитыми существами, поэтому они могут долго прожить без пищи, а когда они едят, их нелегко насытить. Они больше всего толстеют, поедая яйца, а при пожирании яиц применяют особый способ. Если это большой дракон, он проглатывает яйцо целиком, а затем ложится на брюхо, в результате яйцо в его животе раздавливается

* Имеются в виду жители Фригии (Сабазий — верховный бог фригийцев).

Средневековый исламский изобретатель и астроном Исмаил аль-Джазари в своей «Книге знаний об остроумных механических устройствах» предложил объединить враждующих слона и дракона (правда, искусственного), чтобы создать устройство, которое назвал «Слоновые часы»

на куски, скорлупа таким образом отбрасывается, а содержимое яйца попадает в желудок. Зато детеныш дракона берет яйцо кончиком своего хвоста, сильно его сдавливает и крепко держит, пока вскрывает скорлупу своей чешуей, словно ножом, а затем он высасывает из яйца его содержимое. Подобным же образом молодые драконьи отпрыски вырывают перья у птиц, которых едят, тогда как старые драконы проглатывают птиц целиком, выбрасывая перья из своих желудков.

Когда драконы Фригии* испытывают голод, они поворачиваются на запад и широко раскрывают пасть, силой своего дыхания втягивая в глотки птиц, пролетающих над их головами. Некоторые исследователи считают, что птицы добровольно падают вниз, привлеченные дыханием дракона, к которому испытывают особое пристрастие, хотя более вероятно, что в ядовитых испарениях, выдыхаемых драконом, содержится некое вещество, которое отравляет и заражает воздух вокруг них, в результате чего птицы лишаются чувств и, одурманенные, безвольно падают к дракону в пасть. Но если случается, что драконам не хватает пищи, чтобы утолить голод, они прячутся и ждут, пока люди не вернутся с рынка или пастухи не пригонят домой свои стада. Тогда внезапно они нападают на людей или на скот и пожирают все, что первым попадает им в пасть. Затем они снова уходят и прячутся в своих логовах и полых пещерах под землей, а так как их тела пышат жаром, они очень редко выходят из холодной земли, разве что в поисках мяса и пищи. И поскольку драконы живут только в самых жарких странах, они обычно устраивают свои жилища ближе к воде или же в самых холодных местах среди скал и камней.

Драконы (как утверждает Аристотель**) в значительной степени сохраняют свое здоровье, употребляя в пищу дикий салат, потому что он вызывает у них рвоту и помогает извергнуть из желудка то, что не переваривается или вредит пищеварению. Особенно драконы страдают от употребления в пищу яблок, так как их организм сильно подвержен газообразованию. По этой причине они никогда не едят яблоки, предпочитая дикий латук. Также их зрение (как пишет Плутарх***) со временем слабеет

* Фригия — древнее царство в западной Анатолии, на территории современной Турции.

** Греческий философ Аристотель (384–322 гг. до н. э.) создал труды по анатомии и повадкам сотен видов животных.

*** Греческий писатель Плутарх (ок. 46 — ок. 119 г. н. э.) описал интеллект животных в своем сборнике «Моралии».

и ухудшается, поэтому они восстанавливают его снова, протирая глаза фенхелем или поедая его.

Их возраст невозможно определить точно, но есть предположение, что они живут долго, пребывая в отличном здравии, как и все другие змеи, и потому вырастают такими большими. Они не только живут на суше, как мы уже говорили, но и прекрасно плавают в воде. Например, в Эфиопии они часто выходят в море группой из четырех или пяти особей, соединившись хвостами, и с поднятыми головами переплывают по воде в поисках лучшего пропитания в Аравию.

Мы уже упоминали, что во время охоты драконов на слонов их отслеживают и убивают люди. А теперь расскажем, каким способом индусы убивают горных драконов. Они берут алую одежду и золотыми буквами чертят на ней заклинание, затем одежду кладут у входа в логово дракона, потому что глаза дракона не могут противостоять красному цвету и золоту. Дракон засыпает, индусы тем временем наблюдают за ним и украдкой бормочут слова заклинания. Убедившись, что дракон крепко уснул, они внезапно ударом топора по шее отрубают ему голову, а потом извлекают его глазные яблоки, в которых находятся редкие драгоценные камни, обладающие неописуемыми достоинствами. Доказательством тому служит волшебное Кольцо Гига, в которое был вправлен глаз дракона*. Много раз случалось, что дракон затаскивал в свое логово индуса вместе с топором и инструментами и там в ярости сжирал его, при этом монстр так лупил хвостом по горе, что она сотрясалась до основания. С убитого дракона сдирают кожу, также забирают его глаза, зубы и мясо. Что касается его плоти, то она полупрозрачная и белесая, как стекло или лед. Жители Эфиопии с жадностью

* Кольцо Гига — легендарный магический предмет, делавший его владельца невидимым. Греческий философ Платон (ок. 425–348 гг. до н. э.) упоминает об этом кольце в диалоге «Государство».

поедают драконье мясо, так как считается, что оно обладает охлаждающей способностью. А некоторые люди с помощью особых волшебных заклинаний умеют укрощать и приручать драконов, они ездят верхом на их шеях, как всадник на лошади, управляя ими с помощью уздечки.

Теперь, поскольку мы уже упомянули, что у некоторых драконов есть крылья, я счел нужным добавить в этом месте свидетельства разных ученых людей, имеющих особое мнение по поводу существования крылатых змей или драконов. Мне бы не хотелось, чтобы вы сочли эти истории выдумкой, ибо лишь глупцам свойственно принимать за истину только то, что они видят своими глазами. Прежде всего, Мегасфен* пишет, что в Индии встречаются некие летающие змеи, представляющие опасность не днем, а ночью, и они выделяют мочу, соприкасаясь с которой все части тела смертного существа подвергаются гниению. И есть гора, отделяющая Королевство Нарасинга от Алабариса, где много крылатых змеев сидят на деревьях и, по слухам, отравляют людей своим дыханием. Есть много смертоносных крылатых змеев, которые каждый год группами перемещаются из Аравии в Египет. Но их уничтожает некая черная птица под названием Ибис, которая сражается с ними и защищает страну своего обитания. После этого на земле остаются лежать огромные кучи из тел драконов, уничтоженных этими птицами, и в останках легко угадываются и крылья, и ноги, а их многочисленные огромные кости сохраняются нетронутыми в течение многих лет. Эти разновидности змей или драконов предпочитают держаться около деревьев ладана, растущих в Аравии, а когда их оттуда прогоняют дымом или парами стиракса**, они улетают (как сказано выше) в Египет. Можно предположить, что

* Мегасфен (ок. 350 — 290 гг. до н. э.) — эллинистический историк, его описание Индии было впоследствии утеряно.

** Стиракс — разновидность крупного кустарника или небольшого дерева, произрастает в теплых регионах.

если бы здесь не росло растение стиракс, то вся эта страна была бы захвачена драконами.

Мы не только слышали о драконах в Европе, но и видели их; даже в нашей стране (по свидетельству разных авторов) находили трупы убитых драконов. И в первую очередь хочу упомянуть о драконе, или крылатом змее, принесенном неким крестьянином французскому королю Франциску в Санктоне. Крестьянин сам разрубил змея лопатой, когда тот напал на него в поле*. Данный случай был засвидетельствован многими учеными и заслуживающими доверия людьми, которые видели убитого змея. Они все пришли к мнению, что он не был рожден в нашей стране, скорее, его занесло сюда ветром из какой-то другой местности, ибо во Франции никогда не рождались такие чудовища. В Пиренеях также встречается разновидность жестокой змеи, не более четырех футов в длину и толщиной с человеческую руку, из боков этой змеи растут крылья, видимо, из хряща.

Геснер** также утверждает, что в 1543 г. от Рождества Христова в области Германии рядом со Штирией появилось множество змей с крыльями и ногами, которые покусали и неизлечимо покалечили многих людей. Кардано также описывает крылатых змей, которых он видел в Париже и чьи мертвые тела демонстрировал Гулиельмус Мюзикус. Кардано*** утверждает, что у них было две ноги и маленькие крылья, поэтому они едва ли могли летать. Они обладали маленькой головой, напоминавшей змеиную, и были яркой окраски, без волос и перьев. Самый крупный экземпляр был не больше кролика. По слухам, крылатые змеи были привезены из Индии. Кроме того, существование этих чудовищ

* Король Франциск I правил Францией с 1515 по 1547 г.

** Конрад Геснер (1515–1565) — швейцарский натуралист, автор трудов по зоологии и ботанике.

*** Иероним Кардано (1501–1576) — итальянский ученый в области естествознания.

подтверждалось во все века, ибо свидетельства их появления встречаются еще в римских хрониках.

Когда река Тибр вышла из берегов, там появилось много змей и драконов, как во времена императора Маврикия*, когда на виду у всех жителей дракон проплыл мимо Рима по воде до самого моря, а вслед за этим чудом последовала великая чума, принесящая много смертей. А 26 мая 1499 года в Люцерне объявился дракон, который вышел из озера, спустившись вниз по реке, и многие люди были тому свидетелями.

В Германии также много раз видели драконов, пролетавших по воздуху в полдень, а вслед за этим случались большие и страшные пожары, как это произошло недалеко от города под названием Нидербург на берегу Рейна. В чудесный ясный, солнечный день три раза подряд за одни сутки появлялся дракон и висел в воздухе над городом под названием Санктагоарин, страшно потрясая хвостом. Многие жители города видели это зрелище своими глазами, а впоследствии упомянутый город был трижды сожжен огнем. Пожар нанес много вреда и вызвал гибель людей, ибо они не смогли противостоять огню и погасить его, даже сделав все, что было в их силах. Более того, многие засвидетельствовали, что примерно в то же самое время видели несколько драконов, которые плескались в фонтанах и колодцах неподалеку от города, и если люди пробовали воду из этого колодца, то их животы мгновенно начинали раздуваться, а кожа меняла цвет, как при отравлении. После этих случаев власти приказали забросать упомянутые колодцы камнями, чтобы впоследствии ни один человек не отравился этой водой. Юстин Гоблер** упомянул об этих событиях в послании к Геснеру, чтобы запечатлеть их в памяти людской. Он утверждает, что описывает не выдуманные истории, а произошедшие на самом

* Маврикий Тиберий — император Византии в 582–602 гг. н. э.

** Юстин Гоблер (1503/4–1567) — ученый-юрист, живший во Франкфурте.

деле, и что он узнал о них от честных людей, заслуживающих доверия, самолично видевших как драконов, так и несчастья, следовавшие за пожаром.

Также известны свидетельства стражников о том, что после распятия Клеомена на кресте пришел дракон и обвился вокруг его тела. Головой он закрыл лицо мертвого царя, часто облизывал его и не позволял ни одной птице приблизиться и прикоснуться к трупу*. После этого многие стали считать, что царь имел божественное происхождение, и домысел этот существовал до тех пор, пока мудрые и благоразумные люди, изучающие истину, не выяснили подлинную причину этого чуда. Они утверждают, что, как пчелы рождаются из тела быков, трутни — из лошадей и шершни — из ослов, так и тела людей порождают змею из костного мозга. Именно поэтому в древности драконов связывали с благородными людьми. И поэтому сохранился памятник Сципиону Африканскому**, дух которого охранял дракон, сидя под оливой, собственноручно посаженной знаменитым римским военачальником.

Но я не хочу смешивать небылицы и правду и потому оставляю за собой право утверждать, как разумный человек, что в мире существуют крылатые змеи и драконы. И я молю Господа, чтобы нам не потребовались иные доказательства телесного и живого присутствия этих змей в нашей стране, дабы не накликать на нас великие бедствия и несчастья. А теперь перейдем к обсуждению случаев, когда между драконами и людьми, а также другими созданиями возникало чувство любви или ненависти. И я надеюсь, что изложу достаточно фактов, чтобы удовлетворить любопытство читателей.

* Эта история получила известность в Древнем Риме благодаря рассказу Плутарха о жизни Клеомена III — царя Спарты в 235–222 гг. до н. э.

** Сципион Африканский (236/5–183 гг. до н. э.) — знаменитый и очень уважаемый римский военачальник времен Второй Пунической войны.

Классификация драконов в трактате Иоанна Йонстона *Historiae Naturalis*

Как бы то ни было, но драконы по своей природе заклятые враги людей, как и всех других змей. Однако много раз случалось (если, конечно, в этих легендах есть хоть доля истины), что ими овладевала необычайная любовь к мужчинам, женщинам или детям, доказательством чему служат следующие истории. Когда-то жил-был фессалийский пастух по имени Алева, который держал быков в Оссе, недалеко от источника Гемоний. И вот некий дракон влюбился в этого человека, потому что цвет его волос напоминал золото. Этот дракон часто приходил к нему, чтобы насладиться видом его волос, и подкрадывался с трепетом, как

Голландский гравёр XVI в. Авраам де Брейн запечатлел дракона в серии своих гравюр, посвященных видам животных

любовник к предмету своего вожделения. Приходя к пастуху, он облизывал его волосы и лицо так нежно и так сладострастно, что, по утверждениям того человека, он никогда не чувствовал ничего подобного в своей жизни. Пастух разговаривал с драконом без всякого страха, а дракон часто навещал его и всякий раз приносил дорогие подарки.

Существует также предание о драконе, полюбившем Пинда, сына Македона, царя Эматии*. У Пинда было много братьев, невероятно злых и бесстыдных людей. Сам же Пинд по натуре был добрым и порядочным человеком и отличался доблестью и честностью. Он понимал, что братья замышляют предательство против него, и стремился избежать гибели от их рук. Поскольку он знал, что они лелеют одну лишь цель — завладеть его царством, он подумал: лучше отдать им престол добровольно, но больше не подвергаться опасности и не жить в страхе. Пинд не желал ни обгагрять руки братоубийством, ни потерять свою жизнь вместе с царством. Он отрекся от власти и занялся охотой, ибо он был сильным человеком и мог, сражаясь с дикими зверями, приносить пользу другим людям.

* Болотистая равнина в Македонии.

Однажды он охотился на олененка. Пришпорив коня изо всех сил, Пинд нетерпеливо погнался за ним, потеряв из виду своих спутников. Вдруг олененок скрылся в очень глубокой пещере. Царевич спешил, привязал коня к дереву и попытался отыскать вход в пещеру, где исчезла его добыча. Он долго оглядывался по сторонам, как вдруг услышал голос, запрещающий ему прикасаться к олененку. Он снова огляделся, чтобы увидеть человека, говорившего с ним, но, не заметив никого, испугался и подумал, что голос принадлежит неведомой силе. Он быстро вскочил на коня и поспешил назад к своим товарищам. На следующий день Пинд вернулся на то же самое место. Он все еще был под впечатлением от вчерашнего случая, воспоминания о таинственном голосе ужасали его. Он не осмеливался отправиться на поиски и стоял без движения, задаваясь вопросом, что за пастух, охотник или другой человек мог быть здесь и помешать его охоте. Наконец, он решился обойти это место вокруг, чтобы определить, откуда исходил голос.

Во время поисков ему явился гигантский дракон. Большая часть его тела ползла по земле, а шея и голова подымались на высоту с человеческий рост. Дракон направился к Пинду, который испугался, но не подал виду и не убежал, а, собравшись с мыслями, вспомнил, что у него с собой были птицы, предназначенные для жертвоприношений. Он немедленно отдал этих птиц дракону и своими дарами изменил жестокую природу зверя, устроив ему королевский пир и заставив его сменить гнев на милость. Дракон, умиротворенный подарками и пораженный щедростью Пинда, был так доволен, что оставил прежнее место своего обитания и ушел с ним. Пинд был не менее доволен обществом дракона, он ежедневно отдавал ему большую часть своей охотничьей добычи в знак благодарности и как заслуженную плату за то, что зверь сохранил ему жизнь и позволил одержать над собой победу.

Судьба благоволила Пинду не только в этом. Ему так везло на охоте, что он никогда не промахивался и всегда возвращался

с богатой добычей, охотился ли он на птиц небесных или на зверей земных. Так что его охотничья слава принесла ему больше любви и известности, чем он мог получить, имея царскую корону и власть, ибо все юноши желали походить на него, восхищаясь его обликом и силой. Благородные девы и служанки влюблялись в него и спорили, кто должен выйти за него замуж, а жены забывали о скромности и бросали своих мужей, предпочитая его общество, и надеялись, что среди множества богинь он и на них обратит внимание.

Только его братья, затаившие мстительную злобу, строили козни и искали способ, как бы лишить его жизни. Изю дня в день они ожидали его в засаде в тех местах, где он охотился, и наконец им представилась возможность привести в действие свой коварный план. Как-то раз, когда Пинд преследовал добычу, они окружили его в узком ущелье на берегу реки, где он не мог избежать нападения. Братья были не одни, а с группой приспешников. Пинду пришлось в одиночку противостоять многим врагам, вооруженным мечами.

Когда Пинд осознал, что гибель неминуема, он громко воззвал о помощи. Его голос вскоре достиг ушей бдительного дракона (ибо ни один зверь не слышит и не видит лучше, чем дракон). Он выполз из своего логова и обнаружил убийц, окружавших мертвое тело его друга. Увидев дракона, убийцы очень удивились, а тот вскоре расправился с ними, отомстив за Пинда. Затем он упал на мертвое тело друга и охранял его, не отходя ни на шаг, пока люди, жившие по соседству, узнав о случившемся, не пришли, чтобы похоронить тела. Но когда они увидели дракона, то не на шутку испугались и не посмели подойти ближе. Так и стояли они вдалеке, советуясь, что предпринять дальше.

Наконец, дракон понял, что своим видом вызывает у них ужас. Уяснив причину их нерешительности и глубину их скорби по его погибшему другу, дракон с удивительной учтивостью отполз подальше от мертвых тел, предоставив людям возможность

совершить надлежащие обряды. Но перед тем как уйти, он, не скрывая печали, попрощался с телом человека, которого так сильно любил. После ухода дракона люди с почестями похоронили Пинда на этом месте, а река, у которой все произошло, с тех пор носит название *Смерть Пинда*.

Из этой истории может показаться, что дикие драконы способны испытывать любовь к людям и легко поддаются дрессировке, не в силах устоять перед добрыми поступками и благами, дарованными им, ибо любое существо отвечает взаимностью на добросердечность. И все же я не могу делать выводы только на основании двух приведенных примеров и утверждать с уверенностью, что между людьми и драконами может возникать любовь и преданность, поэтому я приведу еще несколько историй.

Плутарх пишет о драконе, влюбленном в молодую деву Этолию. Зверь приходил к ней каждую ночь и не причинял ей никакого вреда, а только нежно скользил по ее телу, играл с ней до утра, а с наступлением рассвета уходил незамеченным. Друзья девы узнали об этом, и ее увезли подальше из города, чтобы дракон больше не мог приходить к ней. Долгое время они оставались порознь друг от друга, но дракон не переставал искать девушку, блуждая повсюду. Наконец он встретился с ней и, не поприветствовав ее нежно в обычной манере, грубо налетел на нее, связав ей руки кольцами своего тела. Он тихо шипел ей в лицо и легонько бил хвостом по спине, как бы изображая месть за пренебрежение к его любви и в наказание за долгое отсутствие.

Другую подобную историю рассказал Элиан* о великом драконе, полюбившем прекрасную женщину. Ее также любил один достойный мужчина. Женщина часто спала с этим драконом, но без такого желания, как с мужчиной. Поэтому она покинула свое жилище на месяц и поселилась там, где дракон не мог

* Клавдий Элиан (ок. 175 — ок. 235) — римский писатель, автор трактата под названием «О природе животных» (De natura animalium).

ее найти. Она думала, что ее отсутствие сможет охладить страсть зверя. Однако дракон настойчиво продолжал навещать место их встреч и, не обнаружив ее, спокойно удалялся, чтобы вернуться в следующий раз. В скором времени дракон начал подозревать неладное, он опечалился, совсем как влюбленный, терзаемый обманутыми ожиданиями. Из ночи в ночь он упорно приходил на привычное место их встреч, пока не истек месяц. Наконец, женщина вернулась домой, и дракон вскоре встретился с ней. Как любовник, страдающий от подозрений и мук ревности, он обвился вокруг ее тела и побил так же, как дракон в предыдущей истории. Элиан утверждает, что этот случай произошел в Иудее во времена царствования Ирода.

В Аркадии жил детеныш дракона. Он с младенчества дружил с маленьким мальчиком. Но мальчик со временем превратился в юношу, да и дракон тоже вырос. Они продолжали испытывать друг к другу любовь, на какую только способны человек и зверь. Подобную сильную привязанность обычно можно наблюдать у друзей, росших вместе с колыбели. Друзья мальчика, увидев, каким большим стал дракон за столь короткое время, начали опасаться зверя. Они взяли кровать, в которой безмятежно спали юноша и дракон, перенесли ее в лесную чащобу и там оставили. Спустя некоторое время юноша смог вернуться домой к своим друзьям, а дракон начал скитаться по лесу, питаясь травами и ядом в соответствии со своей природой. Он никогда больше не возвращался к жилищам людей, а довольствовался уединенной жизнью.

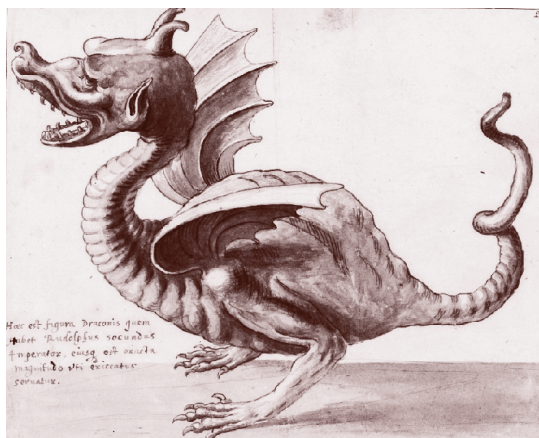
Пришло время, и юноша превратился во взрослого мужчину. Дракон по-прежнему жил в лесу, и, хотя они были вдали друг от друга, их взаимная любовь не ослабевала. Как-то раз юноша проходил по лесу рядом с логовом дракона и столкнулся там с шайкой разбойников. Когда ему начали угрожать мечами, он закричал, и крик его донесся до ушей дракона. Тот мгновенно узнал голос товарища своего детства и немедленно пришел

ему на помощь. Шипение дракона испугало разбойников, они в спешке попытались отступить, но не смогли спастись бегством от острых зубов и когтей дракона, и он предал всех нападавших жестокой смерти. Затем он проводил молодого человека подальше от опасного места и вернулся в свое логово.

Благородный дракон не держал зла на своего старого друга за то, что тот его когда-то предал и оставил одного в дикой глуши. В отличие от многих своенравных и порочных людей, он не бросил своего товарища в опасности.

Несомненно, все приведенные выше примеры носят экстраординарный и противоестественный характер и совсем не исключают, что люди и драконы испытывают друг к другу ненависть. Среди врагов драконов человек занимает первое место и находится в числе их самых достойных противников. Много раз драконы погибали от рук человека, а люди гибли из-за драконов, что вы увидите из приведенных ниже историй.

Когда в швейцарской области Гельвеция впервые начали избавляться от вредных зверей, в провинциальном городке под

Дракон в книге бельгийского врача и алхимика
Ансельма де Боодта, 1596–1610 гг.

названием Вильзер был найден ужасный дракон, истреблявший каждого человека и зверя, которые осмеливались приблизиться к его логову, когда он был голоден. Поэтому город и прилегавшие к нему поля стали называть *Дедвайлер*, то есть деревней в пустыне, так как все жители покинули эти места. В этом городе жил человек по имени Винкельрейдт, изгнанный за убийство человека. Он сказал, что, если ему даруют прощение и вернут имущество, он сразится с этим драконом и с Божьей помощью одолеет его. Все это ему было обещано с великой радостью. В присутствии многих людей он вышел сразиться с драконом, над которым в итоге одержал победу. Радуюсь, в знак победы он триумфально поднял к небу свой меч, обагренный драконьей кровью. Но капля этой крови случайно попала на тело Винкельрейдта — и он мгновенно упал замертво. Так этот человек, достойный остаться в народной памяти на века, сумевший убить дракона и выжить при этом, не смог противостоять его ядовитой крови. Но если бы задолго до этой битвы он не обагрил свои руки кровью человека, вряд ли кровь дракона погубила бы его. Свершился суд *Божий* либо для того, чтобы Винкельрейдт понес наказание за убийство, совершенное им ранее, либо для того, чтобы преподать нам урок и научить нас: мы не должны превозносить свои заслуги, иначе всемогущий Бог увидит это и разгневается. Ибо наш Спаситель Христос запретил своим ученикам радоваться тому, что бесы стали подвластны им. А мы, бедные создания, тем более не можем праздновать победу над людьми или животными.

Существует также разновидность маленьких драконов, которых в Аравии, Весе и в Каталонии называют домашними. Когда они кусаются, то оставляют свои зубы в ране, поэтому она постоянно опухает, а чтобы рана скорее зажила, необходимо эти зубы из нее извлечь. Я думаю, что описал достаточно случаев о ненависти между драконами и людьми и теперь пора перейти к описанию отношений этих зверей с другими созданиями.

Врагами дракона считаются стервятники, орлы и лебеди, но поистине величайшая вражда существует между орлом и драконом. Когда орлы взмахивают крыльями, они пугают драконов грохочущим шумом. Тогда дракон прячется в своем логове и старается избегать сражений с орлом в воздухе. Исключения составляют случаи, когда орел уносит детенышей дракона, и тот вынужден лететь за ним, чтобы их вернуть, либо когда орел обнаруживает дракона в своем гнезде за уничтожением его яиц и птенцов. Орел пожирает драконов и маленьких змей на земле, а драконы и змеи делают то же самое с орлами в воздухе. И в тех случаях, когда драконы пытаются вырвать добычу из когтей орлов как на земле, так и в воздухе, между ними возникает очень тяжелая и опасная борьба.

Далее мы поговорим о вражде, существующей между драконами и слонами, ибо так велика их ненависть друг к другу, что в Эфиопии величайших драконов называют не иначе как убийцами слонов*. Индийские слоны питают к драконам такую же ненависть, но местные чудовища придумали немало хитрых способов противостоять им. Драконы обхватывают и сжимают слона своими длинными телами и постоянно кусают его, пока тот не падает замертво. Но слон при падении может неосторожно подмять под себя и повредить тело дракона. Чтобы избежать риска, драконы используют следующий способ: они забираются на деревья и прячутся среди ветвей: их голова спрятана, а хвост свисает вниз, как веревка. Сидя на деревьях, они выжидают, пока слон подойдет к дереву, чтобы полакомиться его ветвями, а затем внезапно, прежде чем гигант почувствует опасность, прыгают ему на морду и поражают его глаза. Затем они обхватывают слона за шею, а хвостом избивают его до тех пор, пока не лишат дыхания. Таким образом, они душат его передней

* Легенда о вражде между драконами и слонами восходит к «Естественной истории» Плиния (см. выше).

частью тела и бьют задней, но в этом бою оба могут погибнуть. Поэтому драконы никогда не нападают на слона, пока не выберут подходящую скалу или высокое дерево, которое обеспечит им преимущество в бою.

А бывает так, что множество драконов вместе следят за слоновьими тропами, покрывая их своими телами, как бы связав хвосты узлами. И когда слон наступает на них, они обхватывают его за ноги и внезапно поражают его глаза, потому что именно к этой части слоньего тела они стремятся больше всего и именно ее хотят забрать у слона в первую очередь. Не в состоянии одолеть крупного соперника сразу, драконы оставляют его в покое. Бедному животному хватает сил, чтобы спастись от немедленной гибели, но слепота, полученная в этом бою, обрекает его на мучительную смерть от голода, ибо слон находит себе пищу с помощью зрения, а не по запаху.

Ни одному человеку не удалось найти убедительного объяснения такой ненависти между слоном и драконом. Многие исследователи напрягали свой ум в тщетных поисках истины, и только одно объяснение кажется разумным. Говорят, что кровь у слонов холоднее, чем у всех остальных животных. Большинство ученых сходятся во мнении, что драконы в летнее время в большом количестве прячутся в водоемах, куда слон приходит на водопой, а затем внезапно кидаются ему на уши, потому что именно уши слон не в состоянии защитить с помощью хобота. Они присасываются к его ушам, пока не выпьют всю кровь из тела, а бедное животное не лишится чувств и не умрет. А сами драконы, опьянев от крови слона, также погибают при его падении.

Говорят, что грифоны также сражаются с драконами и побеждают их. И пантера является врагом драконов и часто загоняет их обратно в логово. Существует маленькая птичка по имени каптилус (*captilus*), поедая которую дракон подкрепляет свои силы, устав от охоты на других зверей...

В следующем описании я перейду к ядам, в том числе и яду драконов. Я опущу все поэтические рассуждения о поклонении драконам и об их способности менять свой облик. К этому числу относятся истории о волосах Орфея, и о зубах дракона, убитого Кадмом, и об их превращении в вооруженных людей. Все это рассказы из разряда небылиц, в которых нет ни капли правды; их сочинили люди, которые хотели окончательно нас запутать, или те, кто не умеет изъясняться простыми словами.

Вопрос в том, ядовиты ли вообще драконы, потому что считается, что они сильнее ранят своими зубами, нежели ядом. Однако во Второзаконии Моисей говорит о них так, будто они обладают ядом: «Их вино подобно яду драконов и смертоносному яду аспидов»⁸⁴. Гелиодор тоже упоминает некое оружие, смоченное в яде драконов⁸⁵. По этой причине мы приходим к заключению, что они являются носителями яда и становятся ядовитыми двумя способами. Во-первых, это зависит от места обитания, поскольку в более жарких странах драконы причиняют более сильный вред своим ядом, нежели в прохладном и умеренном климате... Вторая причина, по которой мы предполагаем наличие яда у драконов, объясняется тем, что они часто питаются ядовитыми корнями и отравла застревает у них в зубах. Если после этого они кусают свою жертву, то укушенное ими существо кажется отравленным, но это происходит случайно, по стечению обстоятельств, и зависит не от природы дракона, а от природы пищи, которой он питается. Еще Гомер утверждал это в своих стихах, описывая дракона, располагавшего свое логово ближе к месту, где росло много ядовитых корней и трав: поедая эту растительность, он сильно раздражает людей, когда кусает их... Элиан тоже упоминает, что, когда дракон намеревается причинить наибольший вред людям, он сначала ест смертельно ядовитые травы. Поэтому многие люди после укуса дракона, не догадываясь о причине отравления, но чувствуя, что в их организм

попал яд, приписывают это природе дракона и не связывают последствия с особенностями его питания.

Помимо зубов, которыми дракон наносит глубокие раны, он также убивает своим хвостом. Он так сильно сжимает тело, что может удушить в своих кольцах до смерти. При этом удары хвостом настолько сильны, что они либо убивают жертву немедленно, либо сильно ранят. Так что удары его хвоста оказываются более смертоносными, чем укусы его зубов...

Пасть у них маленькая, и по этой причине они не могут открывать ее широко, чтобы укусить глубоко, поэтому укусы их не причиняют сильной боли. Те виды драконов, которые в основном сражаются с орлами, защищаются больше своими хвостами, чем зубами. Но существуют также некоторые другие виды драконов, чьи зубы напоминают зубы медведей. Они могут наносить глубокие раны, широко раскрывая пасть. Кроме того, они способны ломать кости и оставляют много синяков на теле. Самцы этого вида кусают глубже, чем самки, но при этом сама рана не причиняет сильной боли.

Лечение ран от укусов дракона похоже на лечение укусов любого другого неядовитого животного: нет необходимости применять противоядия или лекарства, которыми лечат ядовитые укусы, рекомендуются средства, обычные при лечении любой язвы.

Против укусов драконов назначают семена травы, которую обычно называют *сенной пылью*. Нужно втереть немного порошка из ее семян в место укуса скорпиона, паука, морского или сухопутного дракона — и вы излечитесь от укуса. Говорят также, если вас укусила собака или дракон, нужно приложить к ране их отрезанную и освежеванную голову, добавив каплю смолы *зуфорбии*, — и ваша рана быстро затянется...

Пришло время попрощаться и завершить рассказ об истории драконов, но перед этим не забудем упомянуть их лечебные свойства, о которых вкратце расскажем ниже.

Во-первых, жир дракона, высушенный на солнце, помогает справиться с плохо заживающими язвами, а если его смешать с медом и маслом, то он избавит вас от помутнения зрения на начальной стадии. Голова дракона помогает человеку при ко-соглазии, а в древние времена считалось, что если ее установить у ворот и дверей, то это принесет удачу истинно верующим. Глаза дракона нужно хранить, пока они не высохнут, а затем их следует растереть в порошок и взбить с маслом и медом, чтобы получилась мазь, которая помогает избавиться от ужасных ночных кошмаров и видений...

Итак, я завершаю свое повествование о драконах историей от Порфирия. Он поведал о случаях большой удачи, которая сопутствовала мужчинам и женщинам, видевшим дракона во снах либо при личной встрече. Матери императора Александра Севера, носившей имя Маммея, в ночь перед его рождением приснилось, что она родила маленького дракона. Такой же сон видели Олимпия — мать Александра Македонского и Помпония — мать Сципиона Африканского. Подобное чудо вселило в Августа надежду, что он станет императором, ибо когда его мать Аэция пришла ночью в храм Аполлона и поставила свое ложе в храме среди других матрон, она там уснула и ей приснился сон: к ней пришел дракон и обнял ее тело, а потом ушел, не причинив ей никакого вреда. После этого случая отпечаток дракона навсегда остался у нее на животе, так что она больше никогда не осмеливалась появляться ни в одной купальне. У императора Тиберия Цезаря был дракон, которого он ежедневно собственноручно кормил и берег как зеницу ока, считая его своим талисманом. Но случилось так, что дракона сильно покусали муравьи, обезобразив все тело, и прежняя красота его сильно потускнела. Пораженный этим событием император обратился за объяснением к своим мудрецам, и те предупредили его остерегаться восстания простого народа. Я поведал вам много историй о добрых и злых качествах дракона, а теперь пришло время проститься с этим одновременно добрым и злым змеем.

ОБИТАТЕЛИ ПОДЗЕМНОГО ЦАРСТВА

Несомненно, Эдвард Топселл по сути своей был кабинетным исследователем, а вот его современник, немецкий иезуит и ученый-полимат Афанасий Кирхер (1602–1680) — отчаянным авантюристом. Всю жизнь Кирхер был одержим идеей поиска обитаемых подземных территорий. Его настолько увлекала возможность проникнуть в мрачные подземные миры через вулканические жерла, что в 1638 г. он решил спуститься в кратер действующего вулкана Везувий в Неаполитанском заливе! Много лет спустя Кирхер опубликовал роскошно иллюстрированный двухтомник *Mundus Subterraneus* («Подземный мир»⁸⁶) — обширное собрание научных фактов и фольклорных фантазий о географии и экологии подземных мест, снабженное пространными отступлениями о подземной мегафауне, особенно о драконах. Пользуясь информацией древних и средневековых авторов, а также своих современников, Кирхер заявлял о существовании драконов не только в далеком прошлом, но и в современной ему Европе. Его труд стал истинной сокровищницей познаний о драконах в начале раннего Нового времени. Прятались ли они в подземных пещерах или неслись по воздуху к своим гнездовьям в Швейцарских Альпах, драконы по-прежнему оставались опасными хищниками, обитавшими на окраинах человеческой цивилизации.

Авторы часто спорят о драконах: действительно ли они существуют в природе или же, как многих подобных существ, их можно встретить только в сказках? Я и сам долго сомневался в их существовании. И вот наконец-то я отбросил свои сомнения, перечитав труды экспертов в этой области и выслушав правдивых свидетелей. Чудовищные звери этого вида нередко устраивают гнезда и выращивают молодняк в подземных пещерах, поэтому мы с уверенностью и в соответствии с заглавием нашей книги можем отнести их к подземным разновидностям животных.

Достоверно известно из новейших литературных источников, что встречаются драконы двух видов — крылатые и бескрылые. Не стоит сомневаться в существовании крылатых драконов, как нельзя сомневаться в истинности Святого Писания (что само по себе неслыханно), ибо в Книге пророка Даниила ясно упоминается дракон Бел, чей культ существовал в Вавилоне*. И в других местах Писания упоминаются драконы, а также говорится о том, что эти звери устраивают свои логова в глубоких тайниках под землей, а найдя выход из подземелья, выбираются наружу и приносят огромный вред и людям, и животным...

Закончив с двуногими драконами, давайте перейдем к описанию четвероногих разновидностей... Многие утверждают, что отдаленные твердыни и недоступные пещеры в Швейцарских Альпах служат обиталищем драконов, которые предпочитают селиться в подобных местах. Даже теперь, по утверждениям наших современников, они здесь попадают. Вот почему не следует подвергать сомнению существование этих поразительных чудовищ. В этом труде я также освещу вопрос о летающих драконах, которые, по сообщениям свидетелей, легко обнаруживаются в воздухе по биению их крыльев. Самый мелкий вид этих драконов, с которых я и начну повествование, обитает в Египте, они похожи на летающих змей. Их изображение встречается среди иероглифических надписей древнего народа. Плиний, Элиан и Солин** утверждают, что вплоть до нынешних времен крылатые змеи неизменно проникают из Аравии в Египет с водами Нила в период разлива. И уже в Египте их потомство зарождается в виде насекомых в разлагающемся иле и жидкой грязи, осевших после половодья.

В ноябре 1660 г. римлянин по имени Ланио ставил ловушки на птиц в прибрежной трясине и там обнаружил дракона

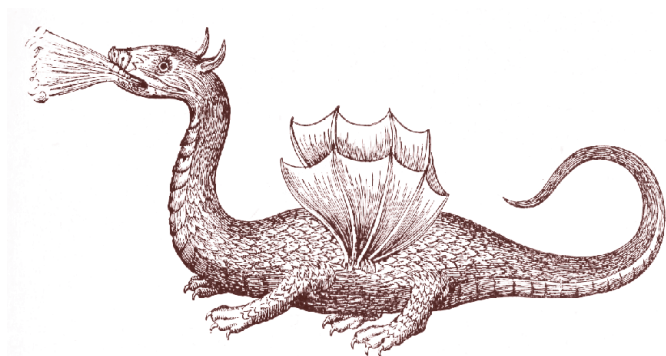
* См. выше «Дракон из Вавилона».

** Гай Юлий Солин — древнеримский писатель и географ III в. н. э.

размером с крупного стервятника. Он принял его за птицу и выстрелом из ружья пробил его крыло. От боли зверь пришел в ярость и кинулся на охотника. Он полубежал-полулетел головой вперед прямо на Ланио. Когда у охотника кончился запас дроби, он перерезал дракону горло — и тот умер. Вечером, по возвращении домой, охотник также скончался — то ли от ядовитой крови, то ли от заразного дыхания чудища. Все тело охотника пропиталось ядом. Весь город был встревожен этой новостью, а один любопытный горожанин отправился к месту схватки Ланио с чудовищем. Там он обнаружил разлагающийся труп дракона. В доказательство своей правоты он доставил голову дракона в город. Мне переслал ее лорд Джером Ланкта, куратор Музея кардинала Барберини, когда я писал эту книгу. После тщательного изучения этой головы был составлен отчет, в котором утверждалось, что она принадлежит истинному дракону и зубы в ней располагаются двойными рядами, как у змей. Сам дракон оказался двуногим и между пальцами ног имел странную перепонку, подобно утке. Теперь дракона можно увидеть в моем собственном музее. Он является ярким примером двуногих крылатых драконов.

В 1345 г. от Рождества Христова, когда папский престол занимал Климент VI, а Великий магистр ордена госпитальеров* Элион де Вильнёв все еще здравствовал, случилось памятное событие, восхитившее все последующие поколения. Был тогда на острове Родос близ церкви Святого Стефана высокий отрог с обширной глубокой пещерой и потоком, струившимся под землей, в той пещере дракон устроил свое логово. Он был жутким чудовищем — огромным и устрашающим на вид, с повадками дикого хищника. Он пожирал множество людей и животных

* Суверенный военный орден Мальты был средневековым католическим религиозным орденом, члены которого также известны как мальтийские рыцари. Рассказ о драконе и Франциско Дьёдонне де Гозон повторялся в рассказах о мальтийских рыцарях вплоть до XIX в.

Иллюстрация к книге *Mundus Subterraneus*

в восточной части острова, а еще отравлял своим заразным дыханием весь воздух вокруг. Тот, кто приближался ко входу в его логово, рисковал жизнью. Сам Великий магистр официально запретил всем жителям, независимо от их положения и состояния, подходить к тому месту. Даже рыцаря могли лишить его звания и осудить на смерть за нарушение этого запрета. Вот почему тот отрог с пещерой заслуженно назвали *Malpasso**.

В то время жил на Родосе благородный рыцарь, отличавшийся великой силой, телесной и духовной, несмотря на молодость. Его звали Франциско Дьёдонне де Гозон, и родом он был из Гаскони. Он считал позором, что ни один из множества храбрых солдат и рыцарей, проживавших поблизости, не отважился выступить против дракона. Юноша стремился к великим подвигам и мечтал обессмертить свое имя среди потомков. Он отлично понимал, что ему вряд ли представится другая возможность встретиться и сразиться с чудовищным зверем, чтобы избавить своих соплеменников от репутации трусов. И Франциско Дьёдонне решил вызвать чудовище на небывалую битву и прекратить злобные бесчинства дракона на острове. Он не мог помыслить ни о чем

* Буквально «плохой шаг» в переводе с итальянского.

другом и совершенно утратил сон, пока не придумал, как осуществить свой план. Больше всего рыцарь опасался, как бы кто-то не узнал или не догадался о его намерениях, ведь эдикт Великого магистра грозил смертельной казнью смельчаку. И вот он приступил к осуществлению своей цели. Прежде всего Франциско нашел наблюдательный пункт, с которого мог хорошо изучить повадки дракона, форму его тела и цвет шкуры.

И вот что он увидел. Голова дракона по форме напоминала конскую, но шириной была как у коровы. Она была покрыта чешуей, подобно змеиной, и сидела на длинной шее. Уши длинные, как у мула. Огромная зияющая пасть усажена крупными зубами. У него были очень большие глаза и огненное дыхание, а на четырех лапах — медвежьи когти. Хвост и задняя часть туловища были подобны крокодилым. Тело защищала очень толстая шкура, усеянная плотной чешуей. У него было два перепончатых крыла. Длинные бока имели оттенок дельфиновых плавников, ближе к спине цвет был черным, подбрюшье — желто-золотым, а остальное тело покрывали пятна тех же цветов. Движения его были порывистыми и настолько быстрыми, что никакой конь не мог бы угнаться за ним. Чудовище полетело на ходу. Когда дракон рыскал в поисках пищи, чешуя его гремела, и он издавал такое громкое шипение, что слышно было на мили вокруг. От этого звука, человек мог тут же умереть от страха.

Понаблюдав за драконом, юный рыцарь отправился к Великому магистру за разрешением вернуться к себе домой, в деревню, чтобы привести в порядок дела. Там он немедленно приступил к изготовлению чучела дракона из бумаги и конопляной мешковины, такого, чтобы по размеру и окраске напоминало настоящее чудовище. Франциско раздобыл боевого коня и двух крепких мастифов. Затем он велел слугам залезть внутрь макета и двигать его конечностями изнутри. Так чучело дракона могло идти вперед, разевать ужасную пасть при помощи веревки и даже мотать хвостом. Великолепное подобие монстра обладало даже машущими

крыльями. Таким образом Дьёдонне науськивал собак и приучал коня к атаке на дракона. И вот после шести месяцев тренировки и конь, и собаки были готовы к любой неожиданности. Они так рвались в бой при виде драконьего чучела, что их можно было удержать лишь с огромным усилием. Убедившись, что успех в сражении ему обеспечен, Франциско Дьёдонне прекратил битву с тенью и отправился на Родос вместе со слугами, собаками и конем.

Прибыв на Родос и понимая, что действовать надо безотлагательно, Дьёдонне облачился в лучшие доспехи и вооружился крепким копьём и боевым мечом. Он отправился в церковь Святого Стефана недалеко от логова дракона и поручил себя Господу, святому Стефану и Иоанну Крестителю. Помолившись, он двинулся к пещере смертоносного чудовища. Он вооружил своих слуг и велел им забраться на ближайший уступ и оттуда следить за сражением. В случае победы над драконом слуги могли бы прийти к нему на помощь с заранее приготовленными лекарствами, а в случае гибели рыцаря — спастись бегством по заранее намеченному пути.

Дав указания слугам, Дьёдонне решительно направился ко входу в пещеру дракона. Казалось, там никого не было, но вдруг чудовище бросилось на него из глубины своего логова, пугая коня треском чешуи, визгом и шипением. Дьёдонне двинулся вперед, занял ровную площадку, подходящую для сражения, и стал ждать нападения чудовища. Дракон подумал, что ему попалась легкая добыча, и кинулся на героя. Но ни конь, ни собаки не испугались противника и атаковали его так, как их обучали. Рыцарь, потрясая копьём, пустил коня вскачь и проткнул толстую чешуйчатую шкуру. Он выдернул копьё из раны, и дракон понял, что он в опасности. Это было удивительное зрелище! Псы терзали зверя, кусая его за гениталии и отвлекая от схватки с рыцарем. Франциско, теперь вооруженный только щитом и мечом, решил сражаться пешим. Чудище обернулось к нему и встало на дыбы. Стоя на задних ногах, оно взмахнуло передними когтистыми лапами, целясь

правой в рыцаря, а левой — в его щит. Тут герой разглядел мягкую часть шеи дракона и вонзил в нее меч. Кровь из раны хлынула мощным потоком. Дракон ослеп от боли и ярости, а рыцарь, воспользовавшись этим, подобрался на близкое расстояние и смог вонзить меч в кишки чудовища. Монстр забился в судорогах, и лезвие меча пропороло его до самого горла. Ослабев от потери крови, дракон всей своей тяжелой тушей обрушился на рыцаря. Дъёдонне, измотанный в сражении и отравленный дьявольскими

Дъёдонне де Гозон сражается с драконом Родоса.
Иллюстрация Жана Виктора Адама, XIX в.

испарениями из распоротого драконьего чрева, был на грани гибели. Слуги, наблюдавшие за ним, вспомнили о полученных приказах. Они тут же спустились с уступа и бросились ему на помощь. Оттащив Франциско подальше от зверя, слуги обнаружили у него признаки жизни. Они ведрами натаскали воды из ближайшего потока и стали поливать его тело, пока к нему не вернулась жизнь и не забилось сердце.

Как только к Дьёдонне вернулись силы, он сел на коня и поехал в город. Он рассказал Великому магистру о своем поступке и о том, как ему удалось добиться такой блистательной победы. Конечно же, рыцарь надеялся на славу и награду за свое благое деяние, хотя бы и совершенное в нарушение закона, но ему была уготована совсем иная участь. Великий магистр собрал совет, который приговорил рыцаря к заключению в самой ужасной тюрьме за дерзость и самонадеянность, за самоуправство и нарушение эдикта. Тем самым Великий магистр хотел преподать урок в назидание всем рыцарям. Но когда весть о гибели дракона распространилась по острову, отважная решимость рыцаря вызвала повсюду только восхищение. И величайшей благодарностью исполнились сердца жителей, освободившихся, наконец, от страшных бедствий. По всему острову были слышны похвалы рыцарю, достоинства его превозносились до небес, так что в скором времени он был освобожден из тюрьмы, а титулы его восстановлены.

В дальнейшем Франциско Дьёдонне де Гозон был удостоен высочайшего положения в ордене магистров. Он возвысился до этого уровня благодаря собственному благоразумию, а позднее написал историю своего подвига, подтвердившую еще раз справедливость его суждений. Он был единогласно избран преемником Великого магистра Вильнёва после ухода того от дел. И в наше время еще можно прочесть хвалебную надпись, сделанную Джеромом Меггизеро, рядом с изображением того славного события: «Сэр Дьёдонне де Гозон, победитель дракона, магистр Провинции III.

Дракон был убит до того, как Дьёдонне де Гозон стал облечен властью». Под этой надписью расположена другая: «Сэр Франциско Дьёдонне де Гозон: здесь он отважно сразил ужасного змея невероятных размеров, пожирателя жителей Родоса. Позднее, в году 1349-м от Рождества Христова, он был избран магистром».

Насмешникам может показаться недостаточно одного фактического свидетельства, чтобы поверить в драконов, поэтому я приведу здесь другие доказательства, достойные изумления. Я состоял в переписке с достопочтенным господином Кристофером Шорером, префектом города Люцерн, и он засвидетельствовал правдивость этих рассказов. Он подтвердил, что имеющиеся у него отчеты согласуются с этими фактами, и, более того, он видел собственными глазами подобное явление: «Году в 1619-м я как-то засмотрелся на спокойное ночное небо и, к своему удивлению, узрел сияющего ярким светом дракона, несущегося на быстрых крыльях от огромной скалы под названием гора Пилата* к пещере на противоположном отроге, именуемой пещерой Флюэ. Тело у него было крупное, с длинным хвостом и вытянутой шеей, а голова с зубастым ртом напоминала змеиную. Искры исходили от летящего создания, подобно искрам от раскаленного железа в кузнице. В результате наблюдений за его движениями и за строением конечностей я пришел к выводу, что это был дракон. Поэтому я пишу вашему преосвященству, чтобы вы не сомневались в существовании драконов в природе».

Этот достойный господин снова написал нам, когда мой труд был еще в работе, и в письмах его говорилось «о некоем местном охотнике по имени Пауль Шумперлин, который столкнулся со сходным явлением. В 1654 г., незадолго до празднования Дня святого Якова Пауль Шумперлин охотился близ подножия горы Флюэ и повстречался с драконом у входа в пещеру, где зверь

* Горой Пилата называют группу из нескольких высоких горных пиков, возвышающихся над Люцерном в Швейцарии.

мостил себе гнездо. У него были змеиная голова, хвост и шея одинаковой длины, двигался он на четырех лапах, приподнимаясь на фут от земли. Все тело его было покрыто чешуей и окрашено синими и желтовато-белыми пятнами. По форме голова его походила на конскую. Завидя охотника, дракон отступил вглубь пещеры, издавая треск чешуи. В 1602 г. скелет дракона был обнаружен в другой пещере на горе Штаффельванд близ горы Флюэ. Он был раздавлен обрушившимся сводом во время землетрясения». Об этом нам сообщил в своих письмах вышеупомянутый господин Кристофер Шорер.

А здесь я приведу еще один отчет... Мне и самому было бы нелегко поверить в эту историю, если бы не свидетельства столь многих людей и сохранившееся публичное богослужение в церкви Святого Леодегара в Люцерне, подтверждающее это событие. А произошло следующее. Жил в Люцерне горожанин по имени Виктор. Однажды, когда он собирал и расставлял ловушки в отдаленных местах альпийских гор и лесов, он заблудился в лабиринте троп и потерял дорогу. Не в силах найти обратный путь в непроходимой глуши, он бродил всю ночь, пробуя разные направления. Он был уже в полубессознательном состоянии от усталости. В сумерках Виктор не заметил зияющей ямы и свалился в нее. Упав на мягкую грязь на дне ямы, он остался невредим, но страх неминуемой гибели не давал ему покоя, ибо, глянув вверх, он понял, что ему никак не выбраться из такой глубокой ловушки (яма оказалась круглой и с гладкими стенками). В полном отчаянии Виктор обратился с мольбами о спасении к Господу нашему и Матери Его, надеясь на помощь Небес в своем безысходном положении. Но Божественное провидение решило подвергнуть его дальнейшим испытаниям, чтобы укрепить его веру.

В стенах пещеры имелись длинные и широкие туннели, и Виктор проник в один из них в надежде обрести укромный уголок для отдыха, но вместо этого столкнулся с парой уродливых

драконов. Испугавшись до смерти, он попытался отступить назад к круглой яме, громко рыдая и моля Господа и Богородицу о защите от ужасающих чудовищ. Однако драконы не тронули его, а обернулись вокруг него своими шеями и хвостами. Невозможно описать весь ужас, пережитый Виктором в компании столь ужасных и уродливых созданий. Он был подобен пророку Даниилу во рву со львами, только вместо львов его окружили драконы*. И несчастный провел там не день и не неделю, а целых шесть месяцев — с 6 ноября по 10 апреля.

И чем же он питался, спросите вы? Слушайте и удивляйтесь. Он заметил, что драконы всю зиму питались только соленой жидкостью, сочившейся из стен ямы. И поскольку у него не было другого выхода, то он последовал примеру драконов. Он стал лизать и лакать жидкость со стен, и так прожил целых полгода. С приходом весеннего равноденствия** он почувствовал, что воздух потеплел; и драконы тоже почуяли, что пришла пора выходить из подземелья в поисках добычи. Один дракон взмахнул большими крыльями и легко поднялся из глубокой ямы. А когда второй дракон начал взлетать вслед за первым, Виктор понял, что это верный шанс выбраться на свободу. Он схватил дракона за хвост — и тот вынес его из ямы. Это было неповторимое зрелище! И как только дракон опустил его на землю, то он тут же с помощью Господней нашел тропу, ведущую в Люцерн.

Семья онемела от вида Виктора и от его рассказа, ведь охотника считали давно погибшим. Удивлению их не было конца, и, по их мнению, ничего не могло быть страшнее такого приключения. А поскольку он обрел избавление от кошмара благодаря заступничеству Святой Богородицы, то Виктор пожелал

* Книга пророка Даниила 6: 1–28.

** Весеннее равноденствие приходится приблизительно на 21 марта, когда ночь и день равны по продолжительности.

Огнедышащий дракончик на иллюстрации Тани Дюрер

свидетельствовать о своих несчастьях. Он велел вышить новую священническую ризу с изображениями своих походов, чтобы они служили свидетельством чуда для будущих поколений. Эта риза и поныне хранится в церкви Святого Леодегара в Люцерне, и ее показывают чужеземцам.

После долгих испытаний в яме с драконами желудок Виктора уже не мог принимать обычную пищу, и через два месяца после своего возвращения он почил в бозе и вернулся к своему Творцу.

То, о чем поведала эта повесть, граничит со сверхъестественным, и поэтому следует признать, что Виктором управляли силы небесные во время его пребывания в ужасающей бездне. Из этого отчета и из подобных ему рассказов можно легко заключить, что описания крылатых драконов у разных авторов во многом совпадают. А теперь, дабы удовлетворить любознательность читателей, мы постараемся разъяснить происхождение драконов и откуда они возникают.

Огромный интерес представляет вопрос, каким образом и из какого вещества зарождаются драконы. Но пока мы не нашли письменных свидетельств, трактующих этот вопрос, нам предстоит самим разъяснить способы размножения драконов в меру наших скромных познаний.

Врачам и физиологам хорошо известно, что гибридные виды животных зарождаются из смеси нескольких видов спермы. Среди животных встречаются такие гибриды, как мулы, горные антилопы, верблюды и некоторые другие организмы. Случается, что гибридные человеческие зародыши происходят из нескольких видов спермы и вынашиваются либо женщиной, либо самкой зверя. Имеются письменные свидетельства Ликосфена о подобных человекообразных монстрах*. Метаморфозы свойственны насекомым, и эти процессы весьма подробно описаны натуралистами. Прекрасным примером служат пчелы, зарождающиеся из коровьего навоза, и при ближайшем рассмотрении голова пчелы является точной копией головы коровы. Точно так же рогатая голова жука-скарабея очень похожа на голову лошади, из навоза которой зарождаются скарабеи. И наконец, имеется жук-рогач, которого иногда называют жуком-оленом (*Tragelaphus*) и который сильно напоминает рогатого самца оленя, из чьего навоза зарождаются эти рогатые жуки. Действительно, помет животных неизменно порождает насекомых, напоминающих то животное, из чьих фекалий они возникли. Бывает, что все насекомое целиком совсем не похоже на породившее его существо, но какая-то часть его тела обязательно напоминает это животное. Мы обсудим это более подробно в другом произведении. А теперь, после предварительного толкования, перейдем к объяснению, каким образом в далеких пещерах и пустынных местностях возникают драконы.

* Конрад Ликосфен (1518–1561) владел латынью и греческим языком, опубликовал несколько книг о предзнаменованиях и знамениях.

Широко известно, что драконы обитают в тех же местах, где часто встречаются орлы, грифы и прочие хищные птицы. Крупные стервятники гнездятся в отдаленных скалах и отрогах горных Альп, и здесь не место для их подробного изучения... На острове Родос водится множество грозных орлов. Их добычей часто становятся змеи, птицы, кролики и ягнята. Они могут схватить ребенка и утащить его в свои горные гнезда, чтобы съесть его там. Немало свидетелей утверждали, что гнезда орлов устланы остатками добычи, на которую эти птицы непрерывно охотятся. Куча отходов неизбежно начинает разлагаться, и гниющие останки служат возникновению новой жизни. Если немного спермы сохранится в погибшей добыче, то среди гниющей массы может зародиться новая форма существования. Эта жизнь является результатом слияния нескольких видов семени. Из спермы павшего четвероногого зарождается червь, похожий на четвероное. Если этим четвероногим окажется кролик, то червь обретет длинные уши благодаря животворящей силе кроличьей спермы. Если среди гниющей массы окажется сперма летучей твари и смешается с прочими видами семени, то из этой смеси зарождается червь с крыльями или с перепонками из хрящевой ткани, способными действовать как крылья. И точно так же, окажись в гниющей массе сперма змеи, то у зародившейся твари окажется хвост, голова и шея змеи. Змеиный гибрид, получившийся из смешанных сперматозоидов, продолжает расти и со временем превращается в крупного дракона.

Если разлагающаяся масса породит множество драконов обоего пола, то они начнут размножаться половым путем, как размножаются между собой зародившиеся в навозе насекомые. А чтобы мерзкие драконы не расплодились в большом количестве и не погубили окружающую среду, природа предусмотрела, что из смеси сперматозоидов в подземной пещере зарождается за один раз лишь единственный дракон.

Другой вопрос: почему нам кажется, что драконы дышат огнем? Это объясняется тем, что от рождения им присуща выработка некой вязкой субстанции, испускающей во мраке мерцающий свет, подобно гниющему дереву, или рыбам, или светлячкам. И люди, видя светящихся драконов, воображают горящие огнем тела. И еще один вопрос: откуда у них прочные латы из чешуйчатой кожи? Тут наблюдаются те же процессы, что и у панцирных животных, у которых вязкая и липкая слизь, покрывающая тело, постепенно костенеет и превращается в непробиваемый панцирь.

ПОСЛЕДНИЕ АМЕРИКАНСКИЕ ДРАКОНЫ

В средневековую эпоху драконы встречались повсеместно. От холодных просторов севера и до знойного юга — эти чудовища повсюду вдохновляли людей на создание фантастических историй и героических легенд: в Европе и Скандинавии, в Северной Африке и на необъятных просторах Азии. А вот в Америке

Изображение Кетцалькоатля в Кодексе Теллериано-Ременсис, XVI в.

драконы появились позднее. В древних культурах Центральной Америки существовало божество, известное у ацтеков как Кетцалькоатль — сверхъестественный змей в оперении, объединивший в себе черты птицы и гремучей змеи. Кетцалькоатль был верховным богом дождя и ветра, творцом Вселенной и человечества, но его сходство с мифическими драконами Европы и Азии весьма условно.

И все-таки Америка могла похвастаться собственными драконами — в очень короткий промежуток времени ближе к концу XIX в. В те дни люди, населявшие отдаленные уголки Дикого Запада, сообщали об опасных встречах с этими огромными крылатыми рептилиями. На протяжении нескольких десятков лет местные газеты публиковали захватывающие дух отчеты о встречах с драконами, пока развитие современных технологий и продвижение цивилизации на Запад не отправили американских ящеров в мир фантазий и мифов.

ВОЗДУШНЫЙ МОНСТР

Томас Кэмпбелл и Джозеф Ховард — два лесоруба, валившие лес в пяти милях от калифорнийского Херлтона, написали нам о состоявшейся в пятницу встрече с невероятным созданием, летающим по воздуху⁸⁷. Вот что они сообщают: «Во время работы на лесоповале в прошлую пятницу около четырех часов дня мы были напуганы громким хлопаньем крыльев. Взглянув вверх, мы увидели создание, похожее на крокодила, пролетавшее над головой на высоте около сорока футов* над вершинами деревьев. Насколько мы могли судить, длина его была не менее восемнадцати футов**, в обхвате оно достигало двух футов***,

* Чуть более 12 метров.

** 5,5 метра.

*** 61 сантиметр.

а расстояние от головы до хвоста составляло около двенадцати футов*. Хвост был примерно двенадцати футов длиной и сужался к кончику до восьми дюймов**. Голова его могла быть длиной около двух футов, а распахнутые челюсти достигали длины не менее шестнадцати дюймов***. С каждой стороны тела между головой и хвостом имелось шесть пар крыльев размахом от восемнадцати дюймов до двух футов****. Мы смогли заметить, что крылья напоминали перепонки на утиных лапах, и их ширина достигала пятнадцати дюймов*****. Снизу мы насчитали двенадцать лап — по шесть с каждого бока». Мистер Ховард выпустил заряд дробы в чудовище и пишет об этом так: «Оно испустило вопль, напоминающий рев медведя и мычание тельца, но не казалось ни раненым, ни испуганным. Мы даже слышали, как дробь звенела, отскакивая от шкуры, как от тонкого листа железа. Это создание также заметили китайские рабочие неподалеку. Они страшно испугались и укрылись в своих хижинах». Мы впервые слышим о подобном существе, но наши корреспонденты — люди надежные, поэтому мы полностью доверяем их свидетельству. «Гридли Геральд» (Калифорния).

ВСТРЕЧА В ПУСТЫНЕ

Странное крылатое чудовище обнаружено и уничтожено в пустыне Уачука⁸⁸

В прошлое воскресенье двое фермеров по пути домой в пустыне между Ветстоуном и горами Уачука заметили крылатое чудовище, похожее на гигантского аллигатора с очень длинным хвостом и огромной парой крыльев. Существо это выглядело

* 3,6 метра.

** 20 сантиметров.

*** 40 сантиметров.

**** 46–61 сантиметр.

***** 38 сантиметров.

Кетцалькоатль и Тескатлипока (в центре). Страница из Бурбонского кодекса, XV в.

усталым после длительного перелета и при виде фермеров могло взлетать только на очень короткие расстояния. Поначалу оба всадника испытали шок от неожиданности, но затем вновь обрели присущую им отвагу и кинулись вдогонку за чудовищем. Через несколько миль упоительной погони они приблизились к нему на расстояние выстрела и ранили чудовище из своих винчестеров. Зверь кинулся на них, но он был настолько утомлен, что мужчины легко уворачивались от его бросков, и после нескольких удачных выстрелов чудовище покатилося по земле и больше не двигалось. Всадники на храпящих в испуге конях осторожно приблизились и убедились, что существо было

мертво. Тогда они его осмотрели и установили, что длина его достигала девяноста двух футов^{*}, а в самом широком месте обхват его составлял около пятидесяти дюймов^{**}. У чудовища была всего одна пара ног, расположенных чуть впереди места соединения крыльев и туловища. Голова его по приблизительным подсчетам была восьми футов^{***} длиной, а челюсти усеяны многочисленными крепкими и острыми зубами. Глаза размером с обеденную тарелку наполовину выпячивались из глазниц. Крылья были сложены и придавлены туловищем, но после долгих усилий фермерам удалось выпростать и немного выпрямить одно крыло, длина которого в полусложенном состоянии составила семьдесят восемь футов^{****}, то есть полный размах крыла достигал ста шестидесяти футов^{*****}. Крылья состояли из толстой полупрозрачной перепонки, на них не было ни перьев, ни шерсти, как, впрочем, и на остальном теле чудовища. Кожа на туловище была сравнительно гладкой, и пуля легко прошла сквозь нее. Мужчины отрезали небольшой кусок крыла и взяли его с собой. Прошлой ночью один из них прибыл в наш город, чтобы закупить все необходимое для разделки туши, при этом шкуру намерены отправить на Восток, чтобы наши именитые ученые могли изучить ее. Сегодня утром фермер, обнаруживший чудовище, вернулся в сопровождении нескольких уважаемых горожан, которые собираются доставить тушу в город, пока она не подверглась разложению.

* 15,24 метра.

** 1,27 метра.

*** 2,44 метра.

**** 23,77 метра.

***** 48,77 метра.

ЧАСТЬ X

УКРОЩЕННЫЙ УЖАС:
РУЧНЫЕ ОДОМАШНЕННЫЕ
ДРАКОНЧИКИ
В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В XIX в. интерес к драконам и европейскому Средневековью возродился с новой силой. Это увлечение отразилось в детских книгах о святых и героях, в которых также фигурировали драконы в освященной временем атрибутике: с огромными крыльями, атакующими хвостами и огненным дыханием. Однако к началу XX в. два детских писателя — Кеннет Грэм и Эдит Несбит — изменили традиционное изображение средневековых драконов, представив их непонятыми, несчастными в роли злодеев и готовыми подружиться с человеком. Они создали модель дракона-союзника

Вирджиния Фрэнсис Стеррет. Иллюстрация к сборнику сказок
«Тэнглвудские истории»

вместо дракона-соперника, и их истории проложили путь для многих произведений в стиле фэнтези об успешном сотрудничестве и взаимопонимании между драконом и человеком, ставших уже современной классикой, включая книги Рут Стайлс Ганнетт «Папин дракон» (1948), Энн Маккефри «Всадники Перна» (с 1967 г. по настоящее время), двенадцать книг Крессиды Коуэлл из серии «Как приручить дракона» (2003–2015), тетралогия Кристофера Паолини «Наследие» (2003–2011) и многие другие. Эта же тема возникает в популярной песне Питера Сигера «Пафф — дракон волшебный» (1963) о маленьком мальчике, который вырастает и забывает о своем друге — драконе. И даже фэнтезийный цикл Джорджа Мартина «Песнь льда и пламени» (публикуется с 1996 г.), где драконов используют для военных действий, во многом следует путем, проложенным этими авторами.

ЗВЕРЬ, ПОХОЖИЙ НА ЯЩЕРА

За десять лет до создания прославившей его книги «Ветер в ивах» британский автор Кеннет Грэм (1859–1932) полностью изменил традиционное для западной литературы изображение драконов, написав короткий рассказ для детей «Нерешительный дракон»⁸⁹. В этой очаровательной сказке двое детей в поисках воображаемого чудовища узнают давнюю историю о встрече мальчика с драконом неподалеку от деревни у холмов Беркшир Даунс в графстве Оксфордшир. Несмотря на устрашающую внешность, этот дракон вел себя совсем не по-драконьи и не проявлял интереса ни к накоплению сокровищ, ни к нападению на местных жителей. Вместо этого задумчивое создание оказалось «счастливым лежебокой-лентяем, валяющимся в траве, наслаждающимся закатами и рассказывающим анекдоты с бородой». Тем не менее местные жители судили о драконе по его внешности и призвали святого Георгия, чтобы убить дракона, о чем мальчик предупре-

дил симпатичного монстра. Очень скоро мальчик вместе с драконом смогли убедить святого, что зверь не опасен.

В постановочной схватке святой Георгий покорил чешуйчатое существо и провозгласил, что дракон больше не представляет угрозы; и с тех пор зверь мирно жил по соседству с людьми.

Следы на снегу неизменно трогают за душу еще с тех пор, как снег впервые явился белым чудом в нашем тусклом мире. В сборнике стихов, который тетя подарила одному из нас, есть стихотворение некоего Вордсворта с очень проникновенным изображением одиноких следов на снегу. Впрочем, мы были невысокого мнения как о стихах, так и об описанных в них чувствах. Отпечатки на песке — это совсем другое дело, и мы охотно разделяли переживания Робинзона Крузо, но никак не Вордсворта. Восторг и предвкушение, любопытство и волнение — вот какие эмоции вызывали у нас следы на песке или на снегу.

В то зимнее утро мы проснулись рано оттого, что комната казалась светлее, чем обычно. С удивлением мы поняли, что наши мечты об игре в снежки превратились в реальность, ожидавшую нас за порогом. Мы начали торопливо и беспорядочно одеваться, шнурки на ботинках представлялись нам излишним и беспотолковым изобретением, а пуговицы на пальто — совершенно неуместным способом застегивать одежду. Нам не хотелось терять ни минутки, ведь на улице ожидал великолепный снег.

Настало время обеда, и нас буквально за шкурку пришлось тащить домой. Краткое перемирие на обед быстро закончилось, и мы снова вступили в снежную битву. Но на этот раз мы с Шарлоттой, утомленные сражением и попадавшими за шиворот снарядами-снежками, покинули утоптаный снежный газон и отправились за пределы нашего участка исследовать нетронутые просторы, покрытые девственно-белым снегом. Он простирался по обе стороны от нас — этот таинственный мягкий

покров, полностью укрывший хорошо знакомый мир. Едва заметный отпечаток проступал там, где присела случайная птица, и больше никаких признаков жизни — вот почему эти странные следы показались нам особенно загадочными.

Сначала мы наткнулись на них в самом углу кустарника и долго их изучали, упершись руками в колени. Нас раздражало, что такие опытные следопыты, как мы, не могли опознать следы незнакомого животного.

— А, так ты не знаешь? — сказала Шарлотта с легким презрением. — Я-то думала, ты знаешь всех на свете животных.

Это замечание задело меня за живое, и я выпалил названия множества животных, включая обитателей Арктики и тропиков, но по-прежнему чувствовал себя неуверенно.

Этот дракон выглядит величественным, но не злобным.
Иллюстрация Asanee Srikijvilaikul

— Нет, — сказала Шарлотта, подумав, — это все не то. Скорее, похоже на ящеров. Ты называл игуанодона? Вполне вероятно, что он. Но он не английский зверь, а нам нужен английский. Я думаю, это дракон!

— Драконы вдвое крупнее, — возразил я.

— Ну, сначала все драконы бывают маленькими, — сказала Шарлотта, — как и все мы. Может, этот маленький дракончик просто потерялся. Было бы неплохо завести маленького дракончика. Может, он будет царапаться и плевать, но это ничего. Давай его выследим!

И мы ступили в окутанный снегом мир, взявшись за руки, с бьющимися от предвкушения сердцами и в полной уверенности, что несколько размазанных следов помогут нам изловить небольшой экземпляр фантастического зверя.

Мы шли по следу через загон и вдоль ограды следующего поля, а потом зверь двинулся по дороге, как и всякий цивилизованный налогоплательщик. Здесь его следы затерялись среди прочих, но наше воображение и целеустремленность помогли определить направление, по которому двигался дракон. Да и следы время от времени появлялись снова — по крайней мере, так думала Шарлотта, а поскольку дракон принадлежал ей, то я предоставил ей право читать следы, а сам мирно трусил рядышком, радуясь любой экспедиции, чем бы она ни закончилась.

Шарлотта провела меня еще через одно поле или через два, потом через рощу и вывела на новую дорогу. Мне стало казаться, что только глупое упрямство заставляло ее упорствовать и притворяться, что она различает следы, вместо того чтобы честно признаться в своем заблуждении. Наконец, она с восторгом протасила меня через просвет в живой изгороди, явно ведущий на чей-то участок; и тут же простор пустынных полей, разделенных изгородями, исчез, и мы очутились в ухоженном уединенном саду, менее всего похожем на пристанище дракона. Очутившись в этом месте, я сразу понял, куда мы попали.

Это был сад моего приятеля-циркача, хотя я впервые проник в него через незаконный лаз с незнакомой стороны. Сам циркач прогуливался неподалеку по садовым дорожкам, покуривая свою трубку. Я почтительно приблизился к нему и спросил, не видел ли он недавно зверя.

— Могу я узнать, — очень вежливо поинтересовался он, — какого именно зверя вы разыскиваете?

— Это ящеровидный зверь, — пояснил я. — Шарлотта думает, что это дракон, но она ничего не знает о драконах.

Циркач медленно огляделся по сторонам.

— Боюсь, мне давно не встречался дракон в этих местах. Но если я ненароком увижу дракона, буду знать, что это ваш зверь, и немедленно отправлю его к вам.

— Большое вам спасибо, — сказала Шарлотта, — но не стоит беспокоиться, в конце концов это может быть и не дракон вовсе. Просто я подумала, что это его мелкие следы отпечатались на снегу, вот мы и пошли по следу, и он привел нас прямо сюда, хотя мы вполне можем ошибаться. Но мы вам благодарны в любом случае.

— Что вы, никакого беспокойства, — весело ответил циркач. — Мне будет очень приятно. Но, разумеется, вы могли и ошибиться. Однако уже темнеет, и этот ваш зверь, кем бы он ни был, уже успел скрыться. Давайте лучше зайдем ко мне в дом и выпьем чаю. Я живу один, мы вместе разведем веселый огонь, а еще у меня есть самая большая на свете книга о животных. Эта книга с цветными картинками, и в ней собраны все на свете звери!

Мы всегда были рады чаю, особенно в придачу к книге о животных. Специально для нас на стол были выставлены мармелад и абрикосовое варенье, а после чая мы раскрыли книгу о животных, и, как и обещал нам циркач, в ней были собраны все на свете звери.

Часы пробили шесть, и более осторожная Шарлотта стала меня поторапливать. Мы с трудом оторвались от книги о животных и собрались домой.

— Пойдите, я провожу вас, — сказал циркач. — Мне нужно купить еще одну трубку, да и прогулка пойдет мне на пользу. Вам не обязательно говорить со мной по дороге.

Мы снова воспряли духом: дорога казалась очень долгой, и снаружи уже было пусто и темно, особенно после теплой и светлой комнаты и ярко раскрашенной книги, но прогулка со взрослым, настоящим Мужчиной с большой буквы — это особое удовольствие! Мы двинулись быстрым шагом, Мужчина шел посередине. Я глядел на него снизу вверх и гадал, когда же и я смогу курить большую трубку с таким царственным видом! Но Шарлотта, чей юный ум не рассматривал табакокурение как цель в жизни, заговорила о том, что интересовало ее.

— Ну а теперь, — попросила она, — вы же не откажетесь рассказать нам интересную историю, ну пожалуйста!

Мужчина тяжело вздохнул и огляделся.

— Я так и знал, — проворчал он. — Я знал, что мне придется рассказывать истории. И зачем я ушел от уютного камина? Ну хорошо, расскажу. Дайте мне минутку подумать.

Он немного подумал и поведал нам вот что.

Давным-давно — сотни лет тому назад — в хижине на полпути от этой деревни до вон того холма жил пастух со своей женой и маленьким сыном. Пастух проводил все дни напролет — да и ночи в сезон выпаса скота — на широких склонах холмов, и только солнце и звезды, да еще овцы составляли ему компанию, а мир, в котором существовала дружеская болтовня с мужчинами и женщинами, был так далек от него, что он его не видел и не слышал. Маленький сын помогал отцу управляться с овцами, а в свободное время любил читать толстые книги, которыми его снабжали приветливые землевладельцы и священники, проживавшие в той местности. Родители очень любили своего сына и втайне от него гордились им, так что он был волен поступать по-своему и читать сколько ему угодно. Он никогда не получал

от них подзатыльников, что нередко случается в других семьях. Его родители обращались с ним как с равным, они охотно вносили посильный вклад в практическую сторону жизни семьи, пока мальчик читал книги и учился, и всех вполне устраивало такое разделение трудовых обязанностей. Родители не слушали соседей, они понимали, что книжные знания могут пригодиться в любое время. Мальчик в основном увлекался естествознанием и волшебными сказками, он глотал их, не делая между ними различия, эдаким книжным бутербродом, а именно такой вид чтения оказывается наиболее продуктивным и разумным.

Как-то вечером пастух, который уже несколько дней был сам не свой, пришел домой, дрожа от волнения, и, усевшись за стол, за которым его жена занималась шитьем, а сын читал книгу о Бессердечном Великане, громко воскликнул:

— Конец мне пришел, Мария! Больше никогда не смогу я бродить по нашим холмам, никогда и ни за что!

— Ну что ты говоришь, — ответила жена, которая отличалась благоразумным характером, — сначала расскажи нам, что так тебя напугало, а потом мы все вдвоем постараемся добраться до самой сути и найти выход!

— Это началось несколько дней назад, — сказал пастух. — Там, наверху, есть пещера, вы знаете о ней. Мне она никогда не нравилась, и овцам она не нравилась, а если овцам что-то не нравится, то для этого наверняка есть причина. Так вот, несколько дней назад из пещеры стали доноситься неясные звуки — тяжкие вздохи с кряхтением и отдаленный храп — настоящий храп, но не совсем обычный, не такой, какой раздается, когда мы храпим по ночам!

— Понимаю, — тихо заметил мальчик.

— Конечно же, я жутко перепугался, — продолжал пастух, — но что-то меня притягивало к пещере. Так вот сегодня вечером, перед тем как спуститься вниз, я тихонько обошел вокруг нее. И там — о Господи! — там я увидел его так же ясно, как вижу вас перед собой!

— Увидел кого? — спросила жена, поддаваясь нервной дрожи мужа.

— Да его, говорю же вам! — воскликнул пастух. — Он наполовину высунулся из пещеры и, похоже, наслаждался вечерней прохладой самым поэтическим образом. Он был огромный, как четверка упряжных коней, и весь покрыт блестящей чешуей — темно-голубой на спине, переходящей в бледно-зеленый цвет на брюхе. При дыхании воздух дрожал вокруг его ноздрей, как в безветренный жаркий день воздух дрожит над известковой дорогой. Он опустил подбородок на лапы и, казалось, предавался размышлениям. Ну да, довольно мирный зверь, не топал, не безобразничал, а вел себя вполне прилично. С этим я согласен. И все же, как мне быть? Чешуя, понимаете ли, и когти, и наверняка хвост, хотя я не видел задней части... Я к такому не привык и мне такое ни к чему, говорю я вам!

Мальчик, наконец оторвавшись от книги, захлопнул ее, зевнул, потянулся и сказал сонным голосом:

— Все в порядке, отец. Не стоит беспокоиться. Это всего лишь дракон.

— «Всего лишь дракон»? — вскричал отец. — Легко тебе рассуждать, сидя дома со своими драконами! Послушайте его: «всего лишь дракон»! И что ты в этом понимаешь?

— А вот и дракон, а вот и понимаю, — спокойно ответил мальчик. — Послушай, отец, каждый из нас силен в своей области. Ты знаешь все о погоде, об овцах и всем таком прочем, а я знаю кое-что о драконах. Ты помнишь, я всегда говорил, что наша пещера — это драконья пещера. И я всегда утверждал, что пещера когда-то принадлежала дракону и по правилам должна опять ему принадлежать. Раз ты говоришь, что в ней появился дракон, значит, все в порядке. Я куда больше удивлялся тому, что в ней не было дракона. Справедливость всегда торжествует, нужно только подождать. Доверься мне, отец. Завтра утром — нет, утром у меня дел по горло, — скорее всего, вечером, если

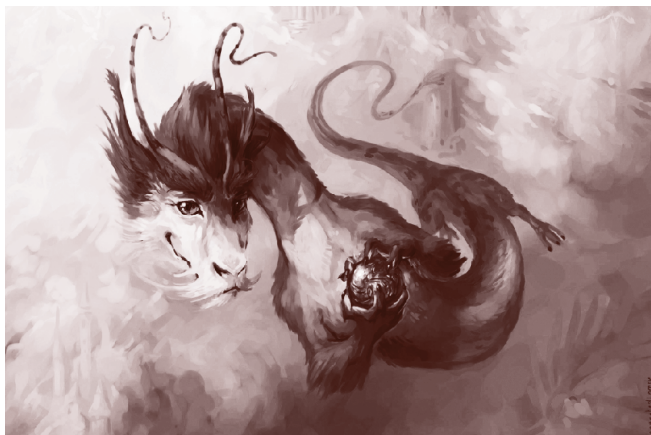
я буду свободен, то вечером отправлюсь к пещере и поговорю с драконом, и все будет в абсолютном порядке. И прошу тебя: не волнуйся и не ходи туда без меня. Ты же их совсем не понимаешь, а драконы — они очень чувствительные!

— Отец, он абсолютно прав, — сказала благоразумная мать. — Он верно говорит, что драконы из его области, а не из нашей. Все знают, как много он прочитал книг о животных. По правде говоря, мне совсем не по душе, что бедное животное лежит там в одиночестве, и некому приготовить ему ужин, и не с кем ему обменяться сплетнями. Надеюсь, мы сможем как-то ему помочь. А если он поведет себя недостойно, то наш мальчик быстро с этим разберется. Он у нас такой приятный собеседник, что ему все обо всем рассказывают.

На следующий день, выпив вечернего чаю, мальчик зашагал по известковой дороге, ведущей на вершину холмов. Как и предполагал, он обнаружил там дракона, лениво разлегшегося на лужайке перед пещерой. Оттуда открывался великолепный вид. Налево и направо на многие лиги простирались волнистые пустынные холмы; впереди виднелась долина, на которой раскинулись многочисленные усадьбы, ее покрывали нити белых дорог, проходивших через фруктовые сады и вспаханные поля, а вдаль, на горизонте, маячили неясные серые очертания старинных городов. Прохладный ветерок шевелил траву, и серебряный осколок луны поднимался над далекими можжевельниками. Неудивительно, что дракон пребывал в миролюбивом и довольном настроении: приблизившись к нему, мальчик услышал размеренное счастливое урчание. «Век живи — век учись! — сказал себе мальчик. — Ни в одной книге не говорится о том, что драконы умеют мурлыкать».

— Привет, дракон! — спокойно сказал мальчик, добравшись до него.

Услышав шаги, дракон предпринял попытку вежливо подняться. Но, увидев мальчика, он сурово сдвинул брови.

Сказочный дракон на иллюстрации Марины Клейман

— Не вздумай меня ударить, — сказал он, — или бросить в меня камень, или обрызгать водой, или еще что-то вроде. Имей в виду, я этого не потерплю!

— Я не собираюсь тебя бить, — устало сказал мальчик, опускаясь на траву близ зверя. — И не вздумай говорить мне «не вздумай!». Я слышу эту фразу постоянно, и я устал от нее. Я просто зашел тебя проведать и все такое, но если я тебе помешал, то легко могу убраться. У меня много друзей, и никто из них не скажет, что я лезу туда, куда не звали!

— Нет-нет, не спеши с выводами, — торопливо промолвил дракон, — сказать по правде, я здесь счастлив как никогда: постоянно при деле, постоянно чем-то занят! И все же, честно говоря, временами мне бывает тоскливо.

Мальчик откусил стебелек травы и стал его жевать.

— Надолго к нам? — спросил он вежливо.

— Сейчас трудно сказать, — отвечал дракон. — Место выглядит вполне приятным, но я прибыл совсем недавно, и мне надо хорошо осмотреться и подумать, прежде чем здесь обосноваться. Это дело нешуточное — постоянное проживание. И еще открою

тебе секрет. Ты никогда не догадаешься, сколько бы ни гадал, но я такой беспросветный лентяй и лежебока!

— Не может быть, — учтиво произнес мальчик.

— Суровая истина, — продолжил дракон, устраиваясь поудобнее, явно довольный своим слушателем, — думаю, поэтому я и оказался здесь. Понимаешь, все мои приятели были такими бойкими и прямолинейными и все такое. Буйные и драчливые, они рыскали по пескам в пустынях, стерегли пределы морей и гоняли рыцарей по всей округе, глотали девиц и всё в таком духе, а я любил покушать вовремя, после еды прислониться к выступу скалы и слегка вздремнуть, а проснувшись, поразмыслить о порядке вещей и о том, как сохранить такой порядок... Ну, ты меня понимаешь. Вот я и попался, когда это случилось.

— Пожалуйста, подробнее. Что «это» и когда? — спросил мальчик.

— Не могу сказать точно, — ответил дракон. — Может быть, Земля чихнула или встряхнулась или отвалилось дно от чего-то. Короче, все затряслось, раздался рев, и наступил полный хаос, и я очутился на многомильной глубине под землей и крепко там застрял. Что ни делается — все к лучшему, а мне для жизни многого не надо, и я пребывал в мире и покое, и никто никуда не гонял меня с разными поручениями. И у меня такой деятельный ум — уверяю тебя, мои мозги постоянно чем-то заняты! Но время шло, а моя жизнь оставалась такой однообразной, что я стал думать, как бы проложить путь наверх и посмотреть, чем вы тут все занимаетесь. Я начал рыть и скрести туда-сюда и наконец-то выбрался наружу через эту пещеру. И мне нравятся окрестности и окружающие виды, и люди, насколько я могу судить... И, в общем, да, я намерен здесь обосноваться.

— Хотелось бы узнать, — спросил мальчик, — чем постоянно занят твой ум?

Дракон покраснел и отвернулся. Потом он застенчиво спросил:

— А ты никогда не пытался сочинять стихи, ну так, ради забавы?

— Конечно пытался, — ответил мальчик. — Сочинил целую уйму стихов. И некоторые из них получились удачно, да только здесь это никому не интересно. Мать и отец всегда добры ко мне и охотно слушают мои стихи. Но им это как-то не очень...

— Вот именно, — вскричал дракон, — у меня все именно так. Им это как-то не очень, и с ними никак не поспоришь. А вот ты человек культурный, я это сразу заметил, и я хотел бы узнать твое мнение о некоторых пустячках, которые сложились у меня в подземелье. Я страшно рад нашей встрече! И хотелось бы надеяться, что другие соседи тоже приятные люди. Прошлой ночью сюда наведался очень приятный пожилой джентльмен, но он, похоже, предпочел меня не беспокоить.

— Это был мой отец, — сказал мальчик, — и он действительно приятный пожилой джентльмен. Я вас как-нибудь познакомлю.

— Может, вы завтра зайдете ко мне на обед вместе с отцом? — с надеждой спросил дракон. — Если вы, конечно, не заняты, — учтиво добавил он.

— Огромное спасибо, — ответил мальчик, — но мы никуда не ходим без нашей матери, но, сказать по правде, она вряд ли одобрит твое присутствие. Как ни крути, но все-таки ты дракон, не так ли? И, планируя здесь обосноваться, и подружиться с соседями, и все такое, ты не вполне осознаешь собственное положение. Понимаешь, ты — враг человечества!

— Нет у меня никаких врагов! — радостно заявил дракон. — Во-первых, я слишком ленив, чтобы их заводить. И если я читаю приятелям свои стихи, то всегда готов выслушать и их творения!

— О господи! — вскричал мальчик. — Ну постарайся трезво оценить ситуацию. Если люди о тебе узнают, то они явятся сюда с копьями, мечами и прочим оружием. По их мнению, тебя следует уничтожить! Ты вредитель, ты бич человечества, ты губительное чудовище!

— Ни слова правды, — сказал дракон, важно качая головой. — Моя репутация выше всяких подозрений. А сейчас я прочитаю небольшой сонет, который сочинял перед твоим появлением...

— Лучше я пойду домой, раз ты не хочешь внять голосу разума, — закричал мальчик, вставая на ноги. — Не могу я слушать сонеты: дома меня дожидается мать. Я загляну завтра в удобное время, и, ради всего святого, постарайся осознать, что ты вредоносное чудовище, иначе ты попадешь в серьезную переделку. Доброй ночи!

Мальчику не составило труда успокоить своих родителей относительно нового друга. Они всегда доверяли ему в этих вопросах и принимали на веру каждое его слово. Пастух лично познакомился с драконом, и они обменялись множеством любезностей. А вот его жена отказалась от личной встречи, хотя и выразила готовность помочь с разными мелочами: заштопать вещи, прибрать пещеру, приготовить еду в те дни, когда дракон сочинял стихи и забывал принять пищу, что свойственно любым представителям мужского пола. Тот факт, что он был драконом, взявшимся неизвестно откуда, казалось, много значил для нее. Однако она не запрещала своему маленькому сыну коротать время с новым другом, при условии что в девять часов он будет дома, и вместе они проводили множество приятных и вдохновенных вечеров. Дракон рассказывал старинные легенды о былых временах, когда его сородичи водились в избытке, а жизнь была веселее нынешней, полной сюрпризов, острых ощущений и восторгов.

Но вскоре случилось именно то, чего так опасался мальчик. Даже самый скромный и застенчивый дракон вряд ли останется незамеченным, если он размером с четырех тяжеловозов и весь покрыт синей чешуей. Нечего удивляться, что скоро в местной таверне предметом вечерних бесед стал задумчивый дракон, поселившийся в пещере. И хотя селяне были напуганы, они не могли не гордиться таким соседством. Далеко не у всех имеется собственный дракон, и по этому поводу вся деревня задирала

нос перед другими. В то же время все соглашались, что долго мириться с подобным соседством нельзя. Кошмарного зверя следует истребить, а местность очистить от этого вредителя, от этого ужаса, от этого разрушительного бича Господня. При этом в расчет не принималось даже то, что ни единая курица от него не пострадала. Он был драконом и не мог отрицать этот факт, а если вел себя совсем не по-драконьи, так этого его собственное упущение. Но какие бы отважные речи ни велись, ни один храбрец не вооружился копьем и мечом и не отправился освобождать родную землю от чудовища, чтобы заработать бессмертную славу, и каждый вечер жаркие споры так и заканчивались ничем. А тем временем дракон, счастливый представитель богемы, валялся на траве, наслаждался закатами, рассказывал мальчику бородатые анекдоты и шлифовал рифмы в старых стихах, обдумывая сюжеты новых поэтических шедевров.

Как-то раз мальчик пришел в деревню и заметил, что там царил праздничный настрой, хотя никакого праздника не было и в помине. Из окон свешивались яркие ковры и пестрые полотна, громко названивали церковные колокола, маленькая улочка была усыпана цветами, а по обеим сторонам дороги выстроились сельчане, болтая, и толкаясь, и приказывая друг другу расступиться. Мальчик узнал в толпе своего сверстника и окликнул его:

— Что стряслось? Приехал театр, или медведи, или цирк, или еще что-то?

— Все в порядке, — крикнул ему в ответ приятель. — Он прибывает.

— Кто прибывает? — спросил мальчик, решительно пробираясь через толпу.

— Как кто? Конечно, сам святой Георгий, — ответил приятель. — Он прослышал о нашем драконе и едет сюда, чтобы сразить смертоносного зверя и освободить нас от кошмарного гнета. Вот дела! Отличная получится драка!

Да, это действительно была новость! Мальчик решил удостовериться лично и стал протискиваться между ног добродушных взрослых, поругивая их за невежливые тычки. Наконец, оказавшись в первом ряду, он стал с нетерпением ожидать появления святого.

Вскоре издалека послышались приветственные возгласы. Потом размеренная поступь боевого коня вызвала учащенное сердцебиение, мальчик не выдержал и присоединился к общему ликованию. И вот среди радушных приветствий, женского визга, машущих платков и высоко поднятых младенцев по улице медленно проследовал святой Георгий. Сердце замерло у мальчика в груди, он задыхался и всхлипывал от счастья, ибо красота и грация героя не имели себе равных. Его рифленые латы сияли золотой насечкой, шлем с плюмажем висел на луке седла, густые светлые волосы обрамляли прекрасное лицо с добрейшим выражением, но взгляд его оставался суровым и твердым. Он остановил коня у входа в скромную гостиницу, и все сельчане сгрудились вокруг. Они благодарили и приветствовали его, и громко жаловались на свои несчастья, обиды и угнетение. Мальчик расслышал серьезный и мягкий голос святого. Он уверял присутствующих, что все будет хорошо, что он заступится за них, восстановит справедливость и избавит их от врага. Затем он спешился и прошел в гостиницу, а толпа хлынула вслед за ним. Но тут мальчик кинулся бежать в гору изо всех сил.

— Всею конец, дракон! — крикнул он, как только добежал до дракона. — Он прибыл! Он уже здесь! Тебе придется собраться с силами и что-то предпринять!

Дракон вылизывал свою чешую и полировал ее позаимствованной у матери бархоткой, и она уже сияла, как великолепная бирюза.

— Не горячись, мальчик, — сказал он не глядя. — Присядь-ка и отдышись, и будь так добр припомнить, что в нашей речи глаголом управляет существительное, и тогда ты сможешь любезно поведать, кто, собственно говоря, прибывает?

— Ну конечно, не горячись, — ответил мальчик. — Надеюсь, ты тоже не будешь горячиться, когда я расскажу свои новости. Прибывает всего-навсего святой Георгий, вот кто. Полчаса назад он появился в нашу деревню. Ты ему запросто всыплешь — такому большому парню нечего бояться! Но я все равно хотел предупредить тебя, а то он наверняка заявится ни свет ни заря, а копьё у него длинное-предлинное и с виду очень опасное.

И мальчик вскочил на ноги и запрыгал в предвкушении за-втрашной битвы.

— Боже мой, боже мой, — простонал дракон, — какой ужас. Я ни за что не стану с ним встречаться, это мое последнее слово. Просто не желаю с ним знакомиться. Я уверен, что он неприятный человек. Пожалуйста, попроси его немедленно убраться. Если хочет, он может написать мне, но встречаться лично я не стану, так и передай. Сейчас я никого не принимаю.

— Ну же, дракон, — стал уговаривать его мальчик, — не стоит так упрямиться. Рано или поздно тебе все равно придется с ним сразиться, ведь он — святой Георгий, а ты — дракон. Лучше сразу покончить с этим делом, а потом вернуться к сонетам. Нельзя же думать только о себе. Если тебе здесь показалось скучно, то каково же другим!

— Дорогой юный друг, — торжественно произнес дракон, — раз и навсегда вбей себе в голову, что я не хочу и не буду сражаться. Я в жизни ни с кем не сражался и не собираюсь устраивать драку только для того, чтобы ты развлекся и полюбовался на гладиаторские бои. В старое доброе время я охотно уступал все сражения другим драконам — отважным драконам. И может быть, именно поэтому сейчас я здесь, а их нет.

— Но если ты не будешь сражаться, то он просто снесет тебе голову! — выдохнул мальчик в страхе лишиться и друга, и интересной схватки.

— Надеюсь, нет, — лениво вымолвил дракон. — Ты что-нибудь придумаешь. Я тебе полностью доверяю, ты отлично

со всем управишься. Просто сбегай в деревню, дружище, и устрой все как надо. Разберись на свое усмотрение.

Мальчик уныло вернулся в деревню. Во-первых, не будет никакой схватки. Кроме того, его дорогой почтенный друг не проявил достаточного героизма, как ему пристало. И наконец, обладает ли дракон отважным сердцем или нет, но святой Георгий в любом случае отрубит ему голову. «Придумай что-нибудь! — с горечью сказал себе мальчик. — Дракон полагает, что это не труднее, чем пригласить на чай и на игру в крокет».

Когда он добрался до улицы, селяне уже расходились по домам в радостном предвкушении завтрашней схватки. Мальчик зашел в гостиницу и в главном зале увидел святого Георгия, который в одиночестве прикидывал возможные исходы схватки и размышлял об услышанных им печальных историях о насилии и несправедливости, творимых драконом.

— Можно войти, святой Георгий? — вежливо спросил мальчик, стоя в дверях. — Нам нужно обсудить небольшую проблему с драконом, если ты еще не устал от всего этого.

— Да, заходи, мальчик, — учтиво промолвил святой Георгий. — Еще одна история о страданиях и обидах, я полагаю. Тиран осиротил тебя, погубив любящих родителей? Лишил тебя брата или сестры? Но очень скоро ты будешь отомщен.

— Ничего подобного, — ответил мальчик. — Тут закралось какое-то недоразумение, и я надеюсь это исправить. На самом деле наш дракон — добрый.

— Вот именно, — приятно улыбнулся святой Георгий. — Я прекрасно понимаю. Хороший дракон. Можешь мне поверить, я только рад, что мой соперник — достойный экземпляр ядовитого драконьего племени и в схватке не запятнает позором мою боевую сталь.

— Но он не из ядовитого племени, — взволнованно вскричал мальчик. — О боже, боже, какие глупцы эти люди со своей дурацкой идеей! Говорю тебе, он добрый дракон, и он мой друг.

Он мне рассказывает такие интересные истории о былых временах, когда он был еще совсем маленьким. И он с уважением относится к моей матери, а мать на все пойдет ради него. И отцу он тоже нравится, хотя отца не особо интересуют искусство и поэзия и он вечно засыпает под рассуждения дракона о литературном стиле. На самом деле все, кто знаком с драконом, все его любят. Он такой обаятельный, доверчивый и простой, как малый ребенок!

— Возьми стул и сядь рядом со мной, — сказал святой Георгий. — Мне нравится, когда друга не бросают в беде, и наверняка у дракона должна быть масса положительных качеств, раз ты так подружился с ним. Но дело не в этом. Целый вечер я выслушивал рассказы о грабежах, убийствах и обидах и исполнился несказанной печали и негодования. Вероятно, это несколько преувеличенные истории, не вполне убедительные, но в целом складывается довольно полная картина преступлений. История учит нас, что самые большие негодяи зачастую кажутся средоточием всех добродетелей, и я боюсь, что, невзирая на прекрасные качества твоего высокообразованного друга, столь справедливо заслужившего твое уважение, нам придется незамедлительно его уничтожить.

— Так ты поверил всем этим рассказам? — нетерпеливо сказал мальчик. — Да ведь наши селяне — самые известные выдумщики во всей округе. Это ясно всем. Ты здесь новичок, поэтому еще не знаешь их репутации. Они просто хотят устроить поединок. Их хлебом не корми — дай затеять хорошую драку. Собачьи бои, коррида, драконы — да что угодно, лишь бы увидеть схватку. Вон в той конюшне они держат несчастного барсука. Они собирались позабавиться с ним сегодня, но решили отложить на потом, когда ты разберешься с этим дельцем. Они наверняка хвалили твой героизм и прочили легкую победу и все такое, но, послушай, я шел сейчас по улице, и они спокойно ставили шесть к четырем на дракона!

— Шесть к четырем на дракона! — грустно прошептал святой Георгий, подперев щеку рукой. — Как жесток этот мир! Порой

мне кажется, что злобными бывают не только драконы. И все же, может, этот хитрый зверь ввел тебя в заблуждение своей обходительностью, чтобы твоим добрым мнением прикрывать свои гадкие поступки? И может, именно сейчас горемычная принцесса рыдает в его утрюмой пещере?

Святой Георгий тут же пожалел о своих словах, настолько расстроенным выглядел мальчик.

— Уверяю тебя, святой Георгий, — прямо ответил он, — нет ничего подобного в его пещере. Дракон — истинный джентльмен до кончиков когтей, и его сильно расстроят и огорчат твои неподобающие рассуждения о предметах, мнение о которых он не изменит никогда!

Иллюстрация Максфилда Пэрриша к сказке Кеннета Грэма

— Вполне возможно, что я оказался чересчур доверчивым, — сказал святой Георгий. — Может, я ошибся в своем суждении о звере. Но что поделаешь? Я и дракон оказались здесь практически лицом к лицу, и каждый из нас должен жадать крови друг друга. И я не вижу никакого выхода. Что ты предлагаешь? Можешь ты что-нибудь придумать?

— Вот и дракон твердит то же самое, — ответил мальчик в недоумении. — До чего же вы оба на меня надеетесь... Полагаю, ты уже не можешь мирно убраться восвояси?

— Нет, это невозможно, — сказал святой. — Не по правилам. Тебе это также прекрасно известно.

— Тогда послушай, — сказал мальчик. — Сейчас еще не очень поздно, давай прогуляемся к дракону и с ним обговорим наши проблемы. Здесь совсем недалеко, и он всегда радушно встречает моих друзей.

— Это, конечно, не по правилам, — ответил святой Георгий, вставая с места, — но, похоже, это единственное разумное решение. Ты так хлопчешь о своем друге, — добродушно добавил он, выходя вместе с мальчиком из гостиницы. — Но не грусти! Может быть, все обойдется без драки.

— Да, но я бы хотел увидеть драку! — тоскливо отвечал маленький мальчик.

— Дракон, я привел с собой друга, — громко произнес мальчик. Дракон вздрогнул и проснулся.

— Я тут... размышлял, — просто сказал дракон. — Очень приятно с вами познакомиться, сэр. Сегодня превосходная погода!

— Это святой Георгий, — коротко сказал мальчик. — Святой Георгий, разреши представить тебя дракону. Дракон, мы пришли спокойно обговорить наши дела, и, ради всего святого, давай проявим благоразумие и придем к какому-нибудь решению, а то я устал от всевозможных взглядов на жизнь и теорий о личностных склонностях и всего такого. И скажу еще, что моя мать будет сидеть допоздна и не ляжет спать, пока не дождется меня.

— Приятно познакомиться, святой Георгий, — заговорил дракон довольно нервно, — ты такой знаменитый путешественник, а я все больше сижу дома. Но я всегда готов показать тебе много памятников старины и интересных исторических мест в нашей округе, если ты решишь здесь остановиться.

— Думаю, — в своей обычной приятной манере произнес святой Георгий, — нам стоит последовать совету нашего юного друга и прийти к какому-то соглашению относительно нашего небольшого дельца. Как полагаешь, может, нам стоит принять простейший план и вступить в схватку, а там пусть победит сильнейший? Представляешь, они ведь ставят на тебя там, в деревне, но я не обижаюсь!

— Да, соглашайся, дракон, — сказал довольный мальчик. — Так будет гораздо проще!

— Помолчи-ка, мой юный друг, — довольно резко произнес дракон. — Веришь ли, святой Георгий, нет никого на свете, кому я пошел бы навстречу с большим удовольствием, чем тебе и этому юному джентльмену. Но вся эта история — сплошная ерунда, условности и популярная тупоголовость. Нет абсолютно никакой причины сражаться. Да я и не собираюсь в этом участвовать, и все тут!

— А если я тебя заставлю? — спросил уязвленный святой Георгий.

— Не заставишь, — торжествующе произнес дракон. — Я заберусь в свою пещеру и затаюсь в яме, из которой недавно выбрался. Скорее вы устанете ждать, чем я выйду наружу и вступлю в схватку. А как только вы уйдете, я с радостью выберусь опять наружу. Сказать по правде, мне здесь понравилось, и я хочу остаться!

Святой Георгий взглянул на красивый ландшафт, расстилавшийся перед ними.

— Какое прекрасное место для битвы, — он старался, чтобы его голос звучал убедительно. — Эти великолепные волнистые

холмы станут прекрасной ареной для схватки, и мои золотые латы будут чудесно смотреться на фоне твоей крупной синей чешуи! Только представь себе эту картину!

— Не мытьем, так катаньем — теперь ты прибегаешь к моей любви к искусству, — сказал дракон. — Это тебе не поможет. Но ты правильно заметил, что картина получится очень красивая, — добавил он, поколебавшись.

— Давайте ближе к делу, — вставил мальчик. — Ты и сам теперь видишь, дракон, что нам нужна какая-никакая схватка. Не будешь же ты сидеть в своей яме до скончания веков?

— Это можно устроить, — задумчиво промолвил святой Георгий. — Конечно, мне придется ткнуть тебя копьем, но большого вреда тебе это не принесет. Тебя так много, что парочка свободных мест наверняка найдется. Может, вот здесь, под передней лапой? В этом месте не будет больно!

— Ты шутишь, Георгий, — застеснявшись, сказал дракон. — Нет, это место не подойдет. Пусть я не почувствую боли — хотя мне будет очень больно, — но я сильно боюсь щекотки, поэтому непременно рассмеюсь и все испорчу.

— Тогда в другое место, — терпеливо продолжил святой Георгий. — Может, в толстые складки кожи за шеей? Там ты не почувствуешь моего копья!

— А ты точно будешь целиться в нужное место? — нервно спросил дракон.

— Конечно точно, — уверенно сказал святой Георгий. — Предоставь это мне!

— Я потому и спрашиваю, что все тут предоставлено тебе, — раздраженно ответил дракон. — Ты, несомненно, будешь сожалеть о любой поспешной ошибке. Но я буду сожалеть куда больше! Однако в этой жизни нам приходится доверять друг другу, да и план твой не так уж плох.

— Послушай, дракон, — вмешался мальчик, переживая за друга, который не получал никаких преимуществ. — А что

ты будешь иметь от этого? Схватка явно неизбежна, и тебе всыпят по первое число. Так в чем же твоя выгода?

— Святой Георгий, — обратился к нему дракон, — будь так добр, поведай, что станется со мной после моего поражения в смертельной схватке.

— Ну, если следовать правилам, то я с триумфом проведу тебя на рыночную площадь или в другое место, подобающее слухаю, — сказал святой Георгий.

— Вот именно, — сказал дракон. — А затем?..

— А затем последуют приветственные крики и речи и прочее, — продолжал святой Георгий. — И я поведаю, что ты исправился, осознал прежние ошибки и так далее.

— Именно так, — сказал дракон. — А затем?..

— Да, а затем... — протянул святой Георгий, — затем будет традиционный банкет, как положено.

— Именно так, — повторил дракон, — вот тут-то и настанет мой черед. Видишь ли, — продолжил он, обращаясь к мальчику. — Я здесь смертельно скучаю, и никто меня не ценит. Благодаря любезной помощи нашего друга, который так усердно за меня хлопочет, теперь я смогу беспрепятственно вращаться в обществе. Вот увидите: я обладаю всеми необходимыми качествами, чтобы понравиться веселой компании! Если мы обо всем договорились, то, с вашего позволения, я, видите ли, человек старомодный и я вас, конечно, не гоню, но...

— Смотри, дракон, сражайся, как мы условились! — сказал святой Георгий, поняв намек, что пора прощаться, и поднимаясь. — Ты должен неистовствовать, извергать пламя и все такое!

— Неистовствовать я готов всю ночь, — с уверенностью произнес дракон, — а вот насчет извержения пламени... Я, конечно, приложу все усилия, но удивительно, насколько быстро забываются навыки в отсутствие практики. Доброй ночи!

Они спустились по склону холма и были уже на окраине деревни, когда святой Георгий вдруг остановился.

— Так и знал, что я забуду что-нибудь, — воскликнул он. — Нам ведь нужна принцесса. Трепещущая от ужаса и прикованная к скале, и все такое. Мальчик, ты можешь раздобыть нам принцессу?

Мальчик, широко зевая, простонал в ответ:

— Я смертельно устал, и я не могу среди ночи раздобыть ни принцессу, ни что-нибудь еще. И моя мать не ляжет спать, пока я не дома, так что до завтра, и больше не проси меня ни о чем!

Назавтра с самого утра толпы людей устремились к холмам. Все были нарядные, как в воскресный день, и несли корзины с едой и торчащими из них горлышками бутылок, и каждый стремился занять местечко получше, чтобы наблюдать за схваткой. Это была непростая задача, ведь дракон вполне мог оказаться победителем, и вряд ли его сторонники, ставившие на его победу, могли рассчитывать на лучшее обхождение, чем его противники. Поэтому все старались на всякий случай выбирать места и с широким обзором, и с удобным путем отхода. Передний ряд занимали преимущественно сбежавшие от родителей мальчишки — они валялись и катались по траве и не обращали внимания на пронзительные окрики своих перепуганных матерей.

Мальчику досталось отличное место в переднем ряду недалеко от входа в пещеру, и он чувствовал себя, словно режиссер-постановщик на премьере спектакля. Можно ли рассчитывать на дракона? Тот ведь вполне мог передумать и испортить им все представление или разволноваться оттого, что представление готовилось в последнюю минуту без единой репетиции, и просто не выйти на сцену. Мальчик пристально смотрел на пещеру, но не замечал никаких признаков жизни. Может, дракон смылся под покровом ночи?

Дальние части амфитеатра были полностью забиты зрителями. Вот там стали слышны приветственные крики, замахали платки, но мальчик, расположившийся поближе к пещере, пока не мог разглядеть причину волнения. Через минуту красные

перья на шлеме святого Георгия показались на вершине холма, и святой медленно выехал на ровную площадку, простиравшуюся до самого устья пещеры. Доблестный красавец на рослом боевом коне был одет в сверкающие на солнце доспехи, он высоко держал копье, на острие которого трепетал небольшой белый вымпел с малиновым крестом. Он натянул поводья, и конь замер. Ряды зрителей заволновались и слегка попятились, даже мальчишки в переднем ряду перестали раздавать оплеухи и таскать друг друга за волосы и подались вперед в ожидании.

«Ну, давай же, дракон!» — нетерпеливо шептал мальчик, ерзая на месте. Он бы не стал так переживать и волноваться, если бы знал заранее, как все сложится.

Драматические возможности предстоящего мероприятия приятно волновали дракона. Он с самого рассвета был на ногах, с полной самоотдачей готовясь к своему публичному дебюту. Время словно повернуло вспять, и он опять представлял себя маленьким дракончиком в пещере матери, будто он играет с сестренками в игру «Драконы и святые», в которой драконы непременно побеждают.

Наконец послышалось низкое ворчание и всхрапы, переходящие в низкий рев, заполнивший равнину. Потом клубы дыма застелили устье пещеры, и в этом чаду, гарцуя, выступил дракон: сияющий, небесно-синего цвета, великолепный. У публики вырвалось всеобщее «О-о-о-о» — до того он походил на мощную ракету! Чешуя его переливалась, длинный шипастый хвост хлестал по бокам, когти раздирали дерн и забрасывали его за спину, пламя и дым непрерывно вырывались из гневных ноздрей.

— Отлично, дракон! — в восторге крикнул мальчик. «Не ожидал у него такого таланта!» — добавил он про себя.

Святой Георгий опустил копье, склонил голову, вонзил пятки коню в бока и с топотом понесся через луг. Дракон кинулся ему навстречу с ревом и визгом в синем вихре колец и всхрапов, щелкающих челюстей, шипов и огня.

— Мимо! — заорала толпа. На мгновение сине-зеленые кольца и шипастый хвост смешались с золотыми латами, но огромный конь, закусив удила, вынес святого с высоко поднятым копьём прямо ко входу в пещеру.

Дракон присел и злобно рывкнул. Святой с усилием разворачивал коня в боевую позицию.

«Конец первого раунда! — подумал мальчик. — Как хорошо у них получается! Надеюсь, святой не слишком увлекся. Дракону я полностью доверяю. Этот парень — прирожденный артист и настоящий драматург!»

Наконец-то святой Георгий овладел конем и стал озираться, отирая пот со лба. Заметив мальчика, он улыбнулся и кивнул ему, на мгновение показав три пальца.

«Похоже, так и задумано, — сказал себе мальчик. — По-видимому, третий раунд будет последним. Жаль, что схватка такая короткая. Что он там задумал, этот старый глупый дракон?»

Дракон использовал перерыв, чтобы дать зажигательное представление для публики. Получилось действительно зажигательно. Он бешено носился по широкому кругу, а мышцы перекатывались волнами вдоль всей его спины, от остроконечных ушей и до кончика длинного хвоста. А так как он был покрыт синей чешуей, эффект получился просто завораживающий. Мальчик припомнил, как накануне дракон рассуждал о своем желании добиться популярности и общественного признания.

Тем временем святой Георгий подобрал поводья и двинулся вперед, опустив копьё и крепче усаживаясь в седле.

— Пора! — восторженно закричала публика хором, и дракон, прервав огненное представление, присел на задние лапы и принялся бестолково прыгать из стороны в сторону, издавая боевой клич краснокожих. Это натурально напугало коня, который резко развернулся, и святой лишь чудом удержался в седле, схватившись за гриву. Вдогонку им дракон злобно щелкнул челюстями у самого хвоста лошади, от чего бедное животное рвануло

галопом как можно дальше по холмам, так что, к счастью, никто из толпы не расслышал проклятий святого, потерявшего стремя.

Второй раунд завершился дружественными криками в поддержку дракона. Зрителям сразу понравился боец, соблюдавший спортивные правила и при этом умело гнувший свою линию. Когда дракон прохаживался туда-сюда, выпятив грудь и высоко задрав хвост, он мог расслышать слова поддержки, так что испытывал бесконечное наслаждение от настигшей его популярности.

Святой Георгий спешил, чтобы подтянуть подпругу и в самых цветистых выражениях поведать своему коню, что именно он думает о нем, обо всех его родственниках и о его поведении в данной ситуации. Мальчик тем временем направился в сторону святого и подержал его копые.

— Какая славная схватка, святой Георгий! — сказал он, вздыхая. — Может, вам удастся растянуть ее подольше?

— Лучше не надо, — отвечал святой Георгий. — Понимаешь, твой простодушный друг упивается тщеславием, ощутив поддержку публики. Он вполне может свалить дурака и позабыть все, о чем мы договаривались; и кто знает, чем это закончится? Я лучше добыю его в этом раунде.

Он вскочил в седло и забрал копые у мальчика.

— Да ты не бойся, — добавил он заботливо. — Я хорошо представляю место, куда его нужно поразить, да и дракон обязательно мне поможет, если хочет получить приглашение на банкет!

Святой Георгий перехватил копые покороче, крепко зажав основание подмышкой, и уже не галопом, а ровным шагом направил коня к дракону, который присел при виде всадника и стал бить хвостом, щелкая им, как кучер кнутом. При этом звуке святой развернул коня и стал медленно кружить вокруг дракона, взглядом выискивая незащищенное местечко. Дракон, подражая его тактике, осторожно двигался по тому же кругу, время от времени делая выпады головой. Так оба выискивали место, куда нанести удар, а зрители замерли, затаив дыхание.

Хотя этот раунд продлился несколько минут, но закончился он моментально, так что мальчик сумел различить лишь мгновенный выпад святого и последовавший за этим вихрь и путаницу хвоста, когтей, шипов и летящего дерна. Когда поднятая пыль рассеялась, зрители радостно заорали и забегали, и мальчик рассмотрел упавшего дракона, копьем приколотого к земле, и спешившегося святого Георгия, стоявшего над ним, широко расставив ноги.

Все это выглядело так правдоподобно, что мальчик бросился к ним в страхе, не пострадал ли действительно в схватке старый добрый дракон. Когда он подошел поближе, дракон приподнял огромное веко, важно подмигнул и снова обессиленно раскинулся. Копье крепко удерживало его на земле, но святой, как и обещал, поразил его в безопасное место, и дракону даже не было щекотно.

— А не пора ли рубить ему голову, мой господин? — спросил человек из ликующей толпы. Он ставил на дракона и, вполне понятно, был немного раздражен.

— По-моему, лучше не сегодня, — любезно отвечал святой Георгий. — Это ведь никогда не поздно. Зачем торопиться? Давайте все отправимся в деревню и как следует подкрепимся, а потом я прочитаю ему нотацию, и наш дракон запоет совсем по-другому!

Услышав волшебное слово «подкрепимся», толпа выстроилась в процессию в ожидании команды выступать. Время выкриков, и разговоров, и ставок на победителя уже прошло, пробил час настоящего действия. Святой Георгий обеими руками выдернул копье и освободил дракона, который приподнялся, отряхнулся и оглядел все свои шипы, чешуйки и прочие атрибуты — все они, слава богу, были на месте. После этого святой сел на коня и поехал во главе процессии, дракон вместе с мальчиком смиренно следовали за ним, а жаждущие зрители шли позади на почти-тельном расстоянии.

Много великих событий произошло в тот день, когда они вернулись в деревню и собрались на площади перед гостиницей. Подкрепившись, святой Георгий произнес речь, в которой известил своих слушателей, что, невзирая на перенесенные им лично хлопоты и неудобства, он навсегда отвратил от них ужасный бич, и после этого им незачем ворчать, фантазировать и разносить по окрестностям какие-то несуществующие претензии, поскольку отныне их больше не будет. И не стоит чрезмерно увлекаться схватками, потому что вполне возможно, что в следующий раз им самим придется вступить в бой, а это уже совсем другое дело. Не забыл святой упомянуть о барсуке, сидящем в гостиничной конюшне, заявив, что его нужно отпустить немедленно и что он лично проследит за этим. Потом он сказал жителям деревни, что дракон хорошо обо всем подумал и осознал: у любой проблемы имеется обратная сторона, и он больше так не будет, и он может даже поселиться у них, если они будут к нему добрее. Поэтому им следует подружиться и покончить с предрассудками, и не стоит воображать, что они знают обо всем на свете, ведь им неведома и малая толика знаний. И еще он предостерег их от греха романтики и сочинительства, чтобы они не воображали, что люди поверят их домыслам только потому, что они вполне правдоподобны и пестрят заманчивыми подробностями. Потом святой уселся среди виноватых восклицаний, а дракон подтолкнул мальчика в бок и шепнул ему, что лучше и не скажешь. После этого все разошлись по домам и стали готовиться к банкету.

Банкеты — это всегда приятное времяпрепровождение, когда люди в основном едят и пьют. Но самое большое удовольствие в том, что банкеты всегда устраивают после завершения какого-то дела, когда не о чем больше беспокоиться, а завтрашний день наступит не скоро. Святой Георгий был очень счастлив, ведь схватка состоялась, а ему не пришлось никого убивать — он совсем не любил убивать, хотя ему приходилось

это делать. Дракон был очень счастлив, ведь схватка состоялась, а он не был ранен и даже обрел популярность и достойное место в обществе. Мальчик был очень счастлив, ведь схватка состоялась, а оба его друга сохранили прекрасные отношения. Все прочие были очень счастливы, ведь схватка состоялась, а им и не надо было иных причин для счастья. Дракон превзошел самого себя: он для каждого находил правильные слова и оказался душой компании. Мальчик и святой, глядя на происходившее, ощущали себя в роли статистов на этом празднике, а честь и слава полностью достались дракону. Но их это вовсе не обижало, ведь оба они были славными ребятами, а сам дракон отнюдь не загордился и не забыл своих друзей. Он каждые десять минут поворачивался к мальчику и многозначительно спрашивал:

— Послушай! Ты же проводишь меня домой после праздника?

И мальчик кивал в ответ, хотя обещал матери не задерживаться.

Наконец, банкет завершился, и гости разошлись после многочисленных приглашений, поздравлений и пожеланий доброй ночи, и дракон, дождавшись ухода последнего гостя, вышел на улицу вместе с мальчиком, смахнул пот со лба, тяжело вздохнул и уселся прямо на дороге, уставившись на звезды.

— Какая славная ночь! — пробормотал он. — Славные звезды! Славное местечко! Наверное, я тут и прилягу. Сил нет карабкаться на всякие неладные холмы. Мальчик обещал проводить меня домой. Пусть мальчик этим и займется! Я за себя не отвечаю. Мальчик отвечает за меня! — Голова его упала на широкую грудь, и он мирно задремал.

— Вставай, дракон, — жалобно воскликнул мальчик. — Ты же знаешь, что моя мать без меня не ляжет, а я страшно устал. Да, я обещал проводить тебя домой, но я понятия не имел, что из этого выйдет, иначе бы не обещал! — И мальчик уселся на дороге рядом с драконом и расплакался.

Позади них распахнулась дверь, и поток света озарил дорогу: святой Георгий вышел на вечернюю прогулку подышать прохладным воздухом. Он заметил две сидящие рядом фигуры — огромного неподвижного дракона и заплаканного маленького мальчика.

— Что случилось, мальчик? — ласково спросил он, подходя к нему.

— Во всем виноват этот дракон, храпящий как свинья! — всхлипнул мальчик. — Сначала он просит проводить его домой, потом говорит, что это моя проблема, а сам засыпает прямо на дороге! Легче проводить домой стог сена! Я так устал, и дома мать... — И он снова разрыдался.

— Пожалуйста, не расстраивайся, — произнес святой Георгий. — Я помогу тебе, и мы вместе проводим его домой. Вставай, дракон! — сказал он и резко встряхнул дракона за локоть.

Дракон приоткрыл сонные глаза.

— Что за ночь, Георгий! — пробормотал он. — Что за...

— Послушай меня, дракон, — твердо промолвил святой Георгий. — Этот маленький мальчик хочет проводить тебя домой, и тебе прекрасно известно, что ему следовало быть в постели два часа назад. И я просто не представляю, что скажет его мать, и только свинский эгоист мог держать его на ногах так поздно...

— И он немедленно отправится в постель! — вскричал дракон, поднимаясь на ноги. — Бедный малыш до сих пор не спит в столь поздний час! Какой позор, святой Георгий, какая невнимательность! Пойдем вместе с нами, не теряя времени на пустую болтовню. Поддержи меня, мальчик. Спасибо, Георгий, мне не хватало именно твоей твердой руки, чтобы подняться к себе в пещеру!

И они полезли в гору, держась за руки: святой, мальчик и дракон. Огни в маленькой деревне постепенно гасли, но звезды и поздняя луна, сиявшие в небе, освещали их путь по холмам.

А когда они завернули за последний выступ и исчезли из виду, ночной ветерок донес обрывки старой песни. Трудно сказать, кто распевал эту песню, но, по-моему, это был дракон.

— Вот мы и дошли до ваших ворот, — сказал циркач, опуская руку на калитку. — Доброй ночи. Бегите скорее, а то простудитесь!

Неужели это наши ворота? Да, это они — вот на нижней перекладине следы от наших ног, когда мы катались на калитке.

— Нет-нет, подождите еще минутку! — крикнула Шарлотта. — Мне еще нужно узнать столько всего! Остался ли дракон жить в этом месте? И еще...

— Эта история уже закончилась, — ласково, но твердо сказал циркач. — На сегодня — закончилась. Бегите домой! До свидания!

— Интересно, это все взаправду? — спросила Шарлотта, пока мы шли к дому. — В некоторых местах звучало невероятно!

— Вполне может оказаться правдой, — подбодрил я ее.

Шарлотта запрыгнула в дом резво, словно зайчик, прочь от холода и тьмы, а я задержался на тихом морозном воздухе и оглянулся на белый беззвучный мир, раскинувшийся снаружи, прежде чем ступить в уютный мир горящего камина, подушек и веселого смеха. В тот день репетировал церковный хор, готовясь к исполнению рождественских гимнов, и вдоль по дороге шагал запоздалый участник хора, распевая на ходу:

*Во мраке конюшни колени склонил
Георгий святой у яслей Божества.
Дракона ужасного он поразил,
Чтоб мирно мы славили день Рождества!*

Певец удалялся, и рождественский гимн постепенно затих. А я задумался, придерживая щеколду, что, может быть, именно эту песню распевал дракон, покорно взбираясь на вершину холма.

ВАША ДОБРОТА СОВЕРШЕННО МЕНЯ РАЗДРАКОНИЛА

Ни один детский писатель не сравнится трудолюбием с английской писательницей Эдит Несбит (1858–1924), создавшей десятки историй для юных читателей в самом начале XX в. Наибольшую известность Несбит принес фантастический роман «Пятеро детей и Оно»⁹⁰ (1905) и его продолжения, но также она создала множество забавных коротких рассказов, в которых драконы выступают в роли фарсовых злодеев. Многие из этих историй были опубликованы в 1890-е гг. в журнале «Стрэнд», а в 1901 г. вышли отдельным сборником под названием «Книга драконов». В конце своей творческой деятельности Несбит сочинила историю о принцессе и драконе, которые отказались от ролей жертвы и злодея, навязываемых им литературными традициями, а вместо этого подружились. Ее сказка «Последний дракон» была опубликована в 1925 г., уже после смерти писательницы.

Вам, разумеется, известно, что когда-то драконы встречались так же часто, как и автобусы, и представляли почти такую же опасность. Но поскольку каждый воспитанный принц должен был убить дракона и спасти принцессу, то количество драконов неумолимо уменьшалось, и, наконец, принцессам стало невероятно трудно разыскать дракона, от которого их могли спасти. И вот уже драконов больше не осталось ни во Франции, ни в Германии, ни в Испании, Италии или России. Совсем немного ящеров еще попадалось в Китае, но все они были бронзовые и холодные, а в Америке они и вовсе никогда не водились. Но самый последний настоящий дракон жил в Англии давным-давно — еще до истоков классической английской истории. Он обитал в Корнуолле в глубоких пещерах среди камней и был великолепен: в нем было семьдесят футов^{*} от кончика ужасного хвоста до устрашающей морды. Дракон

^{*} 21 метр.

выдыхал огонь и дым и громыхал при ходьбе, ведь у него была железная чешуя. Крылья его походили на половинки зонтика или на крылья летучей мыши, только в тысячи раз больше. Все его боялись, и было отчего.

Так вот, у короля Корнуолла была дочь, и в возрасте шестнадцати лет ей предстояла встреча с драконом: в детской спальне в королевском дворце такие сказки всегда рассказывают в сумерки и принцесса прекрасно знала, что ее ожидает. Дракон, разумеется, ее не съест, потому что явится принц и спасет ее. Но девочка упорно думала, что ей лучше не иметь никакого дела с драконом — тем более спастись от него.

— Все мои знакомые принцы просто глупые мальчишки, — сказала она отцу. — Ну почему меня обязательно должен спасти принц?

— Так уж повелось, дочка, — ответил король, сняв корону и положив ее на траву, ведь кроме них в саду никого не было, и даже короли должны время от времени расслабляться.

— Милый отец, — ответила принцесса и вместо короны надела ему на голову венок из ромашек. — Милый отец, давай мы привяжем какого-нибудь глупого маленького принца, чтобы дракон его увидел около пещеры, а я пойду и убью дракона, и спасу принца! Я фехтую намного лучше, чем наши знакомые принцы.

— Что за идея могла прийти в женскую головку! — сказал король и снова надел корону, потому что к ним приближался премьер-министр с целой корзиной документов на подпись. — Забудь об этом, дитя мое. Я в свое время спас твою мать от дракона. Ты же не считаешь себя лучше матери?

— Но это же самый *последний* дракон. Он не такой, как все.

— Почему? — спросил король.

— Да потому, что он — *последний*, — произнесла принцесса и отправилась на занятия по фехтованию, которому отдавала много сил. Она с усердием тренировалась и никак не могла

отказаться от идеи сразиться с драконом. Девочка была такой старательной ученицей, что скоро стала самой сильной, самой храброй, самой ловкой и самой разумной принцессой в Европе. И при этом она была еще и самой доброй, и самой красивой.

Время пролетело незаметно, и наконец настал тот день, когда принцессу надлежало спасти от дракона. Подвиг этот выпал на долю бледного принца с огромными глазами. Его голова была забита философией и математикой, но, к сожалению, он не преуспел в уроках фехтования. Принц должен был переночевать во дворце и принять участие в банкете.

После ужина принцесса отправила к принцу своего ручного попугая с запиской, в которой написала: «Пожалуйста, принц, выйди на террасу. Нам нужно поговорить без посторонних ушей. Принцесса».

Принц, разумеется, вышел на террасу и при свете звезд издали заметил ее серебряное платье, мелькавшее в тени деревьев. Приблизившись к ней, он сказал:

— Я к вашим услугам, принцесса. — Преклонил колено, обтнутое золотой парчой, и прижал ладонь к груди.

— Как ты думаешь, — прямо спросила принцесса, — тебе удастся убить дракона?

— Я убью дракона, — твердо ответил принц, — или погибну в схватке.

— Какая же польза от твоей гибели? — спросила принцесса.

— Это меньшее, что я могу сделать, — ответил принц.

— Боюсь, это большее, что ты можешь сделать, — возразила принцесса.

— Это единственное, что я могу сделать, — сказал он, — если только не убью дракона.

«Зачем тебе что-то делать для меня — вот что мне не понятно», — размышляла она.

— Я сам так решил, — сказал он. — Ты должна знать, что я люблю тебя больше всего на свете.

Элеонор Эббот. Иллюстрация к сказке «Два брата», 1920 г.

Слова принца были исполнены такой доброты, что он стал немного нравиться принцессе.

— Послушай, — сказала она, — завтра никто никуда не пойдёт. Завтра, после того как меня привяжут к скале, все спрячутся по домам, захлопнут ставни на окнах и выглянут только тогда, когда ты с триумфом проедешь по улицам. Ты будешь кричать о победе над драконом, а я, рыдая от счастья, буду ехать на лошади позади тебя.

— Да, именно так оно и бывает, — ответил он.

— Вот и докажи свою любовь: приходи пораньше, чтобы развязать меня и чтобы мы вместе могли сразиться с драконом!

— Это небезопасно для тебя.

— Куда безопаснее для нас обоих, если я окажусь свободна от пут и встречу дракона с мечом в руке. *Ну же, соглашайся!*

Он не мог ей ни в чем отказать. Поэтому согласился. А на следующий день все случилось так, как она предсказывала.

Он перерезал веревки, которыми она была привязана к скале, и они оказались одни на пустынном склоне горы, глядя в глаза друг другу.

— Я начинаю думать, — сказал принц, — что вся церемония вполне могла бы состояться без участия дракона.

— Да, — ответила принцесса, — но сценарий с участием дракона уже согласован...

— Жалко убивать дракона — самого последнего на свете, — произнес принц.

— Тогда давай не будем, — сказала принцесса. — Давай лучше приручим его. Научим дракона есть из рук принцесс, а не самих принцесс. Говорят, доброта — лучший учитель.

— Чтобы приручить с помощью доброты, нам потребуются лакомства, — ответил принц. — У тебя есть что-нибудь съедобное?

У нее ничего не было, зато у принца оказалось несколько печений.

— Мы завтракали так рано, — сказал он, — я подумал, что ты, возможно, почувствуешь слабость после сражения и захочешь подкрепиться.

— Очень разумно с твоей стороны, — сказала принцесса, и они взяли по печенью в каждую руку. После этого они стали оглядываться по сторонам, но дракона нигде не было видно.

— Вот же его следы, — сказал принц, указав на рытвины и царапины в скале, ведущие к входу в темную пещеру. Они напоминали колею от телеги на дороге в Сассексе вперемежку со следами чаек на морском песке. — Видишь, здесь волочился его медный хвост, а здесь впивались стальные когти.

— Не будем думать о крепких когтях и тяжелом хвосте, — возразила принцесса, — или я могу испугаться. А разве можно

приручить кого-то, даже добротой, если ты его боишься? Ну, давай же. Теперь или никогда.

Она схватила принца за руку, и они бросились бегом по тропинке ко входу в темную пещеру. Но внутрь они заходить не стали. Там действительно было *очень темно*.

Поэтому они остались снаружи, и принц выкрикнул:

— Эгегей! Дракон! Эй там, внутри!

И из пещеры до них донесся ответный возглас, и громкое цоканье, и скрип. Звучало так, будто большая ткацкая фабрика потягивалась и пробуждалась ото сна.

Принц и принцесса задрожали, но не отступили ни на шаг.

— Дракон, слышишь меня? Дракон! — крикнула принцесса. — Выходи, поговори с нами. У нас для тебя есть подарок.

— Знаю я ваши подарки, — прорычал дракон с громким урчанием. — Небось, одна из этих драгоценных принцесс? А я должен выйти и сразиться за нее. Так вот, скажу вам прямо: делать этого я не буду. Я бы не отказался от честной схватки, честной — без дураков, но к чему эти подстроенные бои, где мне никогда не победить? Так и знайте. Если бы мне потребовалась принцесса, я сам бы ее захватил в подходящее время, но мне она ни к чему. Ну сами посудите, что мне делать с принцессой, ежели она у меня окажется?

— Ты ее съешь, наверное? — спросила принцесса слегка дрогнувшим голосом.

— Еще чего, — грубо отвечал дракон. — Я и не притронусь к этой гадости.

Голос принцессы заметно окреп.

— Ты любишь печенье? — спросила она.

— Нет, — прорычал дракон.

— Даже дорогие маленькие печенюшки с сахарной глазурью?

— Нет, — снова прорычал дракон.

— А что ты любишь? — спросил принц.

— Уходите и не тревожьте меня, — рыкнул дракон, и они услышали, как он разворачивается в пещере: стук и звон от его

движений эхом разнесся по пещере подобно грохоту парового молота в арсенале в Вулвиче*.

Принц и принцесса взглянули друг на друга. Что же им делать? Не было смысла идти домой и говорить королю, что дракон не клюнул на принцессу, ведь его величество придерживался старых взглядов и вряд ли поверил бы, что новомодный дракон так отличается от старомодного. Не могли же они проникнуть в пещеру и убить дракона? Раз он не напал на принцессу, то убивать его было просто несправедливо.

— Должен же он хоть что-то любить, — прошептала принцесса и окликнула дракона сладким голосом, слаще меда и тростникового сахара: — Дракон! Милый дракон!

— ЧТО? — заорал дракон. — Повтори, что ты сказала! — И во мраке пещеры они услышали шаги приближающегося дракона. Принцесса содрогнулась и повторила тоненьким голоском:

— Дракон, милый дракон!

И тогда дракон вылез наружу. Принц выхватил свой меч, а принцесса — свой великолепный меч с серебряной рукояткой, который принц привез в своем автомобиле. Но они не стали нападать. Они очень медленно попятились назад при виде дракона, который растянулся вдоль скалы всем своим длинным чешуйчатым телом с полураспростертыми огромными крыльями, сияя на солнце зеленоватым блеском, подобно алмазу. И вот им стало некуда отступать: они уперлись спинами в темную скалу позади себя и стояли так с мечами наготове.

Дракон был все ближе и ближе, и тут они заметили, что он все не дышит огнем и дымом — он медленно подползает, слегка извиваясь туловищем, как игривый щенок, который опасается, что хозяин на него сердится.

* Вулвич — королевский арсенал и оружейный завод на юго-востоке Лондона, построенный еще в XVII в.

И еще они увидели, что по его медным щекам катятся крупные слезы.

— Что с тобой? — спросил принц.

— Никто, — всхлипнул дракон, — никто и никогда не звал меня *милым*!

— Не плачь, милый дракон, — сказала принцесса. — Мы будем звать тебя милым, когда ты захочешь. Мы не прочь тебя приручить.

— Я и так ручной, — произнес дракон, — вот так-то. Правда, никто кроме вас этого не понял. Я такой ручной, что вы можете кормить меня с рук.

— Чем кормить, милый дракон? — спросила принцесса. — Ты же не ешь печенье?

Дракон медленно покачал тяжелой головой.

— Печенье ты не ешь, — ласково повторила принцесса. — Чем же тебя кормить, милый дракон?

— Вы меня покорили! Можно сказать, ваша доброта совершенно меня раздраконила, — ответил дракон. — Никто и никогда

Уорвик Гобл. Иллюстрация к сборнику сказок «Книга фей» (1863)

не спрашивает нас, что бы мы хотели съесть. Вечно нам суют принцесс, а потом начинают их спасать, и никто ни разу нам не предложил: «А не выпить ли нам чего-нибудь за здоровье короля?» Я бы назвал это проявлением крайней жестокости. — И дракон снова разрыдался.

— А что бы ты выпил за наше здоровье? — спросил принц. — У нас сегодня свадьба, верно, принцесса?

Принцесса согласилась.

— Чего бы я выпил за ваше здоровье? — переспросил дракон. — Да вы истинный джентльмен, сэр. Сочту за счастье выпить за ваше здоровье и здоровье вашей невесты, — голос его прервался. — Подумать только, вы так любезны со мной, — добавил он. — Да, сэр, я бы выпил... капельку бе-бе-бе-бензина — драконам бензин идет на пользу...

— У меня в машине полно бензина, — воскликнул принц и кинулся вниз к автомобилю. Он неплохо разбирался в людях и знал, что принцесса будет в полной безопасности с этим драконом.

— Не считите за дерзость, — сказал дракон, — но, пока мы ожидаем джентльмена, просто чтобы скоротать время, не могли бы вы снова назвать меня *милым*? И не откажитесь пожать когти бедному старому дракону, который никому не причинил вреда, кроме как самому себе. Короче говоря, вы можете осчастливить самого последнего дракона, ведь подобной чести не удостоивался ни один на свете дракон — от первого до последнего.

Он протянул огромную лапу, и длинные стальные крючья его когтей нежно сомкнулись на руке принцессы, как когти гималайского медведя, когда он осторожно берет у вас булочку сквозь прутья клетки в зоопарке.

Итак, принц с принцессой, торжествуя, возвратились во дворец, а дракон следовал за ними подобно домашней собачонке. И во время свадебного пиршества никто из гостей не пил с такой

искренностью за счастье жениха и невесты, как домашний дракон принцессы, которого она тут же окрестила Фидо.

А когда счастливая чета обосновалась в собственном королевстве, Фидо явился к ним и умолял оставить его при дворце, чтобы он мог приносить пользу.

— Должно же быть хоть что-то, что я могу для вас сделать, — сказал он, хлопая крыльями и разминая когти. — Мои крылья, и когти, и все остальное, не говоря уже о благодарном сердце, — все должно служить вам и быть полезным.

Поэтому принц распорядился изготовить для дракона специальное седло, похожее на очень длинный паланкин, — длиннее, чем несколько трамваев, собранных вместе. В паланкине устроили сто пятьдесят сидений, и дракон, который полюбил доставлять радость другим, с огромным удовольствием катал группы детей к морю. Он легко переносился по воздуху со ста пятьюдесятью маленькими пассажирами на спине, а потом терпеливо лежал на пляже, пока не подходило время возвращаться домой. Дети обожали дракона и называли его *милым*, и он платил за их ласку слезами привязанности и благодарности. Так он и жил, принося пользу и в окружении всеобщего уважения, пока совсем недавно кто-то в его присутствии не сказал достаточно громко, что драконы устарели и что им на смену приходят разные новые механизмы. Дракон очень расстроился и попросил короля превратить его во что-то более современное, а добрый монарх тут же переоборудовал его в механическое устройство. Так из дракона получился первый аэроплан.

МОИ БЛАГОДАРНОСТИ

Этой книгой я завершаю трилогию исторических антологий о границах воображения досовременной эпохи. Я начал с «Книги о живых мертвецах» и продолжил сборником «Ад: история идеи и ее земные воплощения». Содержание и сюжеты этих книг родились в результате бесед с моим редактором Джоном Сицилиано, который направлял и вдохновлял меня. Я также многим обязан моим многочисленным помощникам, коллегам и студентам, внесшим неоценимый вклад в создание этой книги. Профессор Пол Акер из Университета Сент-Луиса и профессор Энтони Калделлис из Университета Огайо умело выполнили переводы для третьей и пятой глав. Доктор Дариус Кляйн любезно разрешил мне адаптировать для девятой главы его перевод рассуждения о драконах Афанасия Кирхера.

Три докторанта кафедры истории Фордемского университета с огромным энтузиазмом приняли участие в лингвистической обработке текстов: Бенджамин Бертран, Дуглас Хамилтон и Вильям Таннер Смут. Я также благодарен профессору Карле Наппи (Университет Питсбурга) и профессору Тимоти Бруку (Университет Британской Колумбии) за их помощь с азиатскими драконами. Профессор Ник Пол (Фордемский университет) подсказал мне историю о драконах Германа Турнайского для четвертой главы, а Шэннон Чакраборти для восьмой главы порекомендовала мне прочитать «Шахнаме» («Книгу царей»), написанную Абул-Касимом Фирдоуси. Я также в долгу перед студентами-старшекурсниками, которые активно обсуждали многие мои тексты из курса «Чудовища, магия и живые мертвецы: удивительные события в средневековой Европе», который я вел в Фордемском университете в первом семестре 2019 г.

Я смог закончить эту книгу благодаря финансовому гранту для сотрудников Фордемского университета, позволившему мне оставить преподавание осенью 2020 г. При составлении библиографии я мог в любой момент обратиться за помощью к моим верным друзьям — профессору Кристоферу Джоунсу (Государственный университет Огайо) и доктору Джулии Барро (Кембриджский университет). Я выражаю признательность Бенджамину Бертрану, Аманде Расин и Вильяму Таннеру Смуту за проверку и правку страниц моей рукописи. И, как всегда, самая сердечная признательность Анне, Мире и Вивьенн, которые не меньше меня обожают истории о драконах.

ОБ АВТОРЕ

Скотт Гордон Брюс — профессор истории в Фордемском университете. Редактор и издатель *The Penguin Book of the Undead* («Книга о живых мертвецах») и *The Penguin Book of Hell* («Ад: история идеи и ее земные воплощения»), автор книг об аббатстве Ключни: *Silence and Sign Language in Medieval Monasticism: The Cluniac Tradition, c. 900–1200* («Молчание и язык жестов в средневековом монашестве: традиция Ключни, от 900 до 1200 г.», 2007); *Cluny and the Muslims of La Garde-Freinet: Hagiography and the Problem of Islam in Medieval Europe* («Ключни и мусульмане в Ла-Гард-Френе: агиография и проблема ислама в средневековой Европе», 2015), в соавторстве с Кристофером Джонсом создал труд *The Relatio metrica de duobus ducibus: A Twelfth-Century Cluniac Poem on Prayer for the Dead* («Метрика взаимоотношений двух лидеров: поэма Ключни XII в. о молитве за усопших», 2016). Редактор журнала *Medieval Review*, действующий член Американской академии медиевистики. Читал лекции в Израиле, США, Канаде и Европе, также проводил выездные исследовательские встречи в Институте перспективных исследований в Принстоне, Дрезденском техническом университете в Германии, Гентском университете в Бельгии, в Колледже Эммануэля британского Кембриджского университета. Во время учебы в колледже работал могильщиком.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Arnold, Martin. Dragon: Fear and Power. New York : Reaktion Books, 2018.

Good Dragons are Rare: An Inquiry into Literary Dragons East and West. / ed. Fanfan Chen and Thomas Honegger. Frankfurt : Peter Lang, 2009.

Honegger, Thomas. Introducing the Medieval Dragon. Cardiff : University of Wales Press, 2019.

Дэвид Джонс. Инстинкт драконов. Нью-Йорк ; Лондон : Routledge, 2002.

Jones, David. An Instinct for Dragons. New York and London : Routledge, 2002.

Lionarons, Joyce Tally. The Medieval Dragon: The Nature of the Beast in Germanic Literature. Enfield Lock, Middlesex : Hisarlik Press, 1998.

Ogden, Daniel. Drakon: Dragon Myth and Serpent Cult in the Greek and Roman Worlds. Oxford : Oxford University Press, 2013.

Rauer, Christine. Beowulf and the Dragon: Parallels and Analogues. Rochester, NY : Boydell and Brewer, 2000.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ¹ Аполлодор. Мифологическая библиотека (The Library 2.5.2) / пер. сэра Джеймса Джорджа Фрэзера. Кембридж, Массачусетс : Издательство Гарвардского университета, 1921. С. 187–189 (небольшая адаптация).
- ² Лукан. Фарсалия, или О гражданской войне (Civil War 9.777–924) / пер. Мэттью Фокса. Нью-Йорк : Penguin Books, 2012. С. 273–277.
- ³ Овидий. Метаморфозы (Metamorphoses 3) / пер. Мэри Иннес. Нью-Йорк : Penguin Books, 1955. С. 74–77.
- ⁴ Вергилий. Энеида (The Aeneid 2.256–288) / пер. Роберта Фэглза. Нью-Йорк : Viking Penguin, 2006. С. 81–82.
- ⁵ Силий Италик. Пуника (Punica 6.140–286) : в 2 т. / пер. Джеймса Даффа. Кембридж, Массачусетс : Harvard University Press, 1934. Т. 1. С. 293, 295, 297, 299, 301 и 303.
- ⁶ Плиний. Естественная история (Historia Naturalis 8.11–13 и 37.57) : в 6 т. / пер. Джона Бостока и Генри Томаса Райли. Лондон : Henry J. Bohn, 1890. Т. 2. С. 259–262; Т. 6. С. 447 (обновлено и адаптировано).
- ⁷ Бытие 3: 1–15.
- ⁸ Книга Иова 40: 10–27 и 41: 1–26.
- ⁹ Книга пророка Даниила 14: 23–28.
- ¹⁰ Откровение Иоанна Богослова 12: 1–17 и 20: 1–3.
- ¹¹ Мученичество святых Перпетуи и Фелицитаты (The Martyrdom of Perpetua and Felicity 3–4) / пер. Каролин Уайт // Lives of Roman Christian Women. Нью-Йорк : Penguin Books, 2010. С. 6–8.
- ¹² Деяния Филиппа (The Acts of Philip 8–9) / пер. Монтегю Родса Джеймса (небольшая адаптация) // The Apocryphal New Testament. Оксфорд : Oxford University Press, 1924. С. 446–448.
- ¹³ Деяния Филиппа (The Acts of Philip 11) / пер. Франсуа Бовона и Кристофера Мэтьюза // The Acts of Philip: A New Translation. Уэйко, Техас : Baylor University Press, 2012. С. 81–84.
- ¹⁴ См. выше «Змей в саду».
- ¹⁵ Бытие 4: 1–18.
- ¹⁶ Стражи известны из апокалиптической Книги Еноха, написанной ок. 300–200 гг. до н. э.
- ¹⁷ Исход 7: 8–13.
- ¹⁸ Деяния Филиппа (The Acts of Philip 13) / пер. Франсуа Бовона и Кристофера Мэтьюза. С. 87–88.
- ¹⁹ Пер. Скотта Гордона Брюса из Венанция Фортуната. Житие святого Марцелина (Vita sancti Marcelli 10) ; под ред. Бруно Круша // Monumenta Germaniae Historica: Auctores antiquissimi 4.2. Берлин : Apud Weidmannos, 1885. С. 53–54.

- ²⁰ Версию более позднего средневекового рассказа о встрече папы Сильвестра с драконом в Риме см. ниже.
- ²¹ Пер. Скотта Гордона Брюса. Григорий I Великий (*Dialogorum libri quattuor*. 2.25 и 4.38) / под ред. Жака Поля Миня // *Patrologiae Cursus Completus: Series Latina* 66. Париж : Apud editorem, 1859. Стлб. 182; Там же. *Series Latina* 77. Париж : Apud editorem, 1896. Стлб. 389 и 392–393.
- ²² Адамнан Ионский. Житие святого Колумбы (*Life of St. Columba* 2.27) / пер. Ричарда Шарпа. Нью-Йорк : Penguin Books, 1995. С. 175–176.
- ²³ Гримм Якоб. Германская мифология (*Teutonic Mythology*) : в 4 т. / пер. Джеймса Стивена Сталлибрасса. Лондон : George Bell & Sons, 1883. Т. 2. С. 689.
- ²⁴ Беовульф (*Beowulf*) 874–897; 2208–2231; 2270–2354; 2397–2427; 2508–2610; 2661–2846; 2900–2913; 3028–3057 и 3129–3182. В настоящем издании приводится в пересказе с выдержками из пер. В. Тихомирова.
- ²⁵ Толкин Джон Рональд Руэл. Хоббит, или Туда и обратно (*The Hobbit, or There and Back Again*). Лондон : George Allen & Unwin Ltd., 1937. С. 33.
- ²⁶ Пер. Пола Акера. Сага о Вёльсунгах (*Völsunga saga* 18) / под ред. Р. Г. Финча. Лондон : Nelson, 1965. С. 31–32.
- ²⁷ Толкин Джон Рональд Руэл. Беовульф: Чудовища и критики (*Beowulf: The Monsters and the Critics*) // *Proceedings of the British Academy* 2. 1936. С. 253.
- ²⁸ Пер. Пола Акера. Сага о Кетиле Лосоце (*Ketils saga hængs*) / под ред. Гудни Йонссона // *Fornaldar sögur Norðurlanda*: в 4 т. Рейкьявик : Íslendingasagnaútgáfan, 1950. Т. 2. С. 153.
- ²⁹ Пер. Пола Акера. Сага о Тидреке Бернском (*Piðreks saga af Bern*) / под ред. Гудни Йонссона // Там же. Т. 1. С. 156–158.
- ³⁰ Исидор Севильский. Этимологии (*Etymologies* 12.4.4–5 и 16.16.7) / пер. Эрнеста Брео // *An Encyclopedist of the Dark Ages: Isidore of Seville*. Нью-Йорк : Издательство Колумбийского университета, 1912. С. 227–228 и 255 (в адаптации).
- ³¹ Пер. Скотта Гордона Брюса. Чудеса Востока (*De rebus in Oriente mirabilibus* 15–16). Книга чудовищ (*Liber Monstrorum* 1.49 и 3.13) / под ред. Энди Орчарда // *Pride and Prodigies: Studies in the Monsters of the Beowulf-Manuscript*. 2-е изд. Торонто : Издательство Торонтского университета, 2003. С. 178 и 312.
- ³² Пер. Бенжамина Бертрана и Скотта Гордона Брюса. Рабан Мавр (*De universo* 8.3) / под ред. Жака Поля Миня // *Patrologiae Cursus Completus: Series Latina* 111. Париж : Garnier Freres, 1844. Стлб. 229–230.
- ³³ До этого места Рабан практически дословно цитирует главу о драконах из «Этимологии» Исидора Севильского (см. выше).
- ³⁴ Псалтирь 73: 13.
- ³⁵ Псалтирь 73: 14.
- ³⁶ Пер. Бенжамина Бертрана и Скотта Гордона Брюса. Арнольд из Святого Эммерама (*De miraculis sancti Emmerammi libri duo*. 2) / под ред. Жака Поля Миня // *Patrologiae Cursus Completus: Series Latina* 141. Париж : Apud editorem, 1880. Стлб. 1039–1041.
- ³⁷ Ср.: Второе послание Петра 3: 5–7.

- ³⁸ Ср.: Второе послание Петра 3: 12–13.
- ³⁹ Ср.: Послание Иуды 6.
- ⁴⁰ Иов 41: 6. Описание Левиафана в Книге Иова см. выше.
- ⁴¹ Арнольд так определяет дату, что мы не можем точно понять, в какой именно день поздней весны или раннего лета он увидел дракона, поскольку Пятидесятница (Троица) — это праздник, приходящийся на седьмое воскресенье после Пасхи, соответственно, дата его меняется из года в год.
- ⁴² Откровение 12: 12. Дальнейшее описание дракона в Откровении Иоанна Богослова см. выше.
- ⁴³ Здесь Арнольд дословно цитирует главу о драконах из «Этимологий» Исидора Севильского (см. выше). Патрик Гири считает, что монах «предположительно скопировал рукопись Исидора, которая, как известно, находилась в Святом Эммераме в конце X века». См.: Патрик Дж. Гири. Фантомы воспоминания: память и забвение в конце первого тысячелетия (Phantoms of Remembrance: Memory and Oblivion at the End of the First Millenium). Принстон : Princeton University Press, 1994. С. 158–176, 161.
- ⁴⁴ Пер. Скотта Гордона Брюса и Вильяма Таннера. Смута из Германа Турнейского (De miraculis beatae Mariae Laudunenis 2.11) / под ред. Жака Поля Миня // *Patrologiae Cursus Completus: Series Latina* 156. Париж : Apud editorem, 1853. Стлб. 981–982.
- ⁴⁵ Пер. Бенжамина Бертрана и Скотта Гордона Брюса. Джованни Белето. Summa de ecclesiasticis officiis 137 / под ред. Жака Поля Миня // *Patrologiae Cursus Completus: Series Latina* 202. Париж : Apud editorem, 1855. Стлб. 141–142.
- ⁴⁶ Псалтирь 148: 7.
- ⁴⁷ Монмутский Гальфрид. История королей Британии (The History of the Kings of Britain 7.3) / пер. Льюиса Торпа. Нью-Йорк : Penguin Books, 1977. С. 166–171.
- ⁴⁸ Пер. Бенжамина Бертрана и Скотта Гордона Брюса. De bestis et rebus aliis libri quatuor. 23–24 и 34 / под ред. Жака Поля Миня. *Patrologiae Cursus Completus: Series Latina* 177. Париж : Apud editorem, 1879. Стлб. 69–72 и 99–100.
- ⁴⁹ Послание к Ефесеянам 4: 8.
- ⁵⁰ Евангелие от Луки 1: 35.
- ⁵¹ Марко Поло. Путешествия (The Travels 4) / пер. Рональда Эдварда Лэтэма. Нью-Йорк : Penguin Books, 1958. С. 178–180.
- ⁵² Пер. Энтони Калделлиса. Псевдо Иоанн Дамаскин. De draconibus / под ред. Жака Поля Миня // *Patrologiae Cursus Completus: Series Graeca* 94. Париж : Apud editorem, 1864. Стлб. 1600–1604.
- ⁵³ Вероятно, это отсылка к легендарным историям рождении Александра Македонского, в которых его мать Олимпиаду обманом соблазнил египетский колдун по имени Нектанеб. Он пришел к ней в постель как бог Амон Ливийский в виде змея или дракона. Версию этой легенды можно найти в романе The Greek Alexander Romance 1.4–14 / пер. Ричарда Стоунмана. Нью-Йорк : Penguin Books, 1991. С. 37–47.
- ⁵⁴ Бытие 2: 19–20.

- ⁵⁵ Пер. Энтони Калделлиса. Михаил Пселл. *De meteorologicis* / под ред. Дж. М. Даффи и Джона О'Мира. *Michaelis Pselli philosophical minora*. Vol. 1: *Opuscula logica, physica, allegorica, alia*. Штутгарт ; Лейпциг : De Gruyter, 1992. С. 69–76.
- ⁵⁶ Пер. Энтони Калделлиса. *Acta sanctae Marinae et sancti Christophori* / под ред. Германа Узенера. *Festschrift zur fünften Säcularfeier der Carl-Ruprechts-Universität zu Heidelberg*. Бонн : Университетская книгопечатная мастерская К. Георгия, 1886. С. 25–30.
- ⁵⁷ Пер. Энтони Калделлиса. Βίος καὶ πολιτεία καὶ ἄθλησις τοῦ ἁγίου ἱερομάρτυρος Ὑπατίου ἐπισκόπου πόλεως Γαγγρῶν τῆς τῶν Παφλαγόνων ἐπαρχίας 8–19 / под ред. С. Ферри // *Il Bios e il Martyrion di Nupatios di Gangrai*. *Studi Bizantini e Neoellenici*. 1931. № 3. С. 80–82.
- ⁵⁸ Деяния 28: 3–5.
- ⁵⁹ Пер. Энтони Калделлиса. Ἰωσήφ τοῦ χρηματίσαντος μητροπόλιτου Τραπεζοῦντος Λόγος ὡς ἐν συνόψει διαλαμβάνων τὴν γενέθλιον ἡμέραν τοῦ ἐν θαύμασι περιόητου καὶ μεγάλου Εὐγενίου. Изд. Дж. О. Розенквист. *The Hagiographic Dossier of Saint Eugenius of Trebizond in Codex Athous Dionysiou*. 154. Уппсала : Уппсальский университет, 1996. С. 220–225.
- ⁶⁰ Пер. Энтони Калделлиса. Τὸ κατὰ Καλλιμάχον καὶ Χρυσορρόην ἐρωτικὸν διήγημα, стихи 473–693 / под ред. Мишель Пичар // *Le roman de Callimaque et de Chrysorrhoe*. Париж : Les Belles-Lettres, 1956. С. 18–26.
- ⁶¹ Кретьен де Труа. *Arthurian Romances* / пер. Уильяма Киблера. Нью-Йорк : Penguin Books, 1991. С. 337.
- ⁶² Пер. Дугласа Гамильтона. *Les Chétifs*. Строки 1594–1614, 2473–2571, 2660–2726, 2786–2795 и 2799–2869 / под ред. Джефффри Майерса // *The Old French Crusade Cycle*. Vol. V: *Les Chétifs*. Тускалуса : Издательство Алабамского университета, 1981. С. 38, 57–59, 61–63 и 64–66.
- ⁶³ Евангелие от Иоанна 11: 1–44.
- ⁶⁴ Ворагинский Иаков. Золотая легенда: Избранное : сб. (*The Golden Legend: Selections*) / пер. Кристофера Стейса. Нью-Йорк : Penguin Books, 1998. С. 116–118.
- ⁶⁵ Пер. Скотта Гордона Брюса. Ворагинский Иаков. *Legenda Aurea* / под ред. Теодора Грессе. 3-е изд. Бреслау : Koebner, 1890. С. 78–79.
- ⁶⁶ Ворагинский Иаков. Золотая легенда: Избранное. С. 162–163.
- ⁶⁷ Там же. С. 183–184.
- ⁶⁸ Спенсер Эдмунд. Королева фей (*The Faerie Queen*). Кн. 1, песни 1 и 11 / под ред. Томаса Джеймса Уайза. Лондон : George Allen, 1897. С. 8–14 и 213–231.
- ⁶⁹ Неизвестный автор. Дракон из Вонтли (*Dragon of Wantley*) // *Reliques of Ancient English Poetry*: в 3 т. / под ред. Томаса Перси. 3-е изд. Лондон : John Nichols, 1794. Т. 3. С. 297–308.
- ⁷⁰ Мильтон Джон. *Paradise Lost*. Поэма в 12 книгах. Кн. 10. 2-е изд. Лондон : S. Simmons, 1674. С. 266–267, строки 504–547.
- ⁷¹ Ригведа (*The Rig Veda* 1.32) / пер. Венди Донигер. Нью-Йорк : Penguin Books, 2004. С. 149–151.
- ⁷² Аль-Масуди. Золотые копи и россыпи самоцветов (*Meadows of Gold and Mines of Gems*) / пер. Алоиса Спренгера. Лондон : Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, 1841. Т. 1. С. 291–293.

- ⁷³ Фирдоуси Абулькасим. Шахнаме: Персидская книга царей (Shahnameh: The Persian Book of Kings) / пер. Дика Дэвиса. Нью-Йорк : Penguin Books, 2016. С. 154–155.
- ⁷⁴ Ясумаро Оно. Kojiki. 1.18 / пер. Бэзила Чемберлена. Токио : Asiatic Society of Japan, 1906. С. 71–73 (в адаптации).
- ⁷⁵ Шичжэнь Ли. Bencao Gangmu / пер. Карла Наппи. The Monkey and the Inkpot: Natural History and its Transformations in Early Modern China. Кембридж, Массачусетс : Издательство Гарвардского университета, 2009. С. 56.
- ⁷⁶ The Japanese Fairy Book / пер. Йей Теодора Одзаки. Нью-Йорк : P. Dutton and Company, 1908. С. 1–11.
- ⁷⁷ Там же. С. 26–42.
- ⁷⁸ Неизвестный автор. A Discourse Relating a Strange and Monstrous Serpent or Dragon. Лондон : John Trundle. 1614.
- ⁷⁹ Уолшем Александра. Providence in Early Modern England. Оксфорд : Oxford University Press, 1999. С. 45.
- ⁸⁰ В брошюре приводится латинский текст из поэмы Лукана «Фарсалия, или О гражданской войне» 9.771, см. выше.
- ⁸¹ Топселл Эдвард. The History of Four-Footed Beasts and Serpents. Лондон : E. Cotes, 1658. С. 701–716.
- ⁸² Здесь Топселл ссылается на «Изложение псалма» 148: 7 Аврелия Августина. См.: Августин. Expositions on the Book of Psalms // The Nicene and Post-Nicene Fathers. Серия 1. Т. 8. Нью-Йорк : Christian Literature Company, 1888. С. 1466–1467.
- ⁸³ Пересказ из «Изложения псалма» 148: 7 Аврелия Августина. См. прим. 146.
- ⁸⁴ Второзаконие 32: 33.
- ⁸⁵ Вероятно, здесь Топселл ссылается на Гелиодора из Эмезы, греческого писателя IV в.
- ⁸⁶ Пер. Дариуса Кляйна в небольшой адаптации Скотта Гордона Брюса. Афанасий Кирхер. Mundus Subterraneus in XII Libros Digestus : в 2 т. Амстердам : Joannem Janssonium, 1665. Т. 2. С. 89–96.
- ⁸⁷ Газета Cleveland Plain Dealer (Кливленд, штат Огайо). 22 апреля 1882 г. С. 2.
- ⁸⁸ Газета Tombstone Epitaph (Тумстоун, штат Аризона). 26 апреля 1890 г.
- ⁸⁹ Кеннет Грэм. The Reluctant Dragon // Dream Days. Нью-Йорк ; Лондон : The Bodley Head, 1898. С. 179–245.
- ⁹⁰ Несбит Эдит. The Last of the Dragons // Five of Us and Madeline. Лондон : T. Fisher Unwin, 1925. С. 171–178.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1, 89 T Studio / Shutterstock. **2, 8, 56** Иллюстрации Андрея Фереца. **11** GAME OF THRONES (2011), directed by DANIEL MINAHAN. HBO / Album / Diomedia. **15, 50, 170, 216** Art Institute of Chicago. **18** Smithsonian American Art Museum. **21, 25, 51, 52, 59, 99, 140, 206, 258** Metropolitan Museum of Art (Нью-Йорк). **22, 28, 37, 49, 76, 95, 100, 106, 109, 112, 116 (справа), 118, 119, 125, 127, 132, 135, 175, 179, 183, 200, 212, 215, 251, 281, 284, 292, 295, 299, 335, 339** Wikimedia Commons. **26** Albertina Museum (Вена). **30, 103, 143, 235** Library of Congress. **32** Staatgalerie (Штутгарт). **35** Wellcome Collection. **38, 39** Smithsonian Design Museum. **43, 55, 67 271** Rijksmuseum (Амстердам). **45** Storm Is Me / Shutterstock. **46** Yale Center for British Art. **63** The Smithsonian Institution. **64** Philadelphia Museum of Art. **70** Water reptiles of the past and present: The University of Chicago Press. **71** andrey oleynik / Shutterstock. **84** Rackham A. Siegfried and The Twilight of the Gods. London: William Heinemann, New Impression ed., 1911. **87** Schalk G. Deutsche Heldensage für Jugend und Volk. Verlag von Emil Strauß, 1903. **93** The National Gallery of Art. **96** Harley Ms. 3244, fol. 59 / Wikimedia. **111** Alfred Fredericks, from The boy's Mabinogion, edited by Sidney Lanier, New York, 1881 / www.archive.org. **116 (слева), 177** Digital image courtesy of the Getty's Open Content Program. **121, 289** Таня Дюпер. **122** Harley 4418 f. 214v. Jean d'Arras, Roman de Mélusine, c. 1450 (British Library). **137** Tithi Luadthong / Shutterstock. **152** New York Public Library. **153** Bibliothèque nationale de France. **156** Koninklijke Bibliotheek. **167, 173** Alte Pinakothek (Мюнхен). **186** Edmund S., James W. Th., Walter C. Spenser's Faerie queene. A poem in six books, with the fragment Mutabilite. London, G. Allen, 1897. **195** The Dragon of Wantley, Etc. [By Henry Carey. With a Plate by John June.]. **209** The Cleveland Museum of Art. **219** Museum of Fine Art Boston. **224** Los Angeles County Museum of Art. **228** The Art Institute of Chicago. **245** Марина Клейман. **265** Historiae naturalis de quadrupedibus libri : cum aeneis figuris (www.biodiversitylibrary.org). **266** Wellcome Collection. **302** Asanee Srikiyvilakul / Shutterstock. **309** Марина Клейман. **318** The Cleveland Museum of Art.

МИ∞ Культура

ИСКУССТВО

АРХИТЕКТУРА И УРБАНИЗМ

БИОГРАФИИ И МЕМУАРЫ

ПУБЛИЦИСТИКА И ЭССЕИСТИКА

НОН-ФИКШН ИСТОРИИ

МУЗЫКА, ТЕАТР, ТАНЕЦ

КУЛЬТУРА ДРЕВНОСТИ

ЛИТЕРАТУРА

СТРАНОВЕДЕНИЕ

#mifculture

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/kultura-letter

Все книги по культуре
на одной странице:
mif.to/culture

mifculture

КУЛЬТУРА

Научно-популярное издание

Мифы от и до

Автор-составитель

Брюс Скотт Гордон

Мифы о драконах

От змея-искусителя и лернейской гидры
до скандинавского Фафнира и морского Левиафана

В оформлении обложки использованы изображения
по лицензии Shutterstock.com

Руководители редакционной группы *Ольга Киселева, Надежда Молитвина*

Шеф-редактор *Дарья Калачева*

Ответственные редакторы *Ольга Нестерова, Дарья Урбанская*

Литературный редактор *Надежда Соболева*

Креативный директор *Яна Паламарчук*

Арт-директор *Максим Гранько*

Верстка *Ирина Гревцова*

Корректоры *Мария Молчанова, Лилия Семухина*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»

123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru

vk.com/mifculture

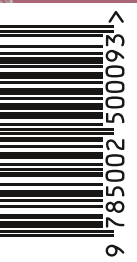
Драконы — самое знаменитое творение человеческой фантазии. Чудовищные змеи греко-римских мифов, средневековые воплощения дьявола, стражи сокровищ в скандинавских сагах — разные эпохи и культуры порождали своих драконов, в которых отражались чаяния и страхи человечества. Век за веком эти существа вызывали трепет и восхищение, вдохновляя бесчисленных писателей, поэтов и художников.

Эта книга — захватывающее иллюстрированное исследование происхождения и роли драконов в мировой культуре: от Античности до книг Толкина и Джорджа Мартина. Вы проделаете большое путешествие через страны и тысячелетия, чтобы увидеть драконов во всем их великолепии.

Автор-составитель Скотт Гордон Брюс — профессор истории в Фордемском университете. Редактор и издатель «Книги о живых мертвецах» и книги «Ад: история идеи и ее земные воплощения». Редактор журнала *Medieval Review*, член Американской академии медиевистики.

Перевод Наталии Ивановой

#мифыюдраконах

МИО

mann-ivanov-ferber.ru

@mifculture